Б. И. БЕРКОВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. И. МИХАЛЕВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР
МОСКВА 1930 г.

МОСКОВСКИЙ ПРОМЫШЛЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. И. РЫКОВА

ТРУДЫ ФИНАНСОВОГО ФАКУЛЬТЕТА.

ВЫПУСК I

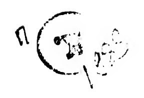
Б. И. БЕРКОВСКИЙ

Главнейшие замеченные опечатки.

Страница.	*Строка.* (*) означает снизу)	*Напечатано.*	*Должно быть.*
4 (от автора)	6*)	пользуясь	пользуюсь
там же	в конце	27/XII 1929 г.	7/IX 1929 г.
9	21	предполагает	не предполагает
50	6	на монете	в монете
63	11—12	развитие	развитии
там же	15	меньшее	меньше
70	5	банкноты	банкноту
76	20	ошибок	ошибки
там же	21	на сторону	на стороне
там же	10*)	ценности	—
77	17	ними	нами
81	13*)	отказаться	отказать
87	10, 11—12	дебитовые	дебетовые
94	8	рубли	кроны
96	11—12	повину	половину
103	3—4*)	середину	сердцевину

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР

МОСКВА 1930 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ст.-ф. А5 148×210
ГЛАВЛИТ № А-56305
ТИРАЖ 4.000 ЭКЗ.
МОСКВА—1929
ГОЗНАК

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Очерки по марксистской теории денег“ тов. Берковского выходят первым выпуском трудов Финансового факультета Московского Промышленно-экономического Института, по поручению которого я пишу эти строки.

Значение развернувшейся в последнее время дискуссии по вопросам политической экономии очень велико. Пример как левого, так и правого уклона ясно показал, как тесна связь между извращением революционной теории и революционной практики. Дискуссия в настоящее время заканчивает только первый свой этап. Продискутирован вопрос о предмете политической экономии и теории стоимости в тесном смысле этого слова. На очереди—теория денег. Поскольку тов. Берковский в своих „Очерках“ подвергает критике взгляды ряда марксистских и псевдомарксистских авторов по теории денег, появление настоящей книжки следует считать своевременным.

„Очерки“ не лишены дефектов. Укажем мимоходом некоторые из них. Тов. Берковский вскрывает ошибочность того представления, будто деньги и товар противостоят друг другу в обращении, так сказать, на равных правах, и будто удельный вес денег в обращении также колеблется вокруг их стоимости, как и цена товара вокруг его стоимости. Но, правильно разрушая это ложное представление, тов. Берковский оставляет взамен него пустое место и ничего не делает для выяснения действительной роли денег в обращении. Далее, в стремлении реабилитировать количественную теорию денег Рикардо от обвинения в вульгарности и доказать ее „рафинированный“ характер, автор несколько увлекается, и вследствие этого несколько затушевывает ошибки Рикардо.

Тов. Берковский местами монотонен, имея склонность стричь под одну гребенку всех критикуемых им авторов и все их ошибки, не делая различия между ошибками принципиального характера и неудачными формулировками.

Несколько странное впечатление производят среди чисто-теоретического материала очерки об интервалютных курсах и чековом обращении, в которых преобладает описательный материал, хотя последний сам по себе весьма полезен.

За всем тем на стороне тов. Берковского то важное достоинство, что он старается твердо стоять на марксистской позиции, и что он в затрагиваемых им вопросах ближе к Марксу, чем те авторы, которых он критикует.

27/XII 1929 г.

Ф. И. Михалевский.

ОТ АВТОРА.

Настоящая работа возникла в связи с руководством мною семинарами по курсу „Деньги и денежное обращение“ на Финансовом факультете Московского Промышленно-экономического Института им. А. И. Рыкова и участием в работах Научно-исследовательского кружка финансистов-экономистов при указанном Институте.

Книга названа „Очерки по марксистской теории денег“. Этим названием я хотел подчеркнуть, что работа не претендует на исчерпывающее освещение всей марксистской теории денег, а является попыткой подойти к постановке и разрешению только некоторых проблем. При этом я имел в виду необходимость заострить внимание на опасность вульгаризации, упрощения марксистской теории денег и привнесения в нее чуждых элементов.

Хотя эта книга и не является моей первой работой в данной области [1]), тем не менее я рассматриваю ее лишь как этап в изучении мною теории денег Маркса

Я счел необходимым включить в работу очерк, посвященный теории денег Д. Рикардо, так как изучение последней значительно облегчает усвоение Марксовой теории денег, в особенности его взглядов на сущность денег. Кроме того, я попутно хотел показать, что и в теории денег предшественником Маркса был именно Рикардо [2]). Надеюсь, что мне удастся вернуться к теории денег Рикардо в специальной работе.

Недостаток места не позволил мне должным образом развить в отдельных очерках защищаемые мною положения. Сплошь и рядом мне пришлось давать лишь сжатые тезисообразные формулировки.

Не все очерки построены одинаково. В очерках „Интервалютные курсы“ и „Чековое обращение“, в отличие от остальных я не полемизирую с другими авторами, так как по этим вопросам вообще мало написано в марксистской литературе.

В заключение два технических замечания.

1. В одних работах, которые мне пришлось цитировать, применяется термин „ценность“, в других то же понятие обозначается словом „стоимость“. В целях терминологического единства я позволил себе всюду применять „ценность“, за исключением очерка о теории денег А. Кона который принципиально придерживается термина „стоимость.“

2. Все места, выделенные в тексте курсивом, подчеркнуты мною.

Пользуясь случаем выразить свою искреннюю благодарность Ф. И. Михалевскому, ознакомившемуся с работой в оттисках и давшему мне ряд весьма ценных указаний, которыми я непреминул воспользоваться при окончательной редакции.

Также выражаю признательность Ректору Института им. А. И. Рыкова т. Я. С. Ганецкому и Декану Финансового факультета т. С. Е. Розенбергу за оказанное ими содействие в выходе книги. 27/XII 1929 г.

---

[1]) В 1924 г. мною был сделан доклад в Институте Экономических Исследований НКФ СССР о чековом обращении (напечатан в „Вестнике Финансов“ № 8 за 1924 г.), в 1929 г. мною написана под редакцией проф. Д. А. Лоевецкого вторая часть курса „Деньги и денежное обращение“, в издании заочных курсов НКФ, и в книге 7—8 журнала „Проблемы экономики“ помещена моя статья „К характеристике денежной системы СССР“.

[2]) Сравни с предисловием проф. А. Ю. Финн-Енотаевского к его работе „Деньги и кредит“—сборник № 8 „Новые идеи в экономике“.

Ценность денег и ценность золота.

Евгений Варга на протяжении ряда лет продолжает защищать точку зрения, согласно которой изменение в условиях производства денежного товара не влияет на ценность денег. Эта точка зрения встретила в свое время возражения со стороны Отто Бауэра, К. Каутского и др., однако нам кажется, что их критика взглядов Варги является недостаточной, ибо и Варга и его критики, как мы это постараемся показать, стоят на одной и той же платформе, примыкающей к количественной теории денег. Это не мешает указанным авторам на словах отмежевываться от количественной теории.

Варга заявляет: «Всякое об'яснение дороговизны, построенное на количественной теории, будет неверно» [1]). Точно так же и Бауэр говорит, что его «взгляды коренным образом отличаются от количественной теории денег» [2]).

Когда же Варга и его критики от деклараций переходят к изложению своих взглядов, то они скатываются к количественной теории. Даже в тех случаях, когда критики Варги пытаются обосновать правильные марксистские положения, они сплошь и рядом прибегают к антимарксистской аргументации.

В настоящем очерке мы не ставим себе целью воспроизвести дискуссию по данному вопросу, начатую Варга в свое время на страницах «Neue Zeit» и затем перенесенную в русскую печать [3]),—наша задача значительно уже, мы хотим выявить антимарксистскую природу некоторых положений и методов доказательств, примененных участниками дискуссии.

Начнем с анализа двух утверждений Е. Варга.

В своей первой статье «Добыча золота и дороговизна» Е. Варга писал: «Одно лишь увеличение добычи золота (без изменения количества труда, необходимого для производства весовой единицы золота Б. Б.)

---

[1]) „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма“, сборник статей под ред. Шмелева и Штерна, изд. НКФ. 1923 г., стр. 5.

[2]) Там же, стр. 77.

[3]) См. „Основные проблемы политической экономии“, сборник под редакцией Ш. М. Дволайцкого и И. И. Рубина, изд. III. ГИЗ, 1925 г.

вызвало бы уменьшение ценности денег, а вследствие этого, дороговизну *лишь в том случае, если бы это увеличение было настолько значительно, что золото оказалось бы в абсолютном излишке* и, таким образом, слишком большая часть общественного труда была бы употреблена на производство его» [1]).

Когда же в золотодобывающей промышленности вводятся новые способы, сберегающие труд, или открываются более богатые рудники, то, по мнению Варги, «понижение рыночной цены наступило бы лишь в том случае, если бы, благодаря сберегающим труд нововведениям, на рынке появилось бы такое количество нового золота, что часть его оказалась бы излишней» [2]).

О чем свидетельствуют эти две фразы?—Прежде всего, о том, что по мнению т. Варги, решающим фактором изменения ценности денег является не изменение условий производства, а изменение размеров добычи. Какие причины не определяли бы рост добычи золота, результат один и тот же—ценность денег падает, если только расширение настолько значительно, что золото оказывается в абсолютном излишке. Какое исключительное значение придает Варга количественному фактору на стороне золота, видно из следующей выдержки из его последней статьи, посвященной данному вопросу. «Золото добывается в прежних количествах. Результатом понижения издержек производства является рента с рудников в размере 90% всего количества вновь добытого золота. Никакого изменения уровня цен не получится, так как у золотопромышленников нет никаких оснований отдавать свое вновь произведенное золото за меньшее количество валютных единиц, чем то, которое определено фиксированной ценой золота» [3]).

Далее из этих же фраз следует, что по мнению т. Варги ценность денег может не совпадать с ценностью денежного материала. С одной стороны, если при неизменных условиях производства добыча возрастает до таких размеров, что часть золота оказывается в абсолютном излишке, то ценность денег понижается. С другой стороны, если ценность металла понижается, но размер добычи остается на прежнем уровне, то ценность денег остается без изменения.

Наконец, эти же фразы могут говорить и о другом. Возможно, что Варга стоит в вопросе о стоимости на «общественно-потребительской» точке зрения, уже осужденной в марксистской литературе. Ценность денег по мнению т. Варги может лишь в том случае упасть, если слишком большая часть общественного труда употребляется на производство зо-

---

1) „Деньги и денежное обращение в освещении, марксизма" стр. 5.

2) Там же, стр. 8.

3) „Основн. проблемы полит. экономии", стр. 408.

лота. Это означает, что ценность определяется не в производстве, а в обращении, в зависимости от соотношения спроса и предложения.

Таким образом, количественное несовпадение между добычей золота (предложение) и общественной потребностью в нем (спрос) является единственным фактором, вызывающим изменение ценности денег. Такое об'яснение отнюдь не основывается на марксистской теории денег, а целиком взято из арсенала буржуазной количественной теории.

В последней своей статье в конечных выводах Варга отступил от своих первоначальных взглядов. Раньше Варга теоретически хотя и признавал в известных случаях возможность изменения ценности денег в связи с изменениями в условиях производства золота, он все же оговаривался, что благодаря деятельности эмиссионных банков на практике абсолютный излишек золота не может иметь места и, следовательно, ценность денег фактически не изменяется. Теперь он уже признает и практическую возможность изменения ценности денег вследствие изменений в условиях производства золота. Тем не менее Варга остается в основном при тех же теоретических взглядах. Он и в этой последней статье говорит: «На рынок *доставляется такое большое количество золота,* что сфера обращения при прежнем уровне цен не нуждается в нем для обслуживания товарооборота. *В этом и только в этом случае* сокращение издержек производства приведет к всеобщему повышению цен»[1]).

Отступление Варги является еще недостаточным, так как он в основном остался на прежних антимарксистских позициях.

В самом деле, может ли вообще на рынок поступить такое количество золота, чтобы сфера обращения в нем не нуждалась? С точки зрения марксистской теории такое положение исключается. По Марксу в сферу обращения всегда вступает такое количество золота, которое необходимо для обслуживания товарооборота. Все наличные запасы золота и новая добыча распределяются между тремя сферами: а) обращение,—сюда входит не только золото, фактически обращающееся в виде монет, но и золото, находящееся в подвалах эмиссионных банков и государственных казначейств, взамен которого обращаются банкноты и сертификаты; б) накопление сокровищ и в) потребление. В зависимости от кон'юнктуры золото свободно переходит из одной сферы в другую поэтому-то никогда и не может быть такого положения, при котором золото вступило бы в обращение в излишнем количестве.

Вскрыли ли критики т. Варги его приверженность к количественной теории?—Анализ их статей показывает, что этого им сделать не удалось потому, что они сами приняли его исходные положения.

---

[1]) Там же, стр. 409.

Отто Бауэр хотя и стоит на правильной марксистской точке зрения, согласно которой изменение ценности золота должно неизбежно найти свое отражение в изменении товарных цен, тем не менее применяет, как нам кажется, антимарксистский метод доказательства этого правильного марксистского положения.

В своей работе «Дороговизна» он между прочим говорит: «Владельцы золотых рудников поставляют добытое золото на монетные дворы и банки. За это они получают монеты или векселя, денежные переводы. Все это служит, прежде всего, для оплаты производства золота. Избыток добытого золота над ценностью добычи его остается у них. На этот избыток они затем покупают товары. Производители золота не увеличивают запаса товаров, так как они производят не товары, а золото, *но они увеличивают спрос на товары*. Они повышают его тем сильнее, чем больше избыток производства над ценностью его, чем, следовательно, ниже ценность. *Увеличенный спрос на товары при неизменном запасе их увеличивает товарные цены*. Таким образом, вследствие понижения ценности добычи золота цены на товары растут» [1]).

В статье «Добыча золота и дороговизна» Бауэр остается на той же точке зрения.

«Допустим, говорит он, что в каком-либо золотопромышленном предприятии сумма издержек производства составляет 1.000.000 марок. При такой затрате добывается золото, обмениваемое банками на 1.150.000 марок в золотых монетах, банковых билетах или векселях. Индивидуальная норма прибыли в этом предприятии равна, следовательно, 15%. Допустим, что средняя общественная норма прибыли также равна 15%...

Но вот в золотопромышленности вводятся новые машины. *При неизменных затратах теперь удается получить большее количество золота;* при затрате в 1.000.000 марок добывается *такое количество* золота, за которое банки уплачивают 1.300.000 марок в монете, банковых билетах или векселях. Норма прибыли в золотопромышленности поднимается с 15 до 30%. Она стала вдвое выше, чем норма прибыли во всех других отраслях промышленности. Золотопромышленники начинают получать сверхприбыль. Эта сверхприбыль становится приманкой для привлечения на рудники новых капиталов... Банки предоставляют капиталы в ее распоряжение... Следовательно, происходит изменение в распределении общественного капитала между отдельными отраслями промышленности. Какое же действие производит это изменение распределения общественного капитала на товарный рынок? *Спрос на товары растет*... Как же обстоит дело с предложением товаров? Предложение товаров, естественно, также возросло... Но предложение товаров возрастает относительно мед-

[1]) Die Teuerung, S. 39.

леннее, чем оно возрастало бы тогда, когда в золотопромышленности не вводились бы новые машины...

Итак, в первой фазе процесса (выравнивания норм прибыли) технический прогресс *в золотопромышленности, с одной стороны, ускоряет рост спроса, а с другой, замедляет* рост предложения. *Поэтому начинается под'ем товарных цен,* а вместе с тем и увеличение норм прибыли» [1]).

Приведенные цитаты из работ Бауэра показывают, что по его концепции сокращение издержек производства золота или понижение его ценности влечет за собою увеличение добычи золота, *а это последнее приводит к увеличению спроса на товары, благодаря чему и растут товарные цены.*

При этом, однако, Бауэр подчеркивает: «наши взгляды коренным образом отличаются от количественной теории денег. Мы исходим не из процесса обращения, но из процесса производства. Наша теория *об'ясняет под'ем товарных цен, исходя не из соотношения между количеством обращающихся денег и количеством предлагающихся к продаже товаров,* но из распределения капиталов между производством золота и производством прочих товаров. Наше понимание опирается не на количественную теорию денег, но на закон выравнивания норм прибыли. Следовательно, оно само по себе предполагает увеличение денег в обращении» [2]).

Чтобы уверить читателя в том, что он действительно не стоит на точке зрения количественной теории, Бауэр пытается доказать, что «весь процесс выравнивания совершенно не зависит от того, *совершается ли он при возрастающем или при сокращающемся количестве обращающихся денег* [3]). Однако, доказательство это весьма своеобразно. Бауэр предполагает, что все вновь добытое золото поступает в банки и там хранится, золотопромышленники получают за золото от банков банкноты. Таким образом, обращение золотой монеты не увеличивается.

Это «доказательство» ничего собственно доказать не может. Бауэр наивно полагает, что если он подменивает в процессе доказательства понятия, то это может пройти незамеченным. Раньше у него идет речь о том, что не имеет места увеличение звонкой монеты в обращении, а в заключении он говорит уже о том, что не произошло возрастания количества денег вообще. Как-будто банкноты или точнее металлические сертификаты, выданные банком, не являются сохранными

---

[1]) „Деньги и ден. обращение“, стр. 68—70.

[2]) Там же, стр. 77.

[3]) Там же, стр. 76.

расписками на вновь добытое золото; золото в форме этих расписок функционирует в качестве орудия обращения и платежного средства и тем самым увеличивает денежную массу в обращении.

Механизм изменения уровня товарных цен в связи с изменением ценности золота как в том случае, когда золото поступает непосредственно в обращение в форме золотой монеты, так и в том случае, когда оно сдается эмиссионному банку и последний выдает вместо него сертификат, построен Бауэром таким образом, что цены изменяются *благодаря* увеличению количества денег в обращении, т.-е. вопреки марксистской теории количество денег является фактором, который (хотя бы и в переходный момент) оказывает влияние на уровень товарных цен.

Перейдем к Каутскому.

В работе «Изменения в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны» Каутский говорит: «Размер спроса на данный товар определяется, во-первых, числом лиц обладающих деньгами и желающих приобрести этот товар за определенную цену и, во-вторых, количеством имеющихся у них денег. *Количество денег, имеющихся в данный момент на рынке, определяет максимум возможного в данный момент спроса на товары... Чем больше денег имеется в наличности, тем выше, при прочих условиях, спрос на товары. Чем выше этот спрос, тем выше при прочих равных условиях товарные цены*»... В каждый данный момент устанавливается некоторое отношение между денежной массой, представляющей собой спрос, и товарной массой, представляющей собою предложение. Но это соотношение, а вместе с тем и *высота товарных цен зависит не от количества имеющегося запаса благородного металла, а от разнообразнейших обстоятельств, которые обусловливают появление на рынке то большей, то меньшей части этой денежной массы»* [1]).

Каутский не ограничивается этими утверждениями, он идет дальше и заявляет, что с увеличением производства золота спрос растет не прямо пропорционально, а во много раз больше, чем добыча, так как нужно принять во внимание и скорость обращения денег.

«Расширение его (золота Б. Б.) производства *всегда* означает увеличение спроса на товарном рынке. И это увеличение ни в коем случае не ограничивается размерами его производства. Когда золотоискатель покупает за свой продукт товары, то благодаря этому владельцы товаров получают деньги, чтобы, в свою очередь, купить, и т. д. Таким образом, добавочное золото делается исходной точкой и побудительной причиной для дополнительного обращения товаров, в котором постоянно возникает новый спрос. Это дополнительное обращение сплетается с обращением,

---

[1]) Там же, стр. 95.

имевшим место до того, влияет на него, а также в свою очередь подвергает его влиянию. Быстрота нового обращения в значительной степени определяется теми же условиями, от которых зависит прежнее обращение. Но во всяком случае величина спроса, вызываемого дополнительным золотом, во много раз превосходит ценность самого золота.

Если, например, ежегодная добыча золота составляет 100.000 фунтов, т.-е. 140 млн. марок, то эта сумма, превращенная в деньги, вызовет ежегодно увеличенный спрос на товары на 700 млн. марок, если в товарном обороте каждая золотая монета ежегодно служит посредником в среднем при пяти сделках» [1]).

Таким образом, по мнению Каутского, рост товарных цен может быть об'яснен ростом количества металлических денег и увеличением скорости их обращения. При этом следует подчеркнуть, что из текста работы Каутского следует, что рост товарных цен вследствие увеличения количества денег может произойти даже в том случае, если само увеличение количества золота в обращении не будет следствием изменения ценности золота, т.-е. изменения количества среднего общественно-необходимого труда в нем овеществленного. Иначе говоря, относительная ценность золота может в обращении по мнению Каутского изменяться, в то время как ценность его остается без изменения, при этом изменяться не вследствие факторов, лежащих на стороне товаров, а вследствие факторов, лежащих на стороне количества денег в обращении. Чтобы не быть голословным, приведем еще одну цитату из той же работы Каутского.

«Можно представить себе такой случай, когда открыты такие новые прииски, которые не богаче и не беднее старых и которые при одинаковой затрате труда дают столько же золота, сколько и старые. В этом случае количество ежегодно добываемого золота также удвоится и, следовательно, спросы на товары и цены их сильно возрастут, несмотря на то, что ценность золота осталась неизменной» [2]). Правда, Каутский оговаривается, что в простом товарном хозяйстве такое увеличение количества добываемого золота не может иметь места на практике, так как оно не обладает промышленной резервной армией, однако, в теоретическом доказательстве этой невозможности Каутский исходит из признания того факта, что увеличение количества денег и в этом случае должно было бы вызвать рост товарных цен.

«Простое товарное производство, говорит Каутский, не обладает резервной промышленной армией. Эти люди должны быть оторваны от других занятий. Но что может привлечь их в золотопромышленность?

---

[1]) Там же, стр. 96.

[2]) Там же, стр. 98.

Своей новой профессией они могли бы заработать не больше, чем прежней. Более того, *так как увеличение количества денег вызовет рост товарных цен,* между тем как количество золота, добываемое каждым работающим на приисках, остается неизменным, то производители товаров окажутся в лучшем положении, чем золотоискатели»[1]).

Мы хотели бы еще несколько слов уделить статье проф. А. Ю. Финн-Енотаевского «Ценность золота и покупательная сила денег»[2]). Нам представляется, что и ему не удалось избежать ошибок Варги, Бауэра и Каутского.

Рассмотрим некоторые его тезисы.

«Теория, говорит он, разделяемая и некоторыми марксистами—Гильфердинг, Отто Бауэр, Варга,—что ценность золота определяется всегда издержками производства на худших рудниках, ошибочна. Факты показывают обратное (Таусcиг, Каутский). Подтверждается правильность теории Ад. Смита—Маркса, *по которой существует конкуренция капиталов и внутри этой отрасли, и в зависимости от условий производства и сбыта доминируют лучшие, худшие или средние предприятия»*[3]). В этом тезисе Финн-Енотаевский приписывает Марксу взгляды, ничего общего с марксизмом не имеющие. Можно ли говорить, что ценность товара-золота определяется не только условиями производства, но и сбыта, и что в зависимости от кон'юнктуры рынка ценность может определяться в одном случае худшими, в другом случае, средними и, наконец, в третьем, лучшими рудниками. Это теория не Маркса, а Шрамма и его последователей. По Марксу условиями сбыта определяется цена товара, а не его ценность, но золото—особый товар, не имеющий цены, а поэтому условия сбыта не имеют для золота никакого значения. Утверждение проф. Финн-Енотаевского, что, «это не значит, что спрос не влияет на ценность золота»[4]), ошибочно и противоречит взглядам Маркса.

Проф. Финн-Енотаевский остается целиком на позициях Бауэра и Каутского, когда заявляет, что «золото действует на производство и обмен товаров как простого, так и капиталистического своею ценностью *и количеством,* при чем изменение его ценности проявляется в количестве»[5]).

Мы видели, что и Бауэр и Каутский представляют себе механизм изменения уровня товарных цен вследствие падения ценности денежного металла, как результат влияния на спрос товаров новых масс золота.

---

1) Там же, та же стр.
2) „Социалистическое хозяйство", кн. 1 за 1927 г.
3) Указ. статья, стр. 81.
4) Там же, стр. 82.
5) Там же, стр. 82.

Повидимому и Финн-Енотаевский стоит на той же точке зрения. Больше того, Финн-Енотаевский так же, как, например, и Каутский, считает, что и увеличение количества золота без изменения его ценности может иметь своим следствием изменение уровня товарных цен. Так, напр., в одном из его тезисов мы читаем: «Если сумма вырученных денег от продукта (добытого золота, Б. Б.) меньше перечисленных издержек и *ценность золота при этом не изменилась,* то отдельные рудники, став нерентабельными, закроются. Если нерентабельность затронет всю промышленность и длительно, то *сокращение добычи поведет к изменению ценности золота,* что выразится в понижении цен товаров» [1]). В другом тезисе проф. Финн-Енотаевский утверждает, что «если происходит увеличение количества золота без изменения ценности, то влияние этого количества выражается в увеличении доходов данной страны, а с ним и потребительского спроса и капитала ее в денежной форме, служащего для производительных целей, что расширяет рынок национальный и мировой» [2]).

Нам представляется, что наиболее целесообразным методом выявления природы взглядов Варги, Бауэра, Каутского и проф. Финн-Енотаевского по данному вопросу является непосредственное сравнение их со взглядами Маркса.

По Марксу «цены высоки или низки не потому, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а наоборот, в обращении находится большее или меньшее количество денег потому, что цены выше или ниже. Это один из важнейших экономических законов»[3]).
Цена товара определяется путем идеального сравнения с ценностью золота. Деньги выступают как счетные деньги. Так как при определении цены товара реально золото не выступает, то количество его не имеет никакого отношения к уровню товарных цен. У Маркса нет ни одного места, которое дало бы возможность марксисту привлечь при об'яснении изменения уровня цен количественный момент на стороне денег. Даже в том случае, когда изменение количества золота является результатом изменения ценности золота, т.-е. изменения количества труда, необходимого для его добычи, количественный фактор не может быть привлечен для об'яснения изменения уровня товарных цен, как это делает Каутский, Бауэр, Варга и проф. Финн-Енотаевский. Маркс об'ясняет изменение уровня товарных цен при изменении ценности золота следующим образом: «Мы знаем, однако, говорит он, что при неизменной ценности товаров цены их изменяются с изменением ценности самого золота (денеж-

[1]) Там же, стр. 80.
[2]) Там же, стр. 82.
[3]) „К критике полит. экономии“, ГИЗ Украины, изд. 1923 г., стр. 101.

ного материала), пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот падают, если последняя повышается. *Вместе с таким повышением или понижением* суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться *масса обращающихся денег.* Правда, причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, *но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению ценности денег, а затем, масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров...* Если понижается ценность самого мерила ценности, то это прежде всего обнаруживается в изменении цены товаров, которые обмениваются на благородный металл, как на товар непосредственно у источника последнего. Однако, значительная часть других товаров продолжает еще долгое время оцениваться в прежней, теперь уже устаревшей, сделавшейся иллюзорной мере ценности; это явление в особенности характерно для низших ступеней развития буржуазного общества. Но один товар заражает другой, соприкасаясь с ним в уравнении ценностей и, таким образом, золотые или серебряные цены товаров мало по малу выравниваются согласно пропорциям, определяемым самою ценностью товаров, пока, наконец, все товарные ценности не будут оцениваться соответственно новой ценности денежного металла. *Этот процесс сопровождается* непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров» [1]). Мы видим, что в то время как у Варги, Бауэра, Каутского и проф. Финн-Енотаевского рост товарных цен является *следствием роста спроса,* вызываемого дополнительной добычей золота в связи с уменьшением количества труда, которое необходимо затратить для производства весовой единицы золота, у Маркса в этом случае сначала изменяются товарные цены, а затем это изменение сопровождается ростом денежной массы. Маркс резко выступает против взглядов, аналогичных точке зрения Каутского и др., и считает их ошибочными.

«Одностороннее наблюдение фактов, говорит он, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII и в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, что товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функ-

---

[1]) „Капитал", том 1, изд. ГИЗ 1920 года, стр. 88, см. также „Теории Прибавочн. Ценности", т. II, ч. 1, стр. 42. „Если золото повышается или понижается в ценности по какой бы то ни было причине, то оно понижается по отношению ко всем товарам, которые в нем оцениваются... Товары оцениваются в нем прежде, чем оно приводит их в движение".

ционировать в качестве средства обращения» [1]), и в другом месте: «иллюзия, будто бы дело происходит как-раз, наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется в свою очередь массой находящегося в данной стране денежного материала, коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без ценности, и затем, в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответствующую часть металлической горы» [2]).

Эти критические замечания Маркса могут быть, как нам кажется, целиком отнесены и Варге, Бауэру, Каутскому и проф. Финн-Енотаевскому, у которых количество денег при свободном металлическом обращении является ценообразующим фактором. Не спасает в частности Каутского и приведенная нами его оговорка о том, что не весь запас благородного металла влияет на высоту товарных цен, а лишь та его часть, которая появляется на рынке в качестве орудия обращения.

По Марксу распределение золота между сокровищем и орудием обращения (мы для упрощения оставляем в стороне ту часть денег, которая функционирует в качестве платежного средства) зависит от потребности оборота в орудиях обращения, а последняя зависит в свою очередь от суммы товарных цен при данной ценности денег. В обращении имеется всегда столько денег, сколько требует товарооборот, и поэтому количество орудий обращения является не ценообразующим фактором, а следствием уровня цен *).

Итак, в отличие от утверждений Бауэра, Каутского и др., марксистская теория денег не может об'яснять изменение уровня товарных цен изменением количества золота вообще или только в качестве орудия обращения.

Попутно мы считаем необходимым уделить внимание пониманию Каутским скорости обращения денег. Мы видели, что у него скорость обращения монеты при свободной чеканке является ценообразующим фактором и влияет на уровень товарных цен. Скорость обращения, по его мнению, усугубляет влияние количества денег на цены товаров.

Эта точка зрения ничего общего с марксизмом не имеет.

---

[1]) „Капитал“, стр. 88 и 89.

[2]) Там же, стр. 94—95.

*) См. напр. „Капитал,“, т. II, стр. 239 в издании „Пролетарий“ 1923 г.—„По закону товарного обращения общая масса денег должна быть равна массе денег, требующихся для обращения, плюс количество денег, находящееся в форме сокровища; последнее увеличивается или уменьшается в зависимости от сокращения или расширения обращения“.

У Маркса скорость обращения денег влияет лишь на количество потребных орудий обращения, а так как и последнее, как мы это показали, является не фактором, определяющим уровень цен товаров, а лишь следствием этого уровня, то и скорость обращения, в свою очередь, не может быть признана ценообразующим фактором.

Но и помимо этого утверждение Каутского неправильно. Даже если бы количество денег было бы ценообразующим фактором, то и в этом случае утверждение Каутского было бы неправильно. Если бы Каутский говорил об изменении скорости обращения денег при данном их количестве, то, исходя из его понимания (возможности влияния количества денег на их относительную ценность), он был бы прав. Представим себе, что обороту при данной скорости обращения (2) требуется 1.000 денежных единиц в качестве орудия обращения. Вследствие действия различных причин скорость обращения денег увеличилась до 4. В этом случае потребность денег уменьшится до 500, следовательно, остальные 500 денежных единиц окажутся теперь излишними, будут давить на спрос и вызовут повышение товарных цен. Аналогичный результат был бы, если бы скорость обращения не изменилась, потребность товарооборота в деньгах также осталась стабильной, а количество орудий обращения удвоилось бы.

Но Каутский говорит о ценообразующем действии неизменной скорости обращения. У него, золото, превращенное в валюту, вызывает спрос, равный ценности золота, заключенного в монете, помноженной на скорость обращения.

Маркс, как-будто, заранее предвидел возможность такой интерпретации и поэтому специально остановился на этом вопросе и доказал ошибочность такой трактовки скорости обращения.

«Если бы среднее количество ежедневных оборотов одной унции, говорит Маркс, равнялось 10, то 1.200 унций золота реализовали бы общую сумму цен товаров, составляющую 12.000 унций или 46.725 соверенов. Как ни вертите и не переворачивайте унцию золота, она не будет весить столько, сколько 10 унций. Однако, в процессе обращения одна унция весит, действительно, столько же, сколько 10 унций. Значение монеты в процессе обращения равняется заключенному в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов. Следовательно, кроме материального значения, как куска золота с определенным весом, можно еще мыслить значение монеты, вытекающей из ее функций. Однако, хотя соверен может обернуться раз или 10 раз, но в каждой отдельной покупке или продаже он играет роль только единичного соверена. Идеализация орудий обращения, происходящая в денежном обращении, вследствие замены количества быстротой, обнимает только

функциональное значение монеты в процессе обращения, не касаясь, однако, значения единичной монеты» [1]).

Каутский смешал функциональное значение монеты с ее ценностью. Цена товара определяется и реализуется в единичном акте: напр., продавец сапог и покупатель, являющийся держателем денег, договорились о том, что цена сапог равняется 1 соверену. Продавец передает покупателю сапоги и получает от него 1 монету. Какое значение может иметь в данном случае скорость обращения денег, даже если стоять на точке зрения количественной концепции Каутского? Скорость обращения денег лишь тогда имела бы с этой точки зрения значение, если бы одна и та же монета могла бы одновременно выступать в качестве представителя спроса на различных участках рынка. Но это предположение не соответствует самому понятию скорости обращения денег. Ведь под скоростью обращения денег обычно понимают то количество сделок, в котором последовательно выступает монета в течение определенного промежутка времени.

Мы должны притти к выводу, что и в этом вопросе теории денег Каутский отступил от Маркса.

Р. Гильфердинг, известный автор «Финансового капитала», является создателем особой теории денег. Эта теория была подвергнута обстоятельной критике со стороны К. Каутского. Однако, не все стороны теории денег Гильфердинга им проанализированы, в частности, им не выявлены корни ошибок Гильфердинга. Все доказательство ошибочности теории денег Гильфердинга построено Каутским на обнаружении в ней логических ошибок. Нам представляется такой метод недостаточным. Поэтому мы считаем полезным уделить Гильфердингу внимание в настоящем очерке.

Проблеме денег Р. Гильфердинг посвятил первый раздел «Финансового капитала» и специальную статью в «Neue Zeit»—«Деньги и товар». Мы остановимся на этой статье, так как именно здесь Гильфердинг формулирует свои взгляды по интересующему нас в данном очерке вопросу—о ценности денег и ценности золота. «Золото, говорит Гильфердинг, обладает определенной собственной ценностью» [2]). Вопрос заключается в том, чем же определяется ценность золота. На него Гильфердинг дает два ответа—один для периода, когда не было еще эмиссионных банков, другой для капиталистического хозяйства с развитой кредитной системой. Нас пока интересует первый период.

---

[1]) „К критике полит. экономии, стр. 103, см. также „Капитал", т. II, стр. 369—370.

[2]) Деньги и ден. обращение в освещении марксизма, I изд., стр. 25.

«Меновая ценность золота все заново и заново, говорит Р. Гильфердинг, устанавливалась тогда при помощи действительного противопоставления золота и товара в обращении... Ценность золота действительно подвергалась тогда колебаниям, проистекавшим с одной стороны, от постоянных изменений в области самого обращения, с другой, вследствие изменений в издержках производства» [1]).

Мы оставляем на совести Р. Гильфердинга применение в данном случае термина «издержки производства». Повидимому, он хотел сказать, что ценность золота изменилась вследствие изменения количества труда общественно-необходимого для его производства. Для нас важно отметить другое обстоятельство, а именно, что по мнению Гильфердинга ценность золота в этом периоде определялась не только и не столько в производстве, сколько в сфере обращения, ибо, как мы видели, «изменения в области обращения» являлись факторами, определявшими ценность золота на ряду с изменениями в области производства. Мы подчеркиваем, что речь идет о ценности золота, а не о цене. Несколькими страницами дальше Гильфердинг говорит уже о цене золота и о влиянии на нее спроса. «Вследствие использования в качестве металла для чеканки монет, золото не только приобретает большую цену, нежели та цена, которую оно имело бы при отсутствии такого использования. В этом нет ничего поразительного, ибо использование золота в качестве денег означает расширение спроса на него» [2]). Уже эти две выдержки свидетельствуют о том, что у Гильфердинга нет четкого разграничения понятия ценности и цены. Мы пока не обсуждаем вопроса, можно ли вообще говорить о цене золота — денежного материала. В первой выдержке благодаря изменениям в области обращения, т.-е. спроса и предложения золота изменяется его ценность, во второй выдержке та же причина ведет к изменению его цены. Это явное противоречие не является случайным, оно целиком вытекает из взглядов Гильфердинга на ценность товара вообще.

В его работе «Бем-Баверк как критик Маркса» мы читаем: «Своеобразная форма, которую общественный обмен веществ принимает в обмене, приводит к тому, что труд отдельных лиц лишь постольку приобретает значение, поскольку он является общественным трудом. Общество тем самым *распределило необходимое для него количество* работы между своими членами и сказало каждому, сколько труда он должен затратить» [3]).

---

1) Там же, стр. 30.
2) Там же, стр. 32.
3) Указанная работа, стр. 17, изд. „Московский Рабочий“, 1923 г.

«То, что я могу установить на основании опыта, это—конкретная затрата труда, потребная для производства определенного блага. Насколько этот конкретный труд (Гильфердинг имеет в виду индивидуальный труд. Б. Б.) *означает общественно-необходимый труд, в какой мере он, следовательно, может быть принят в расчет, как создающий ценность, я мог бы установить,* лишь зная данный средний уровень производительности и интенсивности, которого достигла производительная сила *и то количество данного блага, которое потребно для общества*» [1]).

Такую же интерпретацию общественно-необходимого труда—количественной стороны ценности—мы находим и в «Финансовом капитале». «Всякая отдельная работа является теперь под новым углом зрения: это часть того совокупного труда, которым располагает данная производственная коллективность. Только с этой точки зрения труд и является трудом, созидающим ценность»... Общественное производство «определяется с количественной стороны тем рабочим временем, *которое должно затрачиваться обществом на производство всего продукта.* Общество берется здесь как единое целое, производящее продукты всей своей рабочей силой, индивидуум с его трудом является лишь органом общества... Если индивидуум работал слишком медленно или производил *бесполезный предмет,*—а таковым будет и полезный вообще предмет, *если только он превышает потребность в общественном обмене веществ,*—то труд данного индивидуума будет сведен *к среднему труду,* к общественно-необходимому рабочему времени. Если сумма рабочего времени для всего продукта, таким образом, дана, то обмен должен выразить этот факт» [2]).

Ценность товара, таким образом, определяется общественно-необходимым трудом. Но само понятие общественно-необходимого труда в отличие от К. Маркса у Гильфердинга включает не только «технические элементы», или уровень развития производительных сил в широком смысле слова, т.-е. «совокупность материальных и личных факторов производства» [3]), но и состояние спроса.

По Марксу под общественно-необходимым трудом понимается количество труда, необходимое для воспроизводства единицы товара средним рабочими при данной производительности труда. Состояние спроса и предложения на ценность товара не влияет, оно определяет цену товара. У Гильфердинга, как мы видели, спрос определяет ценность товара. Он исходит из того, что спрос определяет общую ценность всей массы данного товара и что ценность единицы равняется частному от деления цен-

---

[1]) Там же, стр. 28.

[2]) „Финансовый капитал“, стр. 6—7.

[3]) И. И. Рубин—„Очерки по теории стоимости Маркса“, ГИЗ, 1928 г., стр. 191.

ности всей массы на количество произведенных и выбрасываемых на рынок товаров. В этой концепции не остается вовсе места для понятия цены. Поскольку товары продаются по своей ценности, товарное хозяйство находится всегда в состоянии равновесия, и оно не нуждается в механизме цены. Такая точка зрения граничит с идеализацией товарного хозяйства, установлением в ней некой гармонии. А между тем, ценность в марксистском понимании не включает в себе элементов спроса и предложения. На практике товары продаются по своей ценности только в том исключительном случае, если спрос и предложение уравновешены. Но товарное хозяйство отличается своей бесплановостью, стихийностью. В каждый данный момент спрос и предложение могут не совпадать и вследствие этого цена может быть выше или ниже ценности товара. Если производителю товара удается его продать по повышенной цене, то он будет стремиться в дальнейшем расширить производство. Кроме того, в эту отрасль производства притекут производители из других отраслей, и таким образом предложение данного товара будет увеличено, и цена его понизится. Цена товара служит, следовательно, механизмом для перераспределения производительных сил в товарном обществе.

У Гильфердинга цена и ценность—понятия взаимно покрывающие. Это является следствием неправильного понимания им общественно-необходимого труда. Поэтому он в своих работах часто говорит о цене, когда нужно говорить о ценности, и наоборот. Смешение понятий цены и ценности и мешает, как это мы увидим дальше, Гильфердингу понять законы денежного обращения. В этом корень его ошибок *).

Итак, мы должны признать ошибочной, неправильной точку зрения Гильфердинга, согласно которой в товарном хозяйстве на ценность золота—денежного материала—влияет спрос и предложение.

Перейдем ко второму утверждению Гильфердинга, что спрос и предложение влияют на цену золота.

И это утверждение Гильфердинга неправильно.—Что такое цена товара? С качественной стороны это его ценность, выраженная в деньгах. С количественной стороны в зависимости от спроса и предложения цена может отклоняться от ценности. Если это так (а такое понимание целиком опирается на Марксову политическую экономию), то понятие цены неприменимо к денежному товару. Выражение цены товаров предполагает, что товарам противостоит всеобщий товар, эквивалент—деньги. Денежному материалу—золоту, никакой другой товар в качестве все-

*) Насколько нам известно, заслуга отыскания корня ошибок теории денег Гильфердинга в неправильной интерпретации общественно-необходимого труда принадлежит т. Б. Лившицу. См. его статью:—„К постановке денежной проблемы“ в журнале „Под знаменем марксизма“ № 8—9 за 1924 г.

общего эквивалента не противостоит, ибо он сам является таковым. Поэтому золото-денежный материал не может иметь цены. «Деньги не имеют цены, говорит К. Маркс. Они приняли бы участие в этой единой относительной форме ценности всех других товаров лишь в том случае, если бы могли относиться к самим себе как к своему эквиваленту» [1]).

Гильфердинг не настолько наивен, чтобы под ценой денег понимать установленный масштаб. Он не считает ценой фунта золота 1.395 германских марок. (Монетный двор чеканил из 1 фунта золота указанное количество монет достоинством в 1 марку). Марка является лишь условным произвольным наименованием для $^1/_{1395}$ части фунта золота. Когда Гильфердинг говорит о том, что цена золота в товарном хозяйстве колебалась, он имеет в виду возможность несовпадения спроса с предложением золота и как следствие этого повышение его относительной ценности. Это положение Гильфердинг аргументирует следующим образом: «*Золото тогда не имело неограниченного спроса*. Оно обменивалось на товары, т.-е. вступало непосредственно в обращение и оставалось в нем до тех пор, пока не превращалось в сокровище частных лиц. Это последнее также зависело не от потребностей обращения, но лишь от состоятельности отдельных лиц и их способности к накоплению». «Возникновение потребности обращения, повышение ценности золота при обмене его на товары не служит основанием для частных лиц выбрасывать деньги в обращение» [2]). Эта аргументация в корне неправильна и противоречит марксистской теории денег. Золото является всеобщим товаром, который в неподвижном состоянии является формой абстрактного общественного богатства—сокровищем. Каждый производитель в товарном обществе стремится к тому, чтобы производить товары не только для удовлетворения при посредстве обмена текущих потребностей, но также и для накопления богатства в его общественной форме. «Чем менее развито товарное производство, говорит Маркс, тем значительнее это первое обособление меновой ценности в виде денег, это собирание сокровищ» [3]).

Стремление к накоплению сокровищ неограниченно, а поэтому и спрос на денежный товар, вопреки Гильфердингу, также неограничен *). Гильфердинг дальше отрицает тот факт, что возникновение потребности в сфере обращения в добавочном количестве денег служит основанием для владельцев сокровищ выбрасывать деньги на рынок. Эта точка зрения также не соответствует взглядам Маркса... «При изменяющейся сумме цен товаров, находящихся в обращении, или изменяющемся количестве

---

[1]) „Капитал", т. I, стр. 64, см. также „Теории прибав. ценности", т. II, стр. 4?.
[2]) „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма", стр. 30.
[3]) „К критике полит. экономии", стр. 126.
*) В рамках нормального течения воспроизводственного процесса в целом.

их одновременных метаморфоз, с одной стороны, и при данной каждый раз быстроте изменения их формы, с другой,—общая сумма обращающегося золота должна постоянно увеличиваться или сокращаться. Это возможно только при том условии, что общее количество денег, существующих в данной стране, находится в изменяющемся отношении к сумме обращающихся денег. Это условие осуществляется посредством собирания сокровищ. Если цены падают, или быстрота обращения возрастает, то резервуары сокровищ поглощают выброшенную из обращения часть денег; если, наоборот, цены повышаются или быстрота обращения уменьшается, то сокровища открываются, и в соответствующем количестве опять вливаются в обращение» [1]).

Само собой разумеется, что агенты товарного общества в своих действиях руководствуются не желанием привести товарное хозяйство в равновесие, а другими стимулами, однако, их действия об'ективно приводят к такому результату. Законы товарного общества осуществляются за их спиной. Мы видели, как действует механизм колебаний цен на перераспределение производительных сил. Агенты товарного общества расширяют производство с целью увеличить свои доходы путем использования высокой кон'юнктуры рынка на данный товар, а об'ективным результатом этого расширения является снижение цен. Точно так же и в данном случае. Если, напр., цена данного товара возрастет, покупатель должен затратить теперь на его приобретение большую сумму денег. Если в то же время цена производимого им товара осталась стабильной, он вынужден с целью сохранения потребления покупаемого им товара на прежнем уровне использовать часть своих сокровищ. Мотивом действий агента товарного хозяйства является сохранение потребления на прежнем уровне, об'ективным результатом—приспособление количества денег в обращении к потребности оборота.

Итак, мы должны признать, что: 1) понятие цены ни с качественной, ни с количественной стороны неприменимо к деньгам или денежному материалу в простом товарном хозяйстве и 2) ценность денег определяется количеством труда общественно-необходимого для производства денежного металла, при чем общественно-необходимый труд нужно понимать только в «техническом» смысле слова.

При развитой кредитной системе ценность денег, по мнению Гильфердинга определяется следующими моментами.

«Золото, говорит он, обладает определенной собственной ценностью. Тем не менее для количества денег, фактически находящегося в обращении, вместе с тем должно быть в силе... уравнение:... ценность денежной массы равняется сумме товарных ценностей, деленной на быстроту обо-

[1]) Там же, стр. 128, см. также „Капитал“, т. II, стр. 236.

рота денег, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых один и тот же денежный знак попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство»[1]).

«Непосредственное действие закона ценности не распространяется, говорит Гильфердинг дальше, на золото как деньги... Этот закон определяет курс денег не прямо, а через посредство ценности обращения»[2])...

В этих фразах в модифицированном виде проявляется основная ошибка Гильфердинга, согласно которой ценность определяется не только производственными моментами, но и моментами обращения. Здесь, как и раньше, он считает факторами, определяющими ценность денег, моменты, лежащие в сфере обращения. Ценность денежной массы должна быть выведена из формулы обращения, а затем ценность денежной единицы определяется как частное от деления денежной массы на количество денег в обращении. Как же устанавливается ценность денежной массы?— Она по Гильфердингу определяется суммой товарных ценностей. Здесь слово ценность употребляется Гильфердингом вместо понятия цены. В самом деле, в товарно-капиталистическом обществе ценность товара проявляется в форме меновой ценности. Ценность товара не выражается непосредственно в количестве общественно-необходимого труда, затраченного на его производство, она выражается в потребительной ценности другого товара. Этим товаром является всеобщий эквивалент—золото—деньги. Товары, как говорит Маркс, вступают в обращение с ценой. Поэтому следовало сказать, что количество денег в обращении определяется суммой товарных цен, а не ценностей. Но в таком случае нельзя говорить, что ценность металлических денег при свободе чеканки определяется ценностью обращения, ибо в цене товара ценность денег уже предположена данной. В зависимости от того, служит ли мерилом ценности золото или серебро, цена товара, определенная в весовых единицах металла, примет различное выражение. Дальше, при одном и том же металле (напр., золоте) цена товара, выраженная в наименованиях денежной единицы, зависит от принятого масштаба цен, т.-е. от того, какое количество граммов, золотников и т. п. золота принято в денежной единице.

Словом, в цене товара уже заранее дана ценность денег и, следовательно, не сумма товарных цен определяет ценность денег, а наоборот, ценность денег является одним из факторов, определяющих сумму товарных цен. Поэтому утверждение Гильфердинга, что ценность металличе-

---

[1]) „Деньги и ден. обращ. в освещении марксизма“, I изд., стр. 25.
[2]) Там же, стр. 28.

ских денег должна быть определена через посредство ценности обращения—неправильно.

Однако, Гильфердинг продолжает настаивать на том, что ценность денег не определяется в развитом товарно-капиталистическом хозяйстве ценностью металла в них заключенного, они имеют ценность устойчивую и относительно большую. «Точно так же имеет ныне устойчивую ценность золотая монета, говорит он... Однако, эта ценность была бы иной, если бы золото не применялось в качестве денег—она была бы меньше и неизменно колебалась бы в зависимости от величины издержек производства. Устойчивость его ценности имеет место благодаря государственному механизму» [1]. «Государственное регулирование денежного обращения означает собой принципиальное изменение во взаимоотношениях золота и товаров» [2]. Это государственное регулирование, по мнению Гильфердинга, заключается в том, что «эмиссионные банки принимают все предлагаемое золото. Стало быть спрос не ограничен» [3]. «Так как для осуществления закона ценности необходима полная хозяйственная свобода» [4], а в данном случае вследствие деятельности эмиссионных банков она отсутствует, то отсюда Гильфердинг и делает вывод, что закон ценности неприменим к золоту-деньгам.

Мы не будем останавливаться на доказательстве того положения, что никакого принципиального изменения во взаимоотношении золота и товаров государственное регулирование денежного обращения не вносит, что никакого неограниченного спроса на золото банки в действительности не пред'являют. Эта сторона ошибок Гильфердинга с достаточной полнотой вскрыта К. Каутским *). Мы хотим обратить внимание на другие моменты.

Гильфердинг утверждает, что поскольку на золото существует неограниченный спрос, на него не распространяется закон ценности. Гильфердинг ошибается в том отношении, что этот неограниченный спрос появился якобы с того момента, когда начали функционировать эмиссионные банки. В действительности же, этот спрос существовал и раньше. Он стал неограниченным с того момента, как золото стало деньгами и, следовательно, формой общественного богатства—сокровищем. А если это так, нельзя ограничиваться указанием на ошибочность взглядов Гильфердинга на роль банков, следует выяснить вообще, прав или неправ Гильфердинг, когда говорит, что неограниченный спрос делает неприменимым для золота-денег закон ценности. Мы думаем, что точка зре-

[1]) Там же, стр. 34.
[2]) Там же, стр. 32.
[3]) Там же, стр. 26.
[4]) Там же, стр. 28.
*) См. его статью „Золото, бумажные деньги и товар“ в том же сборнике.

ния Гильфердинга неправильна. Принципиальное изменение во взаимоотношениях между золотом и товарами произошло как только золото стало денежным товаром. Выделение золота в качестве денежного металла привело к тому, что в отличие от всех других товаров на золоте закон ценности проявляется непосредственно в конкретной действительности, в то время как все прочие товары продаются и покупаются по ценам количественно отличающимся от их ценностей в зависимости от спроса и предложения. Золото является единственным товаром, спрос и предложение которого неограничены и поэтому они не могут влиять на его «цену». На денежном металле закон ценности осуществляется в чистом виде.

Сущность взглядов Гильфердинга становится ясной из следующей выдержки: «Для того, чтобы могло произойти изменение в ценности золота, это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средство обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять величины своих меновых ценностей. Деньги вне обращения—как сокровище в банковых кладовых—не имеют никакого отношения к находящейся в обращении сумме товаров» [1]).

Ценность золота, следовательно, могла бы измениться, если бы вся масса золота противостояла всей массе товаров. Тогда сказались бы количественные моменты, и в результате изменения соотношения спроса и предложения изменилась бы и ценность золота. Но так как спрос на золото как сокровище неограничен, количественные факторы в действительности не оказывают влияния на ценность золота и она остается стабильной. Эта аргументация исходит из теоретических концепций количественной теории денег, согласно которой ценность золота изменяется в результате изменения его количества. Гильфердинг должен был неизбежно притти к количественной теории, поскольку он принял неправильное толкование понятия общественно-необходимого труда. Если ценность всякого товара определяется в зависимости от спроса и предложения, то и ценность золота должна была также определяться в зависимости от спроса и предложения, если бы не модификация, которую вносит сюда сокровище в банковых кладовых. Как бы Гильфердинг на словах не открещивался от количественной теории в применении к металлическим деньгам, он в действительности целиком принял ее основные положения. Пример Гильфердинга служит предостережением для всех тех, которые вносят на первый взгляд безобидные поправки в основные понятия политической экономии Маркса. Каждая такая поправка в своем дальнейшем развитии вырастает в систему, противоположную марксизму.

---

[1]) „Деньги и ден. обращение в освещении марксизма“, стр. 26.

Теория денег проф. И. А. Трахтенберга.

В оригинальной русской марксистской литературе чрезвычайно мало работ посвящено теории денег.

Большой популярностью пользуется книга проф. И. А. Трахтенберга «Бумажные деньги», охватывающая главнейшие проблемы теории денег.

На ряду с несомненно положительными чертами книга эта обладает рядом мест, в которых автор, как нам кажется, отклоняется от правильной марксистской установки. В частности, недостаточно выдержаны и его взгляды на сущность денег.

Правда, понимание сущности денег у проф. И. А. Трахтенберга стоит на неизмеримо более высоком уровне, чем например, у Каутского, который считает деньги лишь техническим средством, облегчающим внешние трудности обмена.

Проф. Трахтенберг понимает, что деньги призваны разрешать внутренние противоречия товара, тем не менее он допускает в этом вопросе ряд ошибок.

У Маркса внутренние противоречия товара разрешаются появлением денег, являющихся воплощением абстрактного среднего общественно-необходимого труда и всеобщей потребительной ценностью, в то время как проф. Трахтенберг отрицает потребительную ценность денег. «Но разве деньги, как таковые, не имеют определенной полезности, спрашивает проф. Трахтенберг. В их социальном значении, в функциях, ими выполняемых, как-раз и заключается их, только им свойственная, полезность. В этом смысле нельзя ли говорить о потребительной ценности денег? На этот вопрос едва ли можно ответить утвердительно »[1]), заявляет проф. Трахтенберг. Аргументация проф. Трахтенберга состоит в том, что под потребительной ценностью вообще понимают способность вещи удовлетворять конкретную индивидуальную потребность человека. Потребительная ценность характеризует отношение человека к вещи и поэтому не имеет общественного характера. Полезность же денег со-

---

[1]) Указанная работа, стр. 24, издание третье Гиза 1924 года.

стоит в том, что они выполняют социальные функции и удовлетворяют потребность общества в целом, а не отдельного индивидуума. Мы думаем, что проф. Трахтенберг подошел к вопросу формально, не диалектически. Прежде всего, когда говорят о потребительной ценности денег, то говорят о ней, как *о всеобщей,* в противоположность потребительной ценности отдельного товара, которая является особенной. Марксистской политической экономии свойственно такое диалектическое развитие понятий, когда сложная форма, развиваясь из простой, продолжает частично сохранять с этой простой формой общие черты, но вместе с тем приобретает новые характерные для нее черты («закон отрицания и закон единства противоположностей»).

Деньги развились из товара и продолжают оставаться товаром, но товаром *особым,* отличным от всего прочего товарного мира. Вместе с тем и свойства этого особого товара принимают некую иную окраску. Понятие потребительная ценность в применении к денежному товару диалектически вырастает в понятие «всеобщая потребительная ценность».

«Товар, выделенный как всеобщий эквивалент, приобретает, говорит Маркс, двойную потребительную ценность. Кроме своей особенной потребительной ценности, как отдельного товара, он получает еще всеобщую потребительную ценность. Последняя сама является формальным определением, так как она вытекает из специфической роли, которую данный товар играет, вследствие всестороннего влияния на него других товаров в меновом процессе. Потребительная ценность каждого товара, как предмета, отвечающего особой потребности, имеет различную ценность в разных руках: например, одну ценность в руках того, кто ее отчуждает, другую— в руках того, кто ее приобретает. Товар, выделенный как всеобщий эквивалент, является теперь предметом, отвечающим всеобщей потребности, выросшей из самого менового процесса, и имеет для всех одинаковую потребительную ценность, состоящую в том, что он является носителем меновой ценности, всеобщим средством обмена» [1]).

Отступление проф. Трахтенберга от марксистской точки зрения является существенным. По нашему мнению понятие всеобщей потребительной ценности является весьма важным, так как только оно позволяет разрешить одно из противоречий товара, а именно: внутреннее противоречие потребительной ценности. Мы никак не можем понять, каким образом у Трахтенберга разрешается это противоречие, если он не признает понятия «всеобщей потребительной ценности» денег.

---

[1]) К критике полит. экономии, стр. 47, 48. См. также „Капитал", ч. I стр. 59.

Что это понятие способствует разрешению указанного противоречия, видно из следующего замечания Маркса: «Таким образом, в одном товаре (деньгах Б. Б.) разрешается противоречие, которое заключает в себе товар, как таковой, именно быть особой потребительной ценностью для всех всеобщей потребительной ценностью» [1]).

Отказ проф. Трахтенберга от этого понятия находится в противоречии с признанием им необходимости разрешения деньгами внутреннего противоречия товара.

Противоречивость взглядов проф. И. А. Трахтенберга на сущность денег видна между прочим из признания им денег категорией исторической и социальной и одновременно принятия им физиологической версии абстрактного труда.

«Источником и основанием потребительной ценности товара является труд конкретный, определенный, специфически полезный» [2]).

«Источником *количественного сходства товаров является сходство труда абстрактного, отвлеченного от конкретных своих свойств, представляющего труд вообще, затрату человеческой энергии, мускулов, нервов мозга и т. д.»* [3]).

Между утверждением проф. Трахтенберга, что деньги являются категорией исторической, с одной стороны, и содержанием, которое он вкладывает в понятие абстрактного труда, с другой, имеется непримиримое противоречие *).

В самом деле, если абстрактный труд понимать в таком физиологическом смысле, то мы должны будем признать, что категория абстрактного труда является внеисторической, ибо при любом общественном строе люди при производстве продуктов затрачивают вообще энергию. В таком случае, противоречие между абстрактным и конкретным трудом не имманентно только товарно-капиталистическому хозяйству, а свойственно хозяйству любой формации. Следовательно, и деньги, признанные разрешать эти противоречия, не являются категорией исторической.

Совершенно прав И. И. Рубин, когда говорит, что «общепринятое определение сводится к следующему очень простому положению: конкретный труд есть затрата человеческой энергии в определенной форме (портняжество, ткачество и т. п.), абстрактный труд—это затрата человеческой энергии, как таковой, независимо от ее данной формы. При таком определении понятие абстрактного труда есть понятие физиологическое, лишенное всяких элементов: социальных и исторических. Оно

---

[1]) К критике та же стр.

[2]) „Бумажные деньги“, стр. 19.

[3]) Там же, стр. 29.

*) См. Б. Лившиц. К постановке денежной проблемы, статья в журнале „Под знаменем марксизма“, № 8—9 за 1924 г., стр. 229.

присуще всем историческим эпохам независимо от той или иной общественной формы производства» [1]).

Понятие абстрактного труда у Маркса является категорией социальной, присущей определенной общественной форме производства—товарно-капиталистическому обществу. Только при таком понимании абстрактного труда можно из него диалектически вывести необходимость денег—категории безусловно исторической. «Физиологический труд составляет предпосылку абстрактного труда в том смысле, что ни о каком абстрактном труде не может быть речи, если не имеет места затрата людьми физиологической энергии. Но эта затрата физиологической энергии остается именно предпосылкой, а не об'ектом нашего исследования» [2]).

Не лишены ошибок и взгляды проф. Трахтенберга на функции денег.

Проф. Трахтенберг следующим образом описывает выполнение деньгами функции мерила ценностей.

«Мы заходим в книжный магазин, выбираем какую-нибудь книгу и спрашиваем торговца: «Сколько стоит эта книга».—«Три рубля», отвечает торговец. *Этим ответом оценка уже произведена. Три рубля—деньги—выполнили функции мерила ценностей»* [3]).

Представление проф. Трахтенберга, что одним назначением продавцом цены товара деньги выполнили функцию мерила ценности, нам кажется ошибочным. Придание товару формы цены есть подготовительный процесс к обращению. Когда товар выражается в форме цены, т.-е. в идеальной сумме золота, он делается внешне сравнимым со всяким другим товаром, который также представлен в форме цены. Все товары при этом могут быть рассматриваемы, как некое качественное единство, но количественная разность. Но в выражении цены, как говорит Маркс, «следует различать момент качественный от момента количественного» [4]). Когда продавец назначает цену товара в 3 рубля золотом, деньги в качестве мерила ценности выполнили лишь качественную сторону формы цены, что же касается количественной стороны, то она односторонним назначением цены продавцом не заканчивается. Ведь ценность товара определяется не индивидуальным количеством труда, затрачиваемого на производство товара, а средним общественно-необходимым. Одностороннее назначение цены товара может не соответствовать его ценности, далее рыночная цена товара может быть выше или ниже ценности

---

[1]) И. И. Рубин. Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 146, изд. III.

[2]) Там же, стр. 151.

[3]) „Бумажные деньги“, стр. 42.

[4]) „К критике полит. экон.“, стр. 66.

товара, а торговец при первоначальном назначении цены может не достаточно учитывать кон'юнктуру рынка. Поэтому, мы полагаем, что действие функции мерила ценностей, именно количественная сторона цены, завершается в результате двусторонней оценки товара продавцом и покупателем. Лишь при таком понимании этой функции становится ясной ее социальная природа—отношение лиц по поводу вещи.

В отношении функции орудия обращения проф. Трахтенберг в одном месте своей книги выставляет следующее положение:

«Если деньги, как определенная социально-экономическая категория, являются результатом стихийного исторического процесса, то деньги, как орудие обращения, *только в этой функции*, по крайней мере в развитом товарном хозяйстве, *являются в значительной степени результатом творческой деятельности государства*. Орудия обращения воплощаются в монетах, бумажных знаках, значимость которых обусловливается подтверждением государственной власти. Вот почему можно сказать, что если деньги создаются историческим процессом, то орудия обращения творятся государством».

И дальше:—«Государство... определяет количество циркулирующих орудий обращения... В виде общего правила, мы можем считать, что количество фактически циркулирующих орудий обращения определяется волей государственной власти, но коррегируется оборотом» [1]).

Мы думаем, что проф. Трахтенберг в этом вопросе также не прав. Нельзя говорить, что деньги создаются историческим процессом, а орудия обращения творятся государством. Это противопоставление денег и орудий обращения в корне неправильно. Орудие обращения является одной из функций и форм денег и, само собой разумеется, возникло также исторически. Государство не творит орудий обращения. Его роль здесь аналогична его участию в установлении масштаба цен. Функция денег—мерило ценности—возникла исторически из развития товарооборота. Однако, техническое приспособление золота к выполнению этой функции облегчалось установлением авторитетным органом-государством единицы масштаба цен (скалы для сравнения различных количеств золота между собою) и снабжением ее определенным наименованием. Точно так же «золото в своей функции орудия обращения получает известную форму, становится монетой» [2]). «Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства» [3]). Или точнее,

---

[1]) „Бумажные деньги", стр. 100—101.
[2]) „К критике полит. экономии", стр. 102.
[3]) „Капитал", т. I, стр. 96.

«как определение названий монет, так и техническая сторона их чеканки выпадает на долю государства» [1]).

Что же касается второго утверждения проф. Трахтенберга, что, в виде общего правила, количество орудий обращения определяется волей государственной власти, но коррегируется оборотом, то оно отнюдь не марксистское. Здесь все представлено в извращенном виде. Возьмем наиболее типичный случай, когда повидимому (внешне) количество орудий обращения определяется волей государственной власти—бумажно-денежное обращение. Что же мы имеем на самом деле? Потребность денег определяется товарооборотом и им же определяется количество циркулирующих орудий обращения, ибо количество циркулирующих денег всегда равно потребности товарооборота. Только *кажется* будто государство может определить количество циркулирующих денег, ибо, выпуская новые массы бумажных денег, оно увеличивает их количество только номинально, в действительности же, теперь в обороте находятся знаки, каждый из которых представляет меньшее количество золота.

Вместо того, чтобы сказать, что количество денег определяется товарооборотом и может быть извне внешне нарушено государством, проф. Трахтенберг говорит наоборот, что количество определяется государством и коррегируется товарооборотом.

Ошибочность взглядов проф. Трахтенберга свое наиболее яркое выражение нашла в его концепции теории ценности денег.

В начале своей работы [2]) проф. Трахтенберг совершенно правильно устанавливает, что ценность товара вообще и ценность денег в частности, образуются вне обращения, и что количество денег, могущее циркулировать, всецело и всемерно определяется условиями товарного рынка и ценностью денег. Но затем в главе о ценности денег он отступает от этого взгляда и становится на совершенно противоположную точку зрения. Так как деньги выполняют различные функции и при этом выступают в различной форме, проф. Трахтенберг полагает, что каждая из этих форм подчиняется особым законам ценности и поэтому проблема ценности денег усложняется... «Так как возможны различные формы проявления денег, то можно и должно говорить о ценности различных этих форм. Можно говорить о ценности денег вообще, но можно и должно говорить также отдельно о ценности денег, как мерила ценностей о ценности денег, как орудия обращения и т. д.» [3]).

Ценность денег, как мерила ценностей и как средства сохранения ценностей проф. Трахтенберг определяет ценностью заключенного в них

---

[1]) ,,К критике полит. экономии'', стр. 102.
[2]) „Бумажные деньги", III изд., стр. 47—48.
[3]) Там же, стр. 91.

материала, что же касается ценности денег, как орудия обращения, то они являются, по его мнению, представителями ценности. Ценность их не самостоятельна, а производна; ценность свою они заимствуют от золота, как мерила ценности, символом которого они являются. «Ценность денег, как орудия обращения, определяется ценностью того блага золота, которое, хотя и мысленно представляемое, выполняло в данной меновой сделке функцию мерила ценностей и которое символизируется данными орудиями обращения» [1]). Это утверждение, как дальше раз'ясняет проф. Трахтенберг, не следует понимать в том смысле, что единица орудия обращения, например, золотая 5-рублевая монета обязательно соответствует ценности 5 руб. золотом, как мерила ценности. Эта монетная единица в зависимости от количества выпущенных монет может символизировать или представлять не 5 рублей золотом, а некую другую величину, например, 4 или 6 рублей, т.-е. возможно отклонение ценности единицы орудия обращения от ценности единицы мерила ценности того же наименования. При этом мы считаем необходимым подчеркнуть, что, *по мнению проф. Трахтенберга, такое явление может иметь место не только при том условии, если орудиями обращения являются знаки ценности, т.-е. монеты при закрытой чеканке и бумажные деньги, но и тогда, когда орудиями обращения служат полноценные золотые монеты при свободной чеканке.*

Чтобы не быть голословным приведем несколько цитат из той же работы:

«При свободной чеканке количество выпускаемых денежных знаков определяется не произволом государственной власти, а количеством приносимого металла. Это же последнее, т.-е. количество приносимого металла, всецело определяется условиями товарооборота.

Предположим товарный оборот, в зависимости от всех факторов, влияющих на необходимое количество денег, нуждается в орудиях обращения в сумме 1.000.000 рублей. Если начеканено монет на ту же сумму, то оборот полностью обслуживается.

Предположим теперь, что начеканено денег только на 500.000 руб. Обороту же требуется 1.000.000. Орудия обращения являются представителями золота. Все циркулирующие орудия обращения в своей совокупности представляют все то количество денежного металла, в котором оборот нуждается. Следовательно, циркулирующие 500.000 денежных знаков являются представителями 1.000.000 руб. или, вернее, 17.424.000 долей чистого золота. На долю каждой циркулирующей единицы орудия обращения приходится представлять 34,848 долей чистого золота, т.-е.

---

[1]) Там же, стр. 66.

две денежных единицы: 1 руб., как орудие обращения, равен 2 руб., как мерилу ценностей... Ясно, конечно, что в этом случае всем владельцам золота будет выгоднее переплавлять свой металл в монеты... Золото в огромном количестве будет стекаться в монетный двор и чеканка монет увеличится.

Предположим теперь, что приток металла на монетный двор был так велик, что очень скоро было начеканено монет еще на 1.500.000 руб., так что в обращении уже начало циркулировать денег на 2.000.000 руб. Оборот же попрежнему нуждается в орудиях обращения на 1.000.000 р.

В этом случае на долю каждой денежной единицы, как орудия обращения, выпадает представлять не 17,424 долей чистого золота, а в два раза меньшее количество, т.-е. 8,712... Таким образом, в этом случае металл в монете будет расцениваться вдвое ниже, чем в слитках и ясно никто не станет приносить металл на монетный двор; даже больше того, будет выгодным переплавлять монеты в слитки или отправлять их в другие страны, где несоответствие между оценкой золота в монете и слитках не наблюдается. Процесс ухода денежных знаков из каналов денежного обращения будет продолжаться до тех пор, пока соответствие между ценностью золота в монете и в слитках будет установлено...

При свободной чеканке металла ценность денег, как мерила ценностей, не может в течение продолжительного времени отклоняться от ценности денег, как орудия обращения» [1]).

Из этих выдержек, как из всего контекста работы проф. Трахтенберга, следует признание им того факта, что и при свободной чеканке ценность орудия обращения может отклоняться от ценности металла, в нем заключенного. При этом он, правда, оговаривается, что «при существовании свободной чеканки такое положение было бы только временным» [2]). Причиной отклонения является действие количественного фактора на стороне денег. Логическим следствием из этого построения является следующее утверждение:—«*при металлическом обращении вопрос о количестве денег не отпадает, значение количества денег не делается ничтожным...* И при свободной чеканке металла, количество денежных знаков только потому не имеет значения для определения ценности денег, что само это количество становится зависимым от условий оборота. *Дело, следовательно, не в том, является ли количество денежных знаков фактором, влияющим на их ценость (оно всегда является таковым)*, а в том, от кого зависит изменение этого фактора: в одном случае оно зависит от государственной власти, и тогда его влияние про-

---

[1]) Там же, стр. 103—105.
[2]) Там же, стр. 105.

является в полной мере, в другом оно зависит от общей кон'юнктуры товарного рынка, и тогда его действие не проявляется, так как оно поплощается влиянием условий товарообмена» [1]).

Прежде всего, обратимся к утверждению проф. Трахтенберга о том, что количество орудий обращения при свободной чеканке приводится в соответствие с потребностью оборота через механизм колебания ценности самих орудий обращения. Это утверждение голословно и противоречит действительности. Проф. Трахтенберг не смог бы в подтверждение привести ни одного факта, когда бы при свободной чеканке ценность монеты была бы выше или ниже ценности металла, в ней заключенного.

Но представим себе на минутку, что проф. Трахтенберг прав, т.-е. что при свободной чеканке возможны случаи отклонения ценности монеты в обращении от ценности металла, в ней заключенного. Как же действует в таком случае механизм приведения в соответствие количества денег с потребностью в них товарооборота? Повидимому исходным моментом является состояние равновесия, т.-е. такое положение, при котором ценность орудия обращения равняется ценности металла, в нем заключенного. Но, с другой стороны, согласно взглядам проф. Трахтенберга, совпадение ценности монеты с ценностью металла, в ней заключенного, может иметь место лишь при условии совпадения количества денег с потребностью оборота, а последнее возможно лишь как результат действия механизма. Здесь сразу вскрывается тот порочный круг, в котором находится проф. Трахтенберг. Предоставим самому проф. Трахтенбергу найти выход из этого круга, сами же пойдем дальше.

Предположим, что благодаря ли действию механизма, или в исходном моменте денежное обращение находится в равновесии. Проф. Трахтенберг в своих примерах допускает вслед за тем наступление таких обстоятельств, благодаря которым равновесие нарушается и ценность орудий обращения начинает колебаться. К сожалению, проф. Трахтенберг не об'ясняет нам, какие же причины выводят денежное обращение из равновесия. Больше того, если исходить из концепции самого проф. Трахтенберга, мы не видим на стороне денег никаких оснований к такому колебательному движению. Проф. Трахтенберг считает, что единственной причиной прилива денег в обращение и их отлива является несоответствие между ценностью денег, как орудия обращения и как сокровища. Когда ценность орудия обращения падает начинается отлив и наоборот, когда она повышается происходит прилив. В данном же случае

---

[1]) Там же, стр. 157.

денежное обращение находится в состоянии равновесия и поэтому отсутствуют побудители у участников товарооборота для того, чтобы привести в действие механизм.

Так как участники товарооборота пассивны, предположим, что изменение количества денег, например, их увеличение произойдет благодаря вмешательству государства. Государство чеканит из принадлежащего ему металла монеты и пускает их в обращение. Однако, такое предположение незакономерно, так как, во-первых, чеканка государством монет за свой счет нетипична для свободного металлического обращения и, во-вторых, государство, убедившись, что его вмешательство приводит к обесценению монет, отказалось бы от такой операции в дальнейшем, и в следующий раз этот фактор не мог бы уже вывести систему из равновесия.

Таким образом, вывести денежное обращение из состояния равновесия могут только факторы, лежащие на стороне товаров. Если потребность в деньгах, например, расширится, обнаружится несоответствие между наличной массой орудий обращения и новой потребностью оборота в деньгах, ценность орудий обращения начнет повышаться. Какова же амплитуда колебаний ценности орудия обращения? В своих примерах проф. Трахтенберг берет число «2». Ценность монеты увеличивается или уменьшается вдвое по сравнению с ценностью заключенного в ней металла и лишь с этого момента начинается действие механизма, приводящего количество денег в соответствие с потребностью оборота.

Участники товарооборота начинают соответственно выбрасывать или изымать из обращения деньги и благодаря их действиям равновесие восстанавливается. Мы понимаем, что число «2» в примерах проф. Трахтенберга является условным, случайным, но если такой механизм существует на самом деле, то должен в каждый данный момент существовать какой-то об'ективный предел колебаний. Почему, например, участникам товарооборота не начать выбрасывать на рынок деньги, когда ценность орудий обращения повысится не на 100%, а лишь на 10% или 0,1%? Где критерий? Проф. Трахтенберг его нам не указывает *).

---

*) Об'ективным пределом превышения ценой товара его ценности в каждый данный момент служит возможность изменения спроса и предложения. Только начиная с известного уровня, превышение цен делает практически выгодной и возможной переброску в данную отрасль вещественных и личных факторов производства и, следовательно, только через некоторое время сможет увеличиться предложение товаров. Что же касается отклонения ценности монеты от ценности металла, то, в случае если бы оно даже имело в действительности место, то достаточно было бы совершенно незначительного превышения, чтобы сделать выгодным немедленное пред'явление золота для перечеканки.

Обратим внимание еще на одно чрезвычайно важное обстоятельство. Если бы механизм, описанный проф. Трахтенбергом, в действительности, существовал, то превращение золота из одной формы в другую не было бы только технической операцией, а связано было бы с изменением ценности золота. Между тем Маркс совершенно точно указывает, что «превращение и обратное превращение из одной формы в другую является только технической операцией» [1]), и в другом месте «золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, причем золото постоянно может быть превращено из одной формы в другую» [2]).

Если бы ценность денег, как орудия обращения, отличалась бы от ценности денег, как сокровища, то самая кристаллизация ценности в форме сокровища была бы немыслима, ибо участник товарооборота, сберегая золото, как сокровище, не знал бы, какую ценность оно будет иметь в тот момент, когда ему придется его использовать в форме орудия обращения или платежного средства.

Маркс недвусмысленно говорит, что «как овеществленное рабочее время, золото гарантирует величину своей собственной ценности, и так как оно представляет овеществление всеобщего рабочего времени, то процесс обращения гарантирует ему постоянное значение, как меновой ценности» [3]).

Поэтому, мы должны признать, что самое предположение о возможности хотя бы и временного отклонения количества орудий обращения от потребности оборота при наличии свободы чеканки, является такой абстракцией, которая ставит анализируемое явление с ног на голову.

Проследим дальше рассуждения проф. Трахтенберга.

Проф. Трахтенберг выводит формулу потребности оборота в орудиях обращения, которая гласит следующее:

$$К \times Ц = \frac{М \times У \times С^1}{С.}$$ [4]),

где К — количество денег, Ц — ценность их, М — масса товаров, У — уровень товарных цен, $С^1$ — скорость обращения товаров и С — скорость обращения денег.

Эта формула соответствует марксовой и является совершенно правильной *). В ней ценность денег является данной, а количество орудий об-

---

[1]) К критике пол. экон., стр. 103.

[2]) „Капитал“, т. I, стр. 96.

[3]) К критике пол. экон., стр. 120.

[4]) Бумажн. деньги стр. 97.

*) Хотя следовало бы говорить не о массе товаров, помноженной на уровень цен, а о сумме товарных цен.

ращения *является производной* величиной, зависящей как от ценности денег, так и от потребности товарооборота, определяемой факторами, находящимися на правой стороне уравнения. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что когда говорят, что ценность денег является данной, то имеют в виду, что дана не только ценность денег, как мерила ценности, но и— как орудия обращения, ибо, в У—уровне товарных цен—ценность денег, как мерила ценности, уже идеально предположена данной и если бы в орудии обращения она не нашла себе конкретного воплощения мы получили бы равенство лишь при внесении некоего поправочного коэфициента *).

Для уяснения вопроса мы позволим себе эту формулу наполнить конкретным содержанием.

Предположим, что М—масса товаров равняется 1000 единиц, средний уровень товарных цен = 5 рублям (1 руб. = 17,424 долей золота), скорость обращения товаров=2, а скорость обращения денег=4. При таком положении количество потребных в качестве орудий обращения *рублей* будет равняться:

$$К \times 1 \text{ руб.} = \frac{1000 \times 5 \times 2}{4} = 2.500$$

Но, если бы мы предположили, что в качестве орудия обращения выступают не рубли, а, скажем, полтинники, т.-е. орудия обращения, ценность единицы которых вдвое меньше ценности единицы мерила ценности—рубля, то количество потребных полтинников равнялось бы:

$$X = 2 \times \frac{1.000 \times 5 \times 2}{4} = 5.000$$

Следовательно, в приведенной выше формуле данным является не только ценность денег, как мерила ценности, но также и ценность денег, как орудия обращения. Без этого определение количества потребных орудий обращения немыслимо.

Поэтому все дальнейшие рассуждения проф. Трахтенберга о том что ценность денег, как орудия обращения и при свободной чеканке является производной—неверны, бессмысленны и противоречат им же выведенной формуле.

Ошибка проф. Трахтенберга заключается в том, что он распространил положение Маркса относительно ценности монеты при закрытой чеканке и бумажных денег на металлические монеты при свободной чеканке. При этом проф. Трахтенберг не заметил, что взгляды Маркса на ценность бумажных денег диалектически вытекают из определенной си-

*) См. „Капитал“, т. I. стр. 96. „Весовая часть золота, идеально существующая в цене или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения, как одноименный кусок золота, или монета“.

стемы взглядов на ценность орудия обращения при свободе чеканки прямо противоположной взглядам самого проф. Трахтенберга.

Марксистская концепция по данному вопросу, с нашей точки зрения, должна состоять в следующем.

В качестве мерила ценности золото выступает идеально и находит свое выражение в цене товара, при этом цена товара исчисляется в определенных весовых единицах золота, которые соответствуют принятому масштабу и получили определенное наименование. В процессе обращения воображаемое золото становится действительным или, как говорит Маркс, «вместо одного только названия унции золота, 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенсов выступает действительная унция *этого* металла [1]).

Для обращения в каждый данный момент необходимо определенное весовое количество золота или монет, начеканенных в соответствии с масштабом цен (факторы, определяющие количество потребных для обращения монет, были уже указаны выше). В противовес утверждениям проф. Трахтенберга по Марксу «*всегда* обращается только такое их количество, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей обращения» [2]). Экономическое назначение сокровища в том и заключается, что оно представляет собою резервуар, куда стекаются излишние для обращения деньги и из которого, наоборот, черпаются орудия обращения в момент, когда потребность оборота расширяется. Эта свободная флуктуация является возможной, в противоположность утверждениям проф. Трахтенберга, только в том случае, если ценность денег не будет зависеть от формы. Деньги в своей функции орудия обращения являются реальным золотом, однако, в этой своей функции—*реальное золото* может быть заменено ***символом*** *) ***(это марксистское*** положение ничего общего не имеет со взглядами проф. Трахтенберга, согласно которым ***орудие обращения само по себе является символом золота,*** служащего мерилом ценности, ***т.-е. золота в идеальной форме).*** Этот символ может вовсе не иметь материальной ценности. Он получает ценность в обращении. Он представляет, ***замещает в обращении орудия обращения, имеющие материальную ценность*** и поэтому его ценность производна. При данной ценности денег количество орудий обращения зависит от потребности оборота. В пределах минимальной потребности монеты, обладающие материальной ценностью, могут быть замещены

---

[1]) К критике, стр. 87.

[2]) Там же, стр. 128.

*) См. „К критике" стр. 113. „Неимеющие ценности марки являются знаками ценности лишь постольку, поскольку заменяют золото в процессе обращения и заменяют его лишь постольку, поскольку оно само входило бы в обращение, как монета".

знаками ценности, символами (например, серебр., бронзовыми или медными монетами, в то время как деньгами являются золотые деньги и, наконец, бумажными знаками). Если количество знаков равняется потребности оборота, ценность единичного знака будет равняться ценности реальной золотой монеты того же наименования, замещенной им в качестве орудия обращения. Если же их будет выпущено больше, то их ценность пропорционально понизится. Знаки ценности, имеющие ценность только в обращении, не могут выйти из обращения подобно полноценным металлическим монетам и поэтому обесцениваются. Каждый знак, сохраняя прежнее наименование, представляет теперь меньшее количество реального золота. Происходит как бы косвенное изменение масштаба цен.

Таким образом, производной по марксовой теории является только ценность знаков ценности, не обладающих соответствующей материальной ценностью, а не ценность орудия обращения вообще. В то время, как у Маркса между ценностью орудия обращения, имеющего материальную ценность, и ценностью знака ценности имеется диалектическое единство у проф. Трахтенберга—формальное единство.

Но может-быть в произведениях Маркса имеют места, которыми проф. Трахтенберг мог бы оправдать свою точку зрения? Действительно, в первом томе «Капитала», мы находим следующее место: «Золото, как средство обращения, отклоняется от золота, как масштаба цен, и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует» [1]). Однако, как следует понимать эту фразу?

Прежде всего, нужно отметить, что указанное явление может иметь место не в результате того, что в обращении находится количество монет, не соответствующее потребности оборота, как это представляет себе проф. Трахтенберг, а ***лишь в результате стирания и порчи монеты.*** Вот что говорит Маркс по этому поводу: «В обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержания начинают мало-по-малу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото, как средство обращения, отклоняется от золота, как масштаба цен» [2]).

К каким же последствиям может привести такое отклонение?

В «К критике полит. экономии» Маркс так отвечает на этот вопрос: «Из 100 фунтов золота или 1.200 унций troy'a в 22 карата получается на английском монетном дворе 4.672½ ф. стерлингов или золотых сове-

---

[1]) „Капитал“, т. I, стр. 96.

[2]) Там же, та же стр.

ренов; или если эти соверены положить на одну чашку весов, а 100 ф. золота в слитках—на другую, то установится равновесие...

Попадая в различнейшие руки, сумки, карманы, кошельки, котомки, шкатулки и тюки, монета стирается. Здесь оставляет один атом, там другой и, таким образом, шлифуясь в скитаниях по свету все больше и больше, теряет в своем внутреннем содержании. Она изнашивается в употреблении. Эта, вызываемая самим процессом обращения, идеализация металлических денег, или отделение номинального их содержания от действительного эксплоатируется в подделках самых разнообразных родов частью правительствами, частью частными авантюристами. Если 4.672½ золотых соверена стали весить на чашке весов в среднем только 800 унций золота вместо 1.200, то на золотом рынке за них можно было бы купить уже только 800 унций золота, а в таком случае рыночная цена золота поднялась бы над его монетной ценой. Каждая монета, хотя бы полновесная, стала бы в своей монетной форме стоить меньше, чем в естественной форме. Тогда полновесные соверены были бы переплавлены в слитки золота, в форму, в которой большее количество золота имело бы большую ценность, чем меньшее его количество. *С того момента, когда это понижение металлического содержания охватило бы достаточное количество соверенов, чтобы вызвать постоянное обычное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, счетные названия монет остались бы те же самые, но означали бы уже меньшее количество золота.* Другими словами, денежный масштаб *изменился бы и золото впредь чеканилось бы по этому новому масштабу. Посредством этой идеализации, как орудия обращения, золото косвенно изменило бы установленные законом отношения, в которых оно было масштабом цен. Тот же самый переворот повторился бы по прошествии некоторого времени и, таким образом, золото как в роли масштаба цен, так и в роли орудия обращения подлежало бы постоянным переменам, при чем перемена в одной форме вызывала бы перемену в другой и обратно*» [1]).

Может ли обычное стирание монет привести к значительному расхождению между ценностью монеты и ценностью металла, в ней заключенного? Законодательство всех современных капиталистических стран устанавливает предел для стирания монет. Монета, потерявшая в весе сверх определенного размера, тем или иным путем изымается из обращения и демонетизируется. Остающиеся же в обороте стертые не до предела монеты являются представителями полноценных монет, на которые они тем или иным путем могут быть обменены. В то же время самый состав монет в обращении беспрерывно обновляется за счет чеканки но-

---

[1]) „К критике" стр. 103, 104, 105.

вых монет. До тех пор, пока новые монеты чеканятся по старому масштабу, а стирающиеся монеты изымаются из обращения, между ценностью монеты и ценностью заключенного в ней металла не может быть сколько-нибудь ощутимого расхождения. Но представим себе, что правительство отменило закон об из'ятии стертых монет и, наоборот, издало бы противоположный закон об обязательности для всех участников оборота приема стертых монет по нарицательному курсу. Это привело бы к тому, что из оборота, как указывает Маркс, исчезли бы полноценные монеты и остались бы только стертые. Если бы при этом монетный двор продолжал чеканить монету по прежнему официальному масштабу, то никто бы не воспользовался правом чеканки и мы фактически имели бы случай с закрытой чеканкой, когда ценность монеты не определяется ценностью металла, в ней заключенного. Если же монетный двор начнет чеканить монеты только из принадлежащего ему золота по новому масштабу в соответствии со средним обесценением монет, то до тех пор, пока в обращении будет находиться облегченных монет столько, сколько необходимо обороту полноценных, их ценность в обращении будет равняться ценности полноценных монет. Как только монетный двор перейдет эту грань, монеты начнут обесцениваться и могут дойти до ценности действительно заключенного в них материала.

Теперь у монетного двора не будет уже никаких причин к тому, чтобы не принимать к чеканке золото по новому масштабу и от частных лиц. В результате такого процесса мы будем иметь изменение масштаба цен вслед за изменением ценности орудия обращения. Единица мерила ценности и единица орудия обращения, как мы видели, все время совпадают, поскольку фактически действует свобода чеканки.

В доказательство своей точки зрения, состоящей в том, что ценность денег, как орудия обращения, может отклоняться от ценности денег, как мерила ценностей, проф. Трахтенберг приводит два случая из истории денежного обращения—денежную систему Индии с 1893 года и денежную систему Австро-Венгрии 1879—1898 годов.

«К октябрю 1897 г., говорит проф. Трахтенберг, ценность рупии, как орудия обращения, достигла *16 пенсов,* между тем, как ***ценность металла, заключенного в рупии,*** равна была несколько более *8,5 пенсов* (ценность рупии, как мерила ценностей)» [1]).

«На примере индийского денежного обращения мы видели, говорит он дальше, что ценность рупии, как орудия обращения, была почти в два раза выше ценности их, как мерила ценности» [2]).

---

[1]) „Бумажные деньги“, стр. 106.
[2]) Там же, стр. 107.

Факты, приведенные проф. Трахтенбергом, действительно имели место, однако, они не доказывают верности его теории. Прежде всего, что означает утверждение, что ценность рупии достигла 16 пенсов? Пенс—это часть золотого фунта стерлингов, т.-е определенный вес золота. Серебряная рупия являлась в обращении символом золота, символом 16 пенсов. Мерилом ценности к этому периоду в Индии было уже не серебро, а золото *), и серебряные монеты в обращении заменяли золотые рупии. Ценность монеты, как символа золота, определяется не ценностью металла, в ней заключенного, а ценностью металла, ею замещаемого в обращении. Неправильно говорить, что ценность рупии, как мерила ценности, равнялась ценности заключенного в ней металла, и что ценность рупии, как орудия обращения, была вдвое выше, чем ценность рупии, как мерила ценности.

Отвлечемся от индийской действительности и предположим, что речь идет о золотой монете при закрытой чеканке. Мерилом ценности служит золото и орудием обращения служат также золотые монеты. Может ли, при условии, если чеканка монет будет закрыта, ценность золотой монеты в обращении быть вдвое выше ценности металла, в ней заключенного? Мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Монета в обращении стирается и, если только стертые монеты будут постоянно оставаться в обороте и государство прекратит чеканку новых полноценных монет, а будет чеканить только облегченные монеты, то при условии, если количество монет будет соответствовать потребности оборота в полноценных монетах, ценность монет будет выше ценности металла, в ней заключенного. Предположим, что денежной единицей является в стране 1 золотник золота, которому присвоено наименование «дукат». Мерилом ценности служит идеальное золото, и в соответствии с принятым масштабом цен счетными деньгами служат золотые дукаты. Цены товаров выражаются в золотых дукатах, т.-е., когда говорят, что пара сапог стоит 1 дукат, то мысленно представляют 1 золотник золота. Предположим далее, что золотые монеты, находящиеся в обращении и носящие наименование «1 дукат», весят только по 0,5 золотника каждая, т.-е. они начеканены по другому масштабу. Таким образом, золотая монета, весящая 0,5 золотника, является символом золотой полноценной монеты, которая весит 1 золотник. Но можно ли назвать ценностью денег, как мерила ценности, при данных условиях количество труда, заключенного в монете, как это делает проф. Трахтенберг? Мы думаем, что в соответствии с Марксовой теорией этого делать нельзя. С таким же успехом можно было бы сказать, что ценность бумажных денег, как мерила ценностей,

---

*) См. Каутский, в сборнике „Деньги и денежное обращение", стр. 48.

определяется количеством труда, затраченного на их изготовление. Ведь бумажные деньги являются знаком ценности, доведенным до своего логического конца. Материальная ценность знака ценности не имеет никакого отношения к ценности денег, ни как орудия обращения, ни как мерила ценности. И в данном случае мерилом ценности служит золото не по тому масштабу, по которому начеканены монеты при закрытой чеканке, а по тому масштабу, который воспринят оборотом в качестве счетных денег при установлении цен.

Проф. Трахтенберг не ограничился построением общей теории ценности бумажных денег, как орудия обращения. Он ее углубляет. В период бумажно-денежного обращения при инфляции происходит падение ценности бумажных денег. Золото при бумажно-денежном обращении продолжает выполнять функцию мерила ценности и сокровища *). Понижение ценности бумажных денег проявляется двояко: в виде изменения общего уровня товарных цен и в виде появления лажа на золотую монету. На практике часто наблюдается несовпадение изменения этих показателей. Это несовпадение должно быть теорией денег об'яснено. И вот проф. Трахтенберг предлагает свою теорию. Основные положения этой теории состоят в следующем.

Прежде всего, проф. Трахтенберг считает необходимым обогатить терминологию марксистской теории денег двумя понятиями буржуазной политической экономии. Речь идет о терминах «покупательная сила денег» и «цена бумажных денег».

«Выражение ценности бумажных денег в золоте может быть обозначено, как курс бумажных денег, их цена. Выражение ценности бумажных денег в товарах может быть названо покупательной силой бумажных денег» [1]).

Речь идет здесь не только о том или ином обозначении проявления ценности бумажных денег, но и о создании особой теории.

«Если ценность бумажных денег, говорит проф. Трахтенберг, отражается на ценах товаров (поскольку они выражаются в бумажных деньгах), то эта же ценность может отражаться и на золоте. Золото также противопоставляется в этом случае деньгам, как и все циркулирующие товары.

Золото может быть рассматриваемо, как обыкновенный товар, и все то, что можно говорить о влиянии количества бумажно-денежных знаков на цены товаров, может быть отнесено также и к золоту» [2]).

---

*) Мы повсюду оставляем в стороне вопрос о мировых деньгах.

[1]) „Бумажные деньги", стр. 218.

[2]) Там же, стр. 217.

«Отсутствие равенства между ценой бумажных денег и их покупательной силой, между высотой лажа и степенью вздорожания товарных цен об'ясняется специфическими особенностями золота, как товара, удовлетворяющего специфические потребности» [1]).

«...Ценность золота выражается в бумажных деньгах и, очевидно, чем потребность в золоте будет больше, тем ценность золота, выраженная в бумажных деньгах, будет выше, т.-е. тем большим будет лаж; и, наоборот, чем потребность в золоте будет меньшей, тем ценность золота, выраженная в бумажных деньгах, будет меньшей, тем лаж будет ниже. Потребность эта постоянно и чрезвычайно сильно колеблется, следовательно, и лаж колеблется вверх и вниз.

Ценность бумажных денег определяется ценностью того количества металла, представителем которого бумажные деньги являются, при чем это количество отнюдь не равно количеству, которое написано на бумажных знаках; но ценность бумажных денег принимает форму цены, курса бумажных денег (*как ценность товаров вообще принимает форму цены),* который колеблется от потребности в золоте и в полном соответствии с колебанием об'ема этой потребности... Колебание курса бумажных денег, лажа на золото, весьма сильно зависит от спроса на деньги, как средство сохранения ценностей» [2]).

«Ценность бумажных денег в общем и целом определяется ценностью того количества металла, которое ими представляется; но эта ценность является той осью, той средней, вокруг которой вращается цена бумажных денег, как выражение ценности этих денег; курс может быть и выше, может быть и ниже этой ценности, в зависимости от целого ряда факторов, к которым надо причислить и состояние народно-хозяйственной кон'юнктуры, влияние же хозяйственной кон'юнктуры сказывается в изменении потребности в деньгах (золоте), как орудиях сбережения ценностей» [3])...

Эта теория проф. Трахтенберга является дальнейшим привнесением им в марксизм положений количественной теории, при этом и здесь у проф. Трахтенберга не обходится без внутренних противоречий.

В главе «Ценность денег», где проф. Трахтенберг определял ценность денег в зависимости от функций, ими выполняемых, он заявлял, что ценность денег, как мерила ценности и как сокровища, определяется одним и тем же фактором. «На вопрос, следовательно, чем же определяется ценность денег, как мерила ценностей, или ценность денег, как средства сохранения ценностей, ответ может быть дан только один: ценность их

---

[1]) Там же, стр. 220.
[2]) Там же, стр. 225, 226, 227.
[3]) Там же, стр. 229—230.

определяется ценностью заключенного в них материала»[1]. Следовательно, ценность сокровища дана в производстве и может изменяться только в зависимости от изменения количества среднего общественно-необходимого труда для его воспроизводства. Размеры потребностей в сокровищах определяются различными факторами и зависят от ценности денежного материала. Теперь же, как видно из приведенных цитат, проф. Трахтенберг становится на прямо противоположную точку зрения. Оказывается, что при бумажно-денежном обращении ценность золота определяется потребностью в нем, как орудии сбережения ценности. Ценность золота, как орудия сбережения ценности, проявляется в лаже на золотую монету, при чем эта ценность может отклоняться от ценности золота, как мерила ценности. Проф. Трахтенберг стоит на той точке зрения, что ценность бумажных денег в общем и целом определяется ценностью того количества металла, которое им представляется, при этом он полагает, что бумажные деньги непосредственно символизируют деньги, выступающие в качестве мерила ценности. Предположим, что ценность бумажного рубля равняется 50 коп. золотом, это означает, что ценность бумажного рубля равняется 50% стоимости монеты того же наименования. Если бы ценность золота, как мерила ценности и как сокровища, совпадала, то рыночная цена золота, выраженная в бумажных деньгах, равнялась бы 2 рублям, лаж на золото достиг бы 100% или дизажио на бумажные деньги 50%. Однако, по мнению проф. Трахтенберга, в зависимости от потребности в золоте, как орудии сбережения, его цена колеблется, поэтому нет непосредственного совпадения между ценностью бумажных денег, символизирующих ценность золота как мерила ценности, и дизажио на бумажные деньги (последнее проф. Трахтенберг называет ценой бумажных денег), которое определяется потребностью в золоте, как орудии сбережения. В нашем примере это означает, что при ценности бумажного рубля в 50 коп. золотом, его цена может равняться 40 и 60 копейкам. Решающими факторами здесь являются размеры потребности и предложения золота, как товара. Расхождения между изменением уровня товарных цен и дизажио или же лажем проф. Трахтенберг ищет исключительно в сфере потребления золота, как специфического товара.

Мы уже раньше указывали на неправомерность предположения различной ценности денег, как орудия обращения и мерила ценности, тем более нелепо предполагать различную ценность у золота, как мерила ценностей и орудия сбережения. Отсюда вытекает совершенная непри-

---

[1]) Там же, стр. 92—93.

емлемость предложенного проф. Трахтенбергом понятия «цена бумажных денег», противопоставляемого их ценности.

У Маркса мы находим следующее замечание: «Золото там, где оно служит элементом определения цен, а потому счетными деньгами, не имеет не только постоянной, но вообще никакой цены. Для того, чтобы оно приобрело цену, т.-е. чтобы оно могло выразиться в каком-нибудь специфическом товаре, как всеобщем эквиваленте, этот другой товар должен играть такую же исключительную роль в процессе обращения, как золото» [1]).

Применимо ли это положение к бумажным деньгам? •

Нам представляется, что оно применимо целиком и полностью. В самом деле, и при бумажно-денежном обращении золото служит элементом определения цен. Мерилом ценности продолжает служить золото. И если цены товаров получают теперь иное выражение в бумажных деньгах, то это об'ясняется тем, что косвенно изменился масштаб цен. Наименование «рубль» сохраняется за единицей бумажных денег, но рубль этот представляет уже только часть золотого рубля. Бумажно-денежный знак является символом золота, поэтому он не может иметь цену, ибо для этого он должен был бы быть идеально приравнен не к золоту, как специфическому товару, а к какому-то иному товару. Но тогда он, в свою очередь, был бы знаком этого иного товара (и мы не могли бы никак выйти из этого заколдованного круга).

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что хотя проф. Трахтенберг и полагает, что он конструирует понятие цены бумажных денег аналогично понятию цены товара вообще, однако, по существу у него оно весьма своеобразно.

Когда марксист конструирует понятие цены товара, то при этом он считает, что, во-первых, цена товара является денежным выражением ценности товара, во-вторых, деньги выступают при определении цены товара в качестве мерила ценности, при чем ценность денег известна, дана, и, в-третьих, цена товара может не совпадать с его ценностью, даже в условиях простого товарного хозяйства. Причиной являются, однако, не факторы, лежащие на стороне мерила ценности.

Теперь вспомним, как проф. Трахтенберг конструирует понятие «цены» бумажных денег. Казалось бы, что для установления цены нужно было бы придать им выражение в золоте, как мериле ценности, однако, проф. Трахтенберг называет ценой бумажных денег выражение дизажио

---

1) „К критике", стр. 75; см. также: „Теории прибавочной ценности", т. II, ч. I, стр. 43.

по сравнению с золотой монетой, которая по его концепции выполняет функцию орудия *накопления*. Кроме того, цена бумажных денег, по концепции проф. Трахтенберга, отличается от их ценности вследствие причин, лежащих не на стороне бумажных денег, а на стороне золота.

Вместо того, чтобы искать причин в несовпадении изменения уровня товарных цен и лажа на золото, во-первых, в изменении условий производства как самого золота, так и прочих товаров, и, во-вторых, в условиях кон'юнктуры народного хозяйства, которая, как известно, и при золотом обращении влияет на рыночные цены товаров, проф. Трахтенберг все сводит к изменению потребности в золоте, как орудии сбережения *).

---

*) В „Вестнике Коммунистической Академии“, книга 5 за 1928 год, помещена статья тов. В. Богданова: „Заметки по теории денег Маркса“, направленная против проф. И. А. Трахтенберга. Некоторые положения тов. Богданова совпадают с развитыми нами в настоящем очерке. Однако, не со всеми взглядами тов. Богданова мы можем согласиться. За недостатком места мы лишены возможности на них остановиться.

Банкнота.

Банкнота принадлежит к категориям политической экономии, наименее разработанным в марксистской литературе. В настоящем очерке мы попытаемся осветить некоторые проблемы теории банкноты, отнюдь не претендуя на их исчерпание.

Нам представляется, что наиболее интересными для теоретического освещения являются следующие вопросы:

1) возникновение и сущность банкноты;

2) является ли размен на металл признаком, конституирующим самое понятие банкноты;

3) законы обращения банкнот.

Начнем с возникновения банкноты. Весьма распространенным в литературе является утверждение, что банкнота возникла из вкладной операции средневекового банкира-менялы. Владельцы драгоценного металла передавали его на хранение банкиру-меняле и получали от него расписки или свидетельства о вкладе, которыми последний обязывался возвратить металл немедленно по их пред'явлении. «Эта расписка, говорит К. Каутский, могла быть написана таким образом, что она уполномочивала всякого держателя ее, кто бы он ни был, получить из банка без дальнейших формальностей определенную сумму денег. *Употребление таких расписок на пред'явителя означало возникновение банкноты*» [1]).

Такое представление по нашему мнению ошибочно и противоречит Марксовой теории.

Маркс не придает никакого значения этим билетам средневековых банков. «Банк в Амстердаме, читаем мы в третьем томе Капитала [2]), основанный в 1609 году, точно так же, как и банк в Гамбурге (1619 г.) *не знаменует никакой новой эпохи в развитии современного кредитного дела*. Это был *чисто депозитный банк*. Боны, выпускавшиеся банком, были действительно *лишь расписками* в получении вложенного в банк благородного металла в монете или слитках. Следовательно, Маркс

---

[1]) К. Каутский. Очерк „Деньги" в сборнике „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма". I изд., стр. 166.

[2]) „Капитал", т. III, II часть, стр. 143.

не считал эти расписки банкнотами и банки, выдававшие эти расписки,— эмиссионными банками. Да иначе и быть не может, если вместе с Марксом считать, что «кредитная система предполагает монополию частных лиц на средства общественного производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама она, с одной стороны, *является имманентной формой капиталистического способа производства,* с другой стороны, движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных его форм» [1]).

Банкнота является порождением общества, где господствуют не допотопные формы капитала, как средневековый ростовщический капитал, а общества, характеризуемого *капиталистическим способом производства.* Каутский дает расширительное толкование банкноте, считая банкнотой как билеты средневекового банка, так и билеты современных эмиссионных банков. Такое толкование является следствием игнорирования социальных отношений, овеществленных в той или иной форме. Современная банкнота действительно восприняла форму билета средневекового банка, но только форму. Содержание банкноты и средневекового билета, то-есть овеществленные в них производственные отношения, совершенно различно. Одна и та же форма на различных ступенях развития хозяйства может овеществлять различные отношения. Игнорирование существа экономического явления и подчеркивание формы является типичным фетишизмом, к которому в данном вопросе Каутский и скатывается.

Каутский не понимает сущности банкноты. По его мнению «*банковые билеты имеют прежде всего техническое значение:* они облегчают переводы крупных денежных сумм. Кроме того, они дают сбережение, поскольку лежащие в подвалах банка золотые монеты предохраняются от стирания, которое они потерпели бы в случае обращения». Далее, «Банк может выпустить билетов на гораздо большую ценность, чем его золотой запас» [2]).

Маркс неоднократно подчеркивал ошибочность построений классиков, которые усматривали сущность денег в техническом облегчении обмена, и в противовес им выводил деньги из внутренних противоречий товара. Для Каутского, повидимому, это осталось за семью печатями. Он в ряде своих работ подчеркивает, что деньги «лишь техническое орудие, призванное облегчать меновой процесс» [3]). Эта «концепция» отразилась и на взглядах Каутского на сущность банкноты. Назначение банкноты, как его формулирует Каутский, не дает возможности установить

---

[1]) Там же, стр. 147.

[2]) Названный очерк, стр. 123—124.

[3]) См. тот же сборник, стр. 72 и 196.

ее отличие от переводного векселя, чека, металлического сертификата и, наконец, бумажных денег.

В самом деле, облегчение перевода крупных денежных сумм в равной степени может быть достигнуто путем получения от банка против взноса металлических денег не только «банкноты», но и переводного векселя и сертификата. Далее, предохранение от стирания металла на монете достигается при обмене его в банке на сертификат или при внесении суммы на текущий счет и получении чековой книжки. Наконец, возможность выпуска денежных знаков на сумму, превышающую металлический фонд эмитента, характерна не только для эмиссии банкнот, но и бумажных денег.

Повидимому даже и форма банкноты изучена Каутским недостаточно, если он усматривает назначение банкноты в выполнении тех же задач, которые выполняются одновременно и другими категориями. В этом факте проявляется бесплодность всякого формального изучения категорий политической экономии. Банкноту, как и всякую другую категорию политической экономии, следует изучать, пользуясь абстрактно-диалектическим методом, стремясь при этом вскрыть общественные отношения, в ней овеществленные. Банкнота возникает из функции денег как платежное средство и призвана разрешать противоречия последней.

Когда производитель продает товар, не получая одновременно денежного эквивалента, между ним и покупателем возникает особое отношение кредитора и должника. Покупатель принимает на себя обязательство уплатить обусловленную сумму денег через определенный промежуток времени. Вещное внешнее выражение это отношение находит в появлении векселя. В данной сделке деньги выполняют лишь функцию мерила ценности, покупательным средством или орудием обращения служит вексель. В свою очередь продавец товара в дальнейших актах выступает в качестве покупателя. Он также может приобрести необходимый ему товар без одновременной уплаты денежного эквивалента. При этом он либо обязывается векселем, т.-е. выдает новый вексель от своего имени, либо переуступает вексель, полученный им в первом акте. При наличии цепной связи между участниками товарооборота их обязательства могут в дальнейшем взаимно погашаться без участия наличных денег, в крайнем случае, деньгами будет покрыто лишь сальдо баланса долгов.

Но, с другой стороны, товарно-кредитные сделки не имеют всеобщего распространения. Товарно - капиталистическое общество знает такие рынки, напр., сырьевые, на которых требуются преимущественно наличные деньги. Сферы, в которых недостаточно развиты товарно-кредитные отношения, не составляют чего-то постоянного, неизменного. В зависи-

мости от кон'юнктуры товарно-кредитные отношения то сужаются, то расширяются. Во всяком случае, возможно такое положение, что, напр., производитель сапог, с одной стороны, вынуждается продать продукт своего производства в кредит, а с другой стороны, не в состоянии купить в кредит кожу и в то же время не имеет наличных денег. Следовательно, с одной стороны, деньги в качестве платежного средства выступают только для ликвидации сальдо платежей к моменту наступления срока обязательств, с другой стороны, наличные деньги должны появиться еще до срока платежа по векселю, иначе под угрозой будет находиться самый процесс воспроизводства.

Это противоречие разрешается кредитной системой. Последняя, вопервых, расширяет возможность зачетов обязательств и сводит к минимуму сальдо, которое подлежит покрытию наличными деньгами и, вовторых, предоставляет участникам товарооборота наличные деньги как для покрытия этого сальдо, так и в тех случаях, когда они нужны продавцам товаров до наступления срока платежа по векселю. Банк покупает векселя до наступления их срока и выдает их владельцам наличные деньги. Наличными деньгами могут быть не только металлические монеты, являющиеся частью капитала банка, или привлеченными им вкладами, но и собственные билеты банка, которые обладают способностью обращаться не только в сфере товарно-кредитных сделок, но и в сфере простого товарного обращения. Эти билеты банка и являются банкнотами. Следовательно, банкнота разрешает противоречие денег как платежного средства. В этом ее сущность и значение.

Разрешение, однако, «не устраняет этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков, вообще, тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, напр., в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего заключается противоречие. Элипсис—есть форма движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» [1]).

Банкнота возникает на базе товарно-кредитной сделки и с этой точки зрения банкнота является кредитными деньгами, но функционирует она в сфере платежей наличными деньгами, следовательно, ее природа двойственна. Банкнота является превращенной формой торгового векселя *). Будучи обязательством эмиссионного банка, она обладает способностью к обращению, так как за эмиссионным «банком стоит нация со всем ее богатством» [2]).

---

[1]) Маркс, „Капитал", т. I, стр. 74.

*) В эпоху финансового капитала вексель отмирает, но товарно-кредитные отношения или точнее коммерческий кредит сохраняется, как база банкнотной эмиссии.

[2]) Маркс, „Капитал", т. III, стр. 81.

Банкнота выписывается на металлические деньги. Обычно банк обязуется по пред'явлении обменять ее на металл в монетах или слитках. Однако, практика знает такие билеты банков, которые на металл не размениваются. Поэтому представляется необходимым выяснить, является ли размен на металл конститутивным признаком для самого понятия банкноты.

У Маркса мы находим следующее определение банкноты: «Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому пред'явитель во всякое время может получить деньги и которым банкир замещает частные торговые векселя» [1]). Это определение банкноты базируется на двух признаках: 1) размен на деньги и 2) выпуск банкнот в обращение в порядке учета торговых векселей. На практике, как мы уже указали, имеют место случаи, когда выпускаемые банком билеты не удовлетворяют первому признаку. Возникает вопрос, изменяется ли с потерей этого признака экономическая природа банкноты.

В марксистской литературе по этому вопросу нет единства. Мы позволим себе предварительно сделать несколько критических замечаний по поводу мнений отдельных авторов, чтобы затем попытаться дать положительное решение.

Начнем с Гильфердинга. Автор «Финансового капитала» полагает, что, «если в известные критические эпохи банковым билетам дается принудительный курс, они становятся, благодаря этому, государственными бумажными деньгами» [2]). Если буквально понимать приведенную фразу Гильфердинга, то следует притти к заключению, что он придерживается той точки зрения, что прекращение размена превращает банкноту в бумажные деньги. Однако, к этой фразе Гильфердинг счел нужным дать обстоятельное применение, в котором он полемизируя с проф. К. Диль, говорит следующее: «Диль не видит существенной разницы между выпуском банковых билетов, основанном на учете векселей, следовательно, на товарном обороте, который требует денег и в распоряжение которого как-раз и даются кредитные деньги, и выпуском билетов для ссуд государству. Банкнота заменяет векселя, следовательно, одну форму кредитных денег другою, а вексель представляет действительную товарную ценность. Напротив, выпуск банкнот под обещание платежа со стороны государства только и дает государству возможность купить товары, для чего у него нет денег... *К банку государство обращается как-раз потому,*

---

1) К. Маркс, „Капитал", т. III, ч. I, стр. 389.

2) Р. Гильфердинг, „Финансовый Капитал", стр. 75. (Понятие принудительного курса включает в себе два признака: неразменность и законная платежная сила. Б. Б).

что оно не располагает никаким иным кредитом, а дает банкнотам принудительный курс, потому, что иначе банк обанкротится» [1]).

Это примечание как-будто позволяет дать иное толкование вышеприведенной цитате Гильфердинга. Повидимому ее следует понимать в том смысле, что по тем или иным причинам государство нуждается в получении ссуд у эмиссионного банка и что снабжение банкноты принудительным курсом является лишь следствием этой нужды. Таким образом, в этом случае отсутствуют оба признака банкноты: выпуск под торговые векселя и размен на золото. Поэтому, естественно, что такие выпускаемые банком билеты не являются банкнотами. Однако, следующее место из того же примечания вынуждает к осторожности в окончательном суждении о взглядах Гильфердинга. «Разумеется, пишет он дальше, если банк продолжает производить дисконт этими билетами (т.-е. билетами с принудительным курсом Б.Б.) и поскольку они выпускаются под векселя и другие обеспечения, постольку они, как и раньше, исполняют функции кредитных денег. Это отнюдь не противоречит тому, что они государственные бумажные деньги: это немедленно обнаружится, если произойдет обесценение по той причине, что бумаг выпущено больше, чем требуется общественным минимумом обращения» [2]).

Эта фраза сама по себе противоречива. Выходит, что билеты, выпускаемые в порядке учета векселей и выполняют функции кредитных денег, но вместе с тем, они государственные бумажные деньги; изменение природы банкноты и перерождение ее в бумажные деньги обнаружится по мнению Гильфердинга, на факте обесценения. Как-будто обесценение является обязательным признаком или свойством бумажных денег? Разве ценность бумажно-денежной единицы не может равняться ценности металлической единицы того же наименования, если только выпуск бумажных денег по номиналу соответствует потребности оборота в металлических деньгах того же наименования? Разве обесценение билета банка является неизбежным спутником прекращения его размена на золото и изменения порядка его выпуска? Если ссуды государственному казначейству и обычные учетно-ссудные операции банк производит в меру действительной потребности оборота в денежных знаках, то ценность билета может и не понизиться.

Мы должны притти к выводу, что Гильфердинг не дает ясного, исчерпывающего ответа на поставленный вопрос.

Перейдем к Каутскому. По Каутскому банкнота «внешне является тем самым, чем являются и бумажные деньги, однако, банкнота не

---

[1]) Там же, стр. 75.
[2]) Там же, стр. 75.

является суррогатом несуществующего золота, напротив, она *является удостоверением (мандатом) на золото, которое имеется налицо...*

«Падение банкноты ниже золотой ценности может иметь место только там, где прекращен размен на золото, где каждый, поэтому, вынужден принимать их в платежи вместо золота. А это может иметь место лишь для банкнот банка, пользующегося государственной привилегией, на основании особого государственного указа. *В таком случае банкноты приобретают характер государственных бумажных денег с принудительным курсом»*[1]).

Во-первых, неправильно утверждение Каутского, что банкнота является удостоверением на золото, которое имеется налицо. Как общее правило, банкноты не обеспечиваются золотом на 100%. В той части, в какой билеты банка обеспечены металлом, они скорее являются не банкнотами, а сертификатами.

Далее неясно, что имел в виду Каутский во второй приведенной нами фразе, какое содержание вкладывает Каутский в слова «принимают характер»,—то ли, что банкнота меняет свою природу, то ли, что она, оставаясь банкнотой, подчиняется закону ценности бумажных денег. А между тем, в зависимости от того или иного толкования точка зрения Каутского примет различную окраску. Фраза, следующая тотчас же за приведенной нами, дает возможность предположить, что Каутский имеет в виду не изменение экономической природы банкноты, а лишь подчинение ее закону ценности бумажных денег. Но в те определения банкноты, которые в ряде мест дает Каутский, в качестве основного конституирующего признака, входит размен ее на золото. Отсюда и неясность в его взглядах.

Перейдем к русским авторам. Проф. Трахтенберг, И. А. в книге «Бумажные деньги» дает следующую характеристику банкноте: «Банковые билеты выпускаются кредитными учреждениями (банками), в ссуду по их регулярным коммерческим операциям, разменны и не снабжены принудительной обращаемостью (силой законного платежного средства)» [2]). Наиболее важным признаком проф. Трахтенберг считает способ выпуска, так как им определяется экономическая природа банкноты. Но в другом месте он заявляет, что сама «сущность банкового билета связана с его разменностью» [3]), неразменная же банкнота является исключением. Мы усматриваем во взглядах проф. Трахтенберга некоторое противоречие. С одной стороны, признак разменности входит в определение банкноты и с ним связана сущность банкноты. С другой стороны,

---

[1]) Деньги и ден. обр. стр. 161—162, 167.

[2]) Проф. Трахтенберг, И. А. „Бумажные деньги", стр. 196.

[3]) Там же, стр. 184.

наиболее важным признаком является порядок выпуска билетов. Если билеты выпускаются банком в порядке выдачи ссуды казначейству, они превращаются в бумажные деньги. Если же они выпускаются по регулярным коммерческим операциям, но неразменны, то они, повидимому, остаются банкнотами. Но ведь они неразменны, и поэтому сущность банкноты казалось бы должна измениться.

В своей последней работе [1]) проф. Трахтенберг снова подчеркивает, что размен на металл является неот'емлемым свойством банкноты. Продавец товара, передавая банку полученный им от покупателя вексель, «взамен этого получает от банка билеты, по которым банк обязуется уплатить наличными во всякий момент пред'явителю билета. Этот билет в силу возможности для каждого владельца превратить его в любой момент в наличные деньги... может обращаться как знак ценности и заменять в обороте деньги».

Взгляд проф. Финн-Енотаевского, А. Ю. характеризуется следующей фразой: «Выделив банкноту из credit currency, мы тем сильнее должны подчеркнуть ее отличие от государственных бумажных денег. Обычно забывают, что банкноты, кредитные деньги, базируются на вексельном обращении, символические же деньги—государственные бумажки—на металлическом, и видят разницу в том, что одни разменны по закону, а другие нет. На деле же могут быть разменные по закону государственные деньги и неразменные банкноты» [2]). Таким образом, проф. Финн-Енотаевский стоит на той точке зрения, что разменность банкноты не является признаком, конституирующим понятие банкноты. Однако, этот взгляд не выдержан проф. Финн-Енотаевским до конца. Несколькими страницами дальше мы читаем: «При отсутствии размена по закону действует один банковый принцип и нарушение его, не имея корректива в металлическом обращении, перейдя известную границу, обесценивает банкноту, превращает ее в бумажную валюту» [3]). Таким образом, для превращения неразменной банкноты в бумажные деньги оказывается достаточным, чтобы банк произвел некоторую инфляцию платежных средств. Для этого вовсе нет необходимости в том, чтобы изменилась ее база, чтобы вместо торговых векселей основанием ее выпуска служили обязательства казначейства, что казалось бы следует из первой приведенной нами фразы Финн-Енотаевского. Это противоречие во взглядах проф. Финн-Енотаевского имеет своим корнем, как нам кажется, своеобразный взгляд его на природу бумажных денег. По Финн-Енотаевскому,

---

[1]) Теория кредита, стр. 210.

[2]) А. Ю. Финн-Енотаевский. „Деньги и кредит“, в сборнике № 8 „Новые идеи в экономике“, стр. 36—37.

[3]) Там же, стр. 47.

бумажные деньги обязательно больные, обесцененные. При этом он считает, что обесцененные, больные бумажные деньги, а вместе с тем и обесцененные неразменные банкноты имеют особые законы ценности, в отличие от законов ценности разменных и неразменных банкнот, идущих наравне с металлической монетой *). В этом взгляде двойная ошибка. Во-первых, бумажные деньги, выпущенные государством с целью использования дохода от эмиссии, могут иметь в обращении ценность равную ценности металлической монеты, на которую они обозначены. Такое явление имеет место, когда потребность государства в доходе от эмиссии не превышает по номиналу потребности оборота в денежных знаках. Во-вторых, у Маркса нет двух законов ценности для денег, не имеющих материальной субстанции—одного для знаков, идущих по ценности металлических денег и другого—для обесцененных денег. Закон един. Проявление же его различно, в зависимости от соответствия или несоответствия выпуска знаков потребности оборота в одноименных монетах. В первом случае, ценность знака соответствует ценности металла, на который он выписан, во втором случае—отклоняется от него.

Итак, приведенные нами взгляды отдельных экономистов по вопросу о значении размена банкноты не отличаются достаточной четкостью. Попытаемся осветить этот вопрос.

Мы уже установили, что товарно-кредитное отношение, внешним, вещным проявлением которого является вексель, заключает в себе внутреннее противоречие. Производитель товара вынуждается ходом развития экономических отношений товарно - капиталистического общества к продаже товара в кредит. Развитие кредитных отношений является одной из предпосылок стихийного развития производительных сил товарно-капиталистического общества. Без коммерческого кредита сбыт и воспроизводство товаров не были бы столь эластичны. Но продавцу товара для дальнейшего воспроизводства нужна часть капитала в форме наличных денег, ибо кредитные отношения не охватывают всей сферы обращения товарно-капиталистического хозяйства. Есть области хозяйства, которые требуют наличных денег. В виду этого продавец в кредит нуждается в досрочном превращении векселя в наличные деньги. Банкнота и является превращенной формой торгового векселя. Она возникает на базе товарно-кредитных отношений, но предназначена она для функционирования в сфере народного хозяйства, где кредитные отношения не развиты. В товарно-кредитной сфере «векселя до истечения их срока и до наступления дня платежа в свою очередь сами обращаются как платежное средство, они-то и образуют собственно торговые деньги.

---

*) См. там же, стр. 38.

Поскольку они, в конце концов, погашают друг друга при сведении счетов по требованиям и долгам, они абсолютно выполняют функции денег, так как в таком случае не происходит заключительного их превращения в деньги» [1]). Но сфера обращения векселей ограничена той областью народного хозяйства, в которой развиты товарно-кредитные отношения. Где их нет, там нужны наличные деньги. Банкнота и является такими наличными деньгами—превращенной формой векселя, разрешающей внутреннее противоречие товарно-кредитного отношения. «Вексель образует основу, собственно, кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных бумажных денег, а вексельное обращение» [2]).

В периоды кризисов это внутреннее противоречие особенно ярко проявляется. «В моменты кризиса», читаем мы у Маркса, «вексельное обращение совершенно отказывается служить, никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет... способность к обращению» [3]).

Итак, *возникновение банкнот не имеет своим основанием металлические деньги.* Связано ли с металлическим обращением обратное возвращение банкноты в банк? По этому вопросу мы находим у Маркса недвусмысленный ответ следующего содержания: «*Обратный приток может происходить двояким образом.* Во-первых, банк платит лицу «А» банкнотами за ценные бумаги; «А» платит ими лицу «В» по векселю при наступлении срока платежа, а «*В» снова вносит их вкладом в банк.* Таким образом, обращение этих банкнот закончено, но заем остается. Банкноты, ссуженные банком лицу «А», теперь возвратились в него обратно; напротив банк является кредитором «А» или того лица, которым выдан учтенный «А» вексель и должником «В» на сумму ценности, выраженную в этих банкнотах, а «В» располагает, таким образом, соответствующей частью капитала банка. Во-вторых, «А» платит лицу «В», а сам «В» или «С», которому он продолжает платить банкнотами, *платит ими же банку непосредственно или посредственно по векселям, которым наступил срок. В этом случае банку уплачивается его собственными банкнотами. В этом случае, сделка этим не заканчивается»* [4]). Мы видим, что *природа банкноты, т.-е. сам порядок выпуска ее в обращение, делает ее возвратимой к эмитенту без всякого размена ее на золото.* (Мы здесь не касаемся периодов кризиса, когда благодаря массовым банкротствам векселедателей, банкнота может застрять в обращении).

---

[1]) К. Маркс, „Капитал", т. III, ч. I, стр. 386.
[2]) Там же, стр. 386.
[3]) Там же, ч. II, стр. 81.
[4]) Там же, I часть, стр. 443.

Таким образом, *ни возникновение, ни функционирование банкноты, ни ее возврат в банк не связаны с разменностью.* Мы находим этому еще одно подтверждение у Маркса. Говоря о трояком значении металлического запаса эмиссионного банка, Маркс останавливается, в частности, на его назначении в качестве фонда, обеспечивающего размен банкнот, и говорит: «Эта последняя роль связана только с банковой функцией и не имеет отношения к функциям денег, как таковых» [1]).

Все эти обстоятельства побуждают нас прийти к выводу, что размен банкнот на золото не является признаком, конституирующим понятие банкноты. Обязательный размен банкноты не вытекает из природы банкноты, как превращенной формы векселя. Этот размен целесообразен в связи с двумя обстоятельствами, ничего общего с природой банкноты не имеющими. Во-первых, при помощи размена банкнот на золото, излишние банкноты, функционирующие в сфере общего обращения, могут быть из'яты из обращения и, во-вторых, размен гарантирует устойчивость интервалютного курса банкноты, с колебаниями, не превышающими обычных пределов колебания металлической валюты, т.-е. золотых точек, при помощи размена устанавливается прямая связь банкноты с мировыми деньгами—золотом. Однако, размен не является единственным способом достижения указанных результатов. Излишне выпущенные банкноты могут быть из'яты из обращения мерами кредитной политики. Банк может повысить учетную ставку и ставку по текущим счетам. Это мероприятие будет иметь следствием увеличение вкладов и сокращение требований на платежные средства. Далее, банк может при предоставлении кредита пред'являть повышенные требования к вексельному портфелю, сокращать сроки кредитов, сокращать размеры кредита и в то же врмя усиленно требовать возврата ссуд сроком по пред'явлении (on call). В результате изменения кредитной политики излишние банкноты могут быть из'яты из обращения. В сфере международных отношений банк может проводить девизную политику и другие мероприятия, благодаря которым ценность банкноты не будет отклоняться от ценности золота, на которое она выписана. В наши задачи не входит описание политики эмиссионного банка, выпускающего неразменную банкноту, мы имели в виду лишь показать, что размен относится не к существу, не к природе банкноты, а к банковым функциям, которые без изменения природы банкноты могут быть заменены с большим или меньшим успехом рядом других мероприятий.

Прекращение размена банкноты и об'явление ее законным платежным средством не меняет ее экономической природы и тех социальных отношений, которые в ней овеществлены.

---

[1]) Там же, II часть, стр. 107.

Лишь изменение порядка выпуска банкноты изменяет ее природу. Она перерождается в бумажные деньги только в том случае, если она выпускается для покрытия бюджетного дефицита. С этого момента базою ее выпуска служат не товарно-кредитные отношения участников товарооборота, овеществленные в векселе, а нужды государства в увеличении его покупательной способности. Банкноты, выпускаемые банком в порядке учета обязательств государственного казначейства, ничем по своей природе не отличаются от бумажных денег, выпускаемых непосредственно государством. Их базой является использование государством права выпускать знаки ценности, замещающие в обращении металлические деньги.

Мы уже подчеркнули двойственность природы банкноты. Базой ее возникновения являются кредитные отношения, функционирует она, как деньги. Однако, эта характеристика является неполной, а потому и недостаточной. Когда участник товарооборота продает эмиссионному банку вексель и последний расплачивается с ним банкнотами, мы имеем здесь налицо не только выпуск новых денежных знаков, но и одновременное создание фиктивного ссудного капитала. Если рассматривать вопрос с точки зрения владельца векселя, то он не увеличивает своего капитала, прибегая к его учету, так как между ним и банком происходит сделка купли-продажи, сумма банкнот, получаемых от банка, эквивалентна валюте векселя. Он лишь превращает свой капитал из одной формы—формы товарно-торгового векселя, неспособного при данных условиях к использованию в воспроизводственном процессе, в другую форму—форму банкноты, которая ему потребна для функционирования в качестве денежного капитала. Если же рассматривать вопрос не только с точки зрения взаимоотношений между банком и векселепред'явителем, а привлекая одновременно и векселедателя, то мы увидим, что эмиссионный банк, выпуская банкноту, создает ссудный капитал. В самом деле, когда в свое время векселепред'явитель продал векселедателю товар в кредит, он передал ему часть своего товарного капитала, не получив одновременно эквивалента в денежной форме. Следовательно, действующий капитал продавца уменьшился на некоторую сумму, а капитал покупателя увеличился. Затем продавец продал долговое обязательство покупателя эмиссионному банку и получил эквивалент в денежной форме. Тем самым первоначальный размер его капитала восстановился, изменилась лишь его форма—капитал, бывший до реализации продукта в товарной форме, превратился в денежную форму. Но в то же время капитал покупателя возрос на сумму товаров, купленных им в кредит. Этот дополнительный ссудный капитал, в конечном счете, доставлен ему эмиссионным банком.

Поэтому мы можем нашу характеристику двойственности банкноты дополнить еще указанием на то, что она является результатом способности банка, с одной стороны, создавать денежные знаки, с другой—создавать фиктивный ссудный капитал.

Поэтому банкнота подчиняется, как это совершенно правильно указывает проф. Трахтенберг, двоякого рода законам—с одной стороны, законам денежного обращения и, с другой стороны, закономерностям движения ссудного капитала.

В настоящем очерке мы ограничимся анализом закономерностей денежного обращения, которым подчинена банкнота.

Чем определяется ценность банкноты? Банкнота как разменная, так и неразменная не имеет внутренней ценности, она является знаком ценности. Поэтому на нее распространяются законы, выведенные Марксом для этого последнего. Ценность банкноты определяется ценностью той одноименной монеты, на которую она выписана и которую она в качестве наличных денег замещает в обороте. Количество же потребных наличных денег при данной ценности денежной единицы определяется в конечном счете размерами товарооборота.

Так как банкнота возникает на базе товарно-кредитных сделок, может возникнуть иллюзия, что банкнота не может быть выпущена в излишнем количестве и, следовательно, ее ценность не может быть ниже ценности одноименной монеты даже при отсутствии размена банкнот на металл. Так, проф. Трахтенберг, говоря о классической банкноте прошлого столетия, указывает, что «банкноты выпускались только под учет краткосрочных товарных векселей; поскольку такие векселя служат показателем обнаруженной уже потребности оборота в денежных знаках, показателем циркуляции товаров, требующих новых орудий обращения, *выпуск новых банкнот взамен векселей всегда соответствует потребностям товарооборота*»[1]).

Нам представляется, что такое утверждение основано на чрезмерном упрощении проблемы.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что банкнота, если она выпускается в достаточно мелких купюрах, имеет обращение не столько в сфере крупно-оптовой торговли, сколько в мелко-оптовом и розничном обороте. Она из кредитного обращения переходит в сферу общего, низового, розничного оборота. Производитель промышленного товара, получая

---

[1]) „Теория кредита“, стр. 230. Другие места этой книги позволяют думать, что приведенная нами фраза просто неудачно сформулирована проф. Трахтенбергом, что он стоит на другой точке зрения. Однако, мы позволили себе ее привести, так как она характеризует весьма распространенный взгляд на сей предмет.

банкноту, использует ее для выдачи заработной платы рабочему или для покупки сельскохозяйственного сырья у крестьянина. Последние используют ее для реализации своего дохода и покупают у розничного торговца средства потребления. Розничный торговец ею платит по векселю, выставленному на него оптовым торговцем. Оптовый торговец в свою очередь вносит ее в погашение долга банку или, если у него задолженности нет, вносит ее в банк на текущий счет. Следовательно, одна и та же банкнота обслуживает как реализацию доходов, так и движение капиталов. Банкнота переходит свободно из одной области в другую. В обоих случаях банкнота выполняет либо функцию орудия обращения, либо—платежного средства. Однако, потребность в банкнотах для одной и другой цели (реализации доходов и движения капиталов) не изменяется параллельно, а скорее наоборот, когда растет потребность в банкнотах для одной цели, падает потребность в них для другой цели.

«В периоды расцвета, говорит Маркс [1]), количество средств обращения, служащих для расходования доходов, решительно возрастает. Что касается обращения, необходимого для передачи капитала, следовательно только между самими капиталистами, то время бойких дел является вместе с тем и периодом самого эластичного и легкого кредита. Быстрота обращения между капиталистом и капиталистом непосредственно регулируется кредитом, и масса средств обращения, требующихся для покрытия платежей и даже для покупок за наличный расчет, сравнительно, сокращается... В период кризисов отношение становится обратным. Обращение I сокращается, цены падают, и заработная плата, число занятых рабочих сокращается, масса оборотов уменьшается. Напротив в обращении II с сокращением кредита увеличивается потребность в денежных ссудах... Оба периода различаются, прежде всего, тем, что в период расцвета преобладает спрос на средства обращения между потребителями и торговцами, в период угнетения—спрос на средства обращения между капиталистами. В период застоя в делах первой спрос сокращается, второй—усиливается».

Капиталисты обращаются в банк с возросшими требованиями на платежные средства как-раз в такие периоды, когда коммерческий кредит сокращается. Эта возросшая потребность в платежных средствах для переноса капитала может быть в известной обстановке компенсирована сокращением потребности в деньгах в сфере реализации доходов. Следовательно, расширение эмиссии даже при учете банком только безусловно товарных векселей и при исключении из реестров повторных векселей, возникших в результате последовательной реализации товара

---

[1]) Капитал, т. III, стр. 433, 434—436.

в различных ступенях торговли, не гарантирует от инфляции платежных средств.

Сама по себе вексельная база эмиссии банкнот еще не достаточна, для того, чтобы исключить возможность инфляции. Поэтому, эмиссионные банки, обычно, не учитывают механически всех пред'являемых им векселей, а подчиняют свои кредитные операции определенной политике, базирующейся на изучении ряда кон'юнктурных показателей.

Инфляция платежных средств эмиссионного банка при отсутствии автоматического регулятора банкнотной эмиссии—размена на золото— и впредь, до принятия банком мероприятий для приведения массы денежных знаков в соответствие с потребностью оборота, приводит к тем же результатам, что и чрезмерная эмиссия бумажных денег. Банкнота и бумажные деньги являются знаками ценности и на них в равной степени распространяются законы ценности последних. Разница заключается лишь в возможностях приведения количества знаков в соответствие с потребностью товарооборота. В то время как бумажные деньги не имеют кругового обращения и не возвращаются обязательно к эмитенту—государственному казначейству,—банкнота периодически возвращается в банк либо в погашение задолженности, либо на текущие счета (а разменная банкнота, кроме того, в порядке пред'явления к размену). Если часть бумажных денег иногда и возвращается в казначейство в уплату налогов и т. п., то они не могут быть из'яты окончательно из обращения, коль скоро отсутствует превышение доходов в бюджете над расходами. У банка никаких собственных нужд, которые делали бы неизбежной эмиссию банкнот, нет. Он свободнее может сокращать выпуск банкнот и тем самым регулировать количество банкнот в обращении в соответствии с потребностью оборота.

Выводы.

1) Банкнота возникает в товарно-капиталистическом обществе. Ее задача заключается в разрешении противоречия товарно-кредитной сделки и денег, как платежного средства.

2) Природа банкноты двойственна. Базой возникновения ее являются кредитные отношения, функционирует она, как деньги. В ней овеществлена способность банка создавать денежные знаки и фиктивный ссудный капитал.

3) Размен банкнот на металл не связан с природой банкноты, как таковой, т.-е. с овеществленными в ней общественными отношениями.

Теория денег Рикардо.

Как это ни странно, в русской оригинальной литературе до сего времени появилась только одна специальная работа, посвященная теории денег Рикардо. Эта работа вышла еще в 1871 году и принадлежит она И. Патлаевскому («Теория денежного обращения Рикардо и его последователей»).

Автор ее незнаком с работами Маркса, работа лишена марксистского метода и поэтому не может нас удовлетворить.

Что же касается общих работ о Рикардо (Н. И. Зибер—«Рикардо и Маркс», И. И. Рубин—«История экономической мысли», В. Р. Чернышев—«Рикардо и Маркс», И. Розенберг—«Теория стоимости у Рикардо и Маркса» и др.), то они выясняют место и значение Д. Рикардо в развитие политической экономии вообще, обходя почти вовсе вопросы теории денег Рикардо.

И специальные работы по теории денег уделяют Рикардо внимание, значительно меньшее того, которое он, по нашему мнению, заслуживает.

Интерес, проявляемый в настоящее время к классикам, в особенности к Рикардо, побуждает нас посвятить в данной работе ему отдельный очерк.

Мы отдаем себе отчет в трудности уложить в один небольшой очерк хотя бы основные положения теории Рикардо и их критическое освещение. Трудность эта усугубляется еще тем, что хотя Рикардо много писал и говорил по вопросу о деньгах, он, к сожалению, не дал связного, систематического изложения своей теории денег, как это сделано им в других областях теоретической экономии. Нам придется, поэтому, предварительно сгруппировать основные положения теории денег Рикардо по известной системе. Так как в литературе сплошь и рядом приписывают Рикардо несвойственные ему взгляды, мы вынуждены настоящий очерк обильно снабдить цитатами, хотя при этом мы и сознаем, что его воспринимаемость несколько понизится.

В работах Рикардо нет обоснованного, подробно развитого взгляда на сущность денег. «Продукты всегда, говорит он, покупаются за про-

дукты, деньги только служат средством, при помощи которого совершается обмен» [1]). Такая неправильная формулировка сущности денег не мешает, однако, Рикардо ставить вопрос об отдельных функциях денег, в частности, о функции мерила ценности. «Я одного мнения с таким замечательным писателем, как Дестют де Траси, который говорит, что «измерить какую-нибудь вещь, значит сравнить ее с определенным количеством той вещи, которую мы принимаем за масштаб сравнения, за единицу. Следовательно, чтобы измерить известную длину, вес, ценность, необходимо найти сколько в них метров, граммов, франков, одним словом, *единиц той же категории.* Франк был бы мерилом ценности не для всякого предмета, а только для количеств того металла, из которого сделан франк, если бы франк и предмет, подлежащий измерению, не могли быть оба сравнимы с другой мерой, общей для них обоих. Таковая, по моему мнению, существует, так как оба они являются результатом труда, следовательно, труд есть общая мера, с помощью которого могут быть определены как действительная, так и относительная их ценность» [2]). В этой фразе Рикардо имеется уже зародыш правильного понимания мерила ценности, однако, мы не находим у Рикардо об'яснения, почему при наличии имманентного мерила ценностей, каким является труд, необходимо в товарно-капиталистическом обществе внешнее, вещное мерило ценностей—деньги.

Рикардо понимает, что товар, служащий деньгами, не является идеальным мерилом ценности. «Так как товары меняются в относительной ценности, то желательно было бы иметь, говорит он, способ для определения того, какие товары поднялись и какие понизились в действительной ценности. Это возможно сделать только сравнением каждого из них с каким-нибудь неизменным масштабом ценности, который не подвергался бы сам ни одному из тех колебаний, каким подвержены другие товары. Такую меру невозможно иметь, потому что нет товара, ценность которого не подвергалась тем же изменениям, как и вещи, ценность которых должна быть измерена, т.-е. нет ни одного товара, который не требовал бы то больше, то меньше труда для своего производства [3]).

Тем не менее драгоценные металлы были выдвинуты оборотом для выполнения функций денег, так как «хотя они несомненно представляют изменчивую меру ценности, но нет вероятно товара, подверженного меньшим изменениям. Это и другие преимущества, которыми обладают драгоценные металлы, как то: плотность, ковкость, делимость и многие

---

1) Д. Рикардо—„Принципы полит. экономии", перевод Чернышева, стр. 176, изд. „Прибой" 1924 г.

2) Там же, стр. 107.

3) Там же, стр. 90.

другие обеспечили за ними, по справедливости, предпочтение в качестве денежного масштаба в цивилизованных странах» [1]).

Чем же определяется ценность металлов?

По этому вопросу мы находим у Рикардо следующий недвусмысленный ответ: «Ценность золота и серебра, точно так же, как и ценность всех других товаров, определяется количеством труда, необходимого для их производства и доставки на рынок. Золото почти в 15 раз дороже серебра не потому, что на него существует больший спрос, не потому что предложение серебра в 15 раз больше, чем предложение золота, но потому, что на производство определенного количества золота требуется в 15 раз больше труда, чем на производство серебра» [2]).

Так как мы придаем выяснению взгляда Рикардо на ценность драгоценных металлов особое значение, мы позволим себе привести еще несколько выдержек.

«Ценность золота и серебра, говорит Рикардо в другом месте, подвержена без сомнения колебаниям вследствие открытия новых более богатых рудников, но такие открытия редки, и их действие, хотя и могущественное, ограничено периодами сравнительно короткой продолжительности» [3]).

И дальше: «Если я нашел, что унция золота будет обмениваться на меньшее количество перечисленных выше товаров и многих других, если сверх того я нашел, что вследствие открытия новых *и более богатых* рудников или вследствие применения с большой выгодой машин можно получить данное количество золота с меньшим количеством труда, я вправе буду сказать, что причиной изменения ценности относительно других товаров была бы большая легкость его производства или уменьшение количества труда, необходимого для его добычи» [4]).

«Как и при всяких других товарах, возможны усовершенствования, которые могли бы сократить труд добывания золота, а, следовательно, оно могло бы упасть в ценности по отношению к другим товарам *только вследствие большой легкости его производства*» [5]).

«Золото и серебро, подобно другим товарам, имеют внутреннюю ценность, которая не носит произвольного характера, но зависит от их редкости, от количества затраченного на их добычу труда и от ценности капитала, употребляемого в рудниках на их производство» [6]).

---

[1]) Там же, стр. 125.

[2]) Д. Рикардо, собр. соч. т. I. Начала полит. экономии, перев. Н. Рязанова, стр. 238, издание 1910 г.

[3]) Принципы полит. экономии, перев. Чернышева, стр. 73.

[4]) Там же, стр. 75.

[5]) Там же, стр. 91.

[6]) Д. Рикардо. Памфлеты, стр. 103. Изд. „Московский Рабочий“ 1928 г.

Слово «редкость» в этой последней фразе нельзя рассматривать как самостоятельной «количественный» фактор, определяющий непосредственно ценность металлов. Редкость или обилие лишь определяет количество труда, необходимого для добывания единицы золота. «Редкость» золота в этом смысле ничем не отличается от редкости дичи в лесу или рыбы в реке. Когда в лесу дичи и в реке рыбы много, охотнику и рыболову соответственно нужно затратить на ловлю меньшее количество труда, чем в том случае, когда их меньше. Редкость или обилие делают труд менее или более производительным, но ценность товара создается трудом и только трудом. Рикардо, повидимому, сам осознал, что нельзя ставить редкость в качестве фактора, определяющего ценность на ряду с трудом. Этим, вероятно, и об'ясняется то, что при последующем использовании памфлета «Высокая цена слитков», в качестве главы «Начала полит. экономии», слово «редкость» было им исключено.

Переходя к ценности монеты Рикардо говорит:

«Золото в слитках имеет всегда приблизительно такую же ценность как и золото в монете» [1]). «Никакой спрос на слитки золота, от какой бы причины он не происходил, не может повысить цены этого товара, выраженной в золотой монете... Каков бы ни был спрос на золото в слитках одна унция этого золота не может иметь большей ценности, чем одна унция золота в монете» [2]). Как же Рикардо представлял себе механизм, при посредстве которого ценность монеты уравнивается с ценностью металла. «Если в какой-либо стране, говорит Рикардо, благодаря росту ее богатства и промышленности увеличится число сделок и если при этом останется неизменной ценность металла в слитках и экономия в употреблении денег, то благодаря усиленному употреблению денег подымется их ценность и будет стоять выше слитков... за унцию золота в слитках будут давать в чеканной монете вместо 3 ф. 17 шилл. 10½ пенсов только 3 ф. 15 шилл., поэтому всякий, кто отнесет на монетный двор для перечеканки унцию золота может получить прибыль. Однако, длительно такое получение прибыли не может иметь места... скоро будет восстановлено равенство в их ценности» [3]).

Особый интерес для нас представляют взгляды Рикардо на количество денег. «Количество денег, которое может быть употребляемо в стране, говорит он, определяется их ценностью; если бы употреблялось одно золото как средство обращения товаров, то количество, которое потребовалось бы для этой цели, было бы в 15 раз меньше того количества

---

[1]) Памфлеты, стр. 106, издание „Московский Рабочий“ 1928 г.
[2]) Там же, стр. 109.
[3]) Там же, стр. 246—247.

серебра, которое потребовалось бы, если бы серебро было единственным средством обращения»[1]).

Если бы ценность золота удвоилась, то половинное количество его могло бы выполнять ту же службу в обращении, а если бы ценность его уменьшилась, то для выполнения его требовалось бы двойное количество золота» [2]).

«Если торговля страны возрастает,... то такая страна будет нуждаться в добавочном количестве денег» [3]).

«Количество металла, употребляемого в качестве денег для совершения платежей в какой-нибудь стране, пользующейся металлическими деньгами,... зависит от трех обстоятельств: во-первых, от ценности металла, во-вторых, от суммы или от ценности подлежащих совершению платежей и в-третьих, от степени экономии, реализуемой при совершении этих платежей» [4]).

Когда правительство начинает портить монету, то-есть изменять масштаб цен путем сохранения прежнего наименования за монетой с меньшим содержанием металла, ценность монеты по мнению Рикардо соответственно понизится. Это понижение ценности монеты проявится в повышении цен товаров. «Пропорционально степени порчи монеты цена всякого товара, на который монета обменивается, не исключая золотых и серебряных слитков, номинально повышается» [5]). Но такое явление не всегда будет иметь место. «Монета, читаем мы далее, не содержит в себе теперь такого же количества, какое она содержала в царствование короля Вильгельма. Но эта порча монеты не оказала, однако, в период предшествовавший 1798 г. такого же действия, какое она произвела в предыдущем случае»[6]). Наши серебряные монеты идут теперь по ценности выше ценности содержащегося в них металла, так как несмотря на прибыль, получаемую фальшивомонетчиками, количество серебряных денег еще не достигло такого изобилия, которое могло бы отразиться на их ценности [7]). «Путем ограничения количества, стертая монета может обращаться по ценности, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по той ценности, которую она действительно содержит» [8]).

---

[1]) Начала полит. экономии, перев. Рязанова, стр. 238.
[2]) Начала полит. экономии, перев. Рязанова, стр. 122.
[3]) Памфлеты, стр. 228.
[4]) Памфлеты, стр. 246.
[5]) Памфлеты, стр. 116.
[6]) Памфлеты, стр. 116.
[7]) Там же, стр. 124.
[8]) Начала политич. экономии, перевод Рязанова, стр. 239.

Почему же в одном случае порча монеты сопровождалась падением ценности денег, а в другом случае нет? Ответ, который дает на этот вопрос Рикардо, совершенно правилен. В первом случае порча монет сопровождалась обильным выпуском их в обращение, они не являлись в обороте заместителями, представителями полноценной монеты. Во втором же случае чеканка серебряных монет была закрыта, выпуск монет и их платежная сила ограничены и серебряная монета превратилась в символ золотой, поэтому и ее ценность в обращении не определялась ценностью металла, в ней заключенного.

Таким образом, при закрытой чеканке ценность монеты может быть, по Рикардо, выше ценности металла, в ней заключенного, при том условии, если количество монет с пониженным металлическим содержанием, выпущенных в обращение, не будет в изобилии, т.-е. повидимому не будет превышать количества потребных для оборота полноценных монет.

Порча монеты, доведенная до своего логического конца, привела к появлению бумажных денег. Теория денег должна ответить на вопрос о функциях и ценности бумажных денег.

«Бумажное обращение какой-либо страны, говорит Рикардо, представляет ценность определенного количества золотых слитков... действительное количество золота, представляемое деньгами при одинаковых условиях торговли и платежей неизменно остается тем же самым»[1]).

«Наши бумажные деньги необходимо ограничиваются пределами одного только нашего обращения. Всякое увеличение их количества понижает их ценность ниже ценности золотых и серебряных слитков, а также ниже ценности денег других стран»[2]). «Когда мы говорим, что цена золота высока, то мы ошибаемся: изменилась ценность бумажных денег, а не золота»[3]).

Таким образом, по мнению Рикардо, бумажные деньги не имеют самостоятельной ценности, они являются знаками ценности золота, ими замещаемого в обращении.

Выполняют ли бумажные деньги функцию мерила ценности? Этот вопрос ставит себе сам Рикардо в следующих выражениях: «Мне необходимо будет показать, каково то постоянное мерило ценности, представителем которого должны являться бумажные деньги, так как определить их нормальное состояние возможно только путем сравнения с этим постоянным мерилом ценности»[4]).

---

1) Памфлеты стр. 213.
2) Там же, стр. 122.
3) Там же, стр. 123.
4) Там же, стр. 112.

Из целого ряда мест в сочинениях Рикардо можно сделать тот бесспорный вывод, что при бумажно-денежном обращении Рикардо считал, что мерилом ценности остается металл.

«Не существует способа, при помощи которого можно было бы поддерживать ценность денег на абсолютно устойчивом уровне, ибо она всегда будет испытывать те же колебания, которые испытывает ценность того товара, который мы приняли за мерило. Поскольку мерилом, лежащим в основе нашего денежного обращения, остаются благородные металлы, постольку деньги неизбежно будут подвергаться тем же колебаниям ценности, что и эти металлы» [1]).

Насколько Рикардо далек был даже в вопросе о ценности бумажных денег от номинализма, к которому неизбежно скатывается количественная теория, видно из следующего места памфлетов.

«Мысль о денежном обращении без определенной основы была, я полагаю, выдвинута Джемсом Стюартом, но никто еще не мог указать критерия, на основании которого мы были бы в состоянии судить об устойчивости денег, созданных таким путем... Правда, говорилось, что мы должны судить о ценности денег по их отношению не к отдельному товару, а ко всей массе их. Если бы даже согласиться—хотя это невозможно—с предположением, что эмитенты бумажных денег захотели бы регулировать их количество на основе этого критерия, то у них не было бы способа для осуществления этого..., невозможно установить, возросла ли ценность какого-нибудь товара или уменьшилась ценность другого... Предположение о возможности практического применения этого критерия вытекает из непонимания разницы между ценой и ценностью. Цена товара есть его меновая ценность, выраженная только в деньгах. Ценность (относительная Б. Б.) товара измеряется количеством всех прочих вещей, на которые он обменивается. Цена товара может подниматься одновременно с понижением его ценности, и наоборот. Нет ничего легче, как установить изменение цен и нет ничего труднее, как установить изменение ценности...

Сторонники абстрактного (т.-е. номинального, не связанного с металлом Б. Б.) орудия обращения вместо того, чтобы приписать хотя бы отчасти это повышение (цен Б. Б.) падению ценности бумажных денег, постоянно находили другие благовидные причины изменения цен... Аргументация, действительно, надежная, ибо она не может быть опровергнута. Если два товара изменяются в своей относительной ценности, то невозможно с достоверностью сказать, поднялся ли один из них или упал другой, так что если мы примем денежную систему без лежащего

---

[1]) Там же, стр. 245.

в ее основе мерила, то нет такого предела обесценения, до которого деньги не могли бы упасть. Обесценение не может быть доказано, ибо всегда можно утверждать что не деньги упали, а товары поднялись в цене» [1]).

Взгляды Рикардо на банкноты характеризуются следующими цитатами: «Банкнота имеет не более внутренней ценности, чем тот клочок бумаги, на котором она отпечатана» [2]). «Банк заменяет наиболее дорого стоящие средства обращения не имеющими никакой ценности и дает нам возможность превратить драгоценные металлы в капитал, который приносит доход» [3]). Банк может продолжать выпуск своих банкнот, а металл может с выгодой вывозиться из страны пока банкноты остаются разменными на металл, так как банк никогда не мог бы выпустить банкнот более, чем на ценность монеты, которая обращалась бы в стране, при отсутствии банка. Если бы банк пытался превзойти это количество, то излишек банкнот немедленно возвратился бы к нему для размена на металл» [4]).

При восстановлении размена банкнот на металл «количество средств обращения было бы приспособлено к потребности торговли с наибольшей точностью и если бы банк оказался столь неосторожным, что переполнил бы банкнотами обращение, то средство противодействия этому, находящееся в руках публики, быстро показало бы ему его ошибку. Средства обращения не подвергались бы никогда порче и обладали бы столь же неизменной ценностью, как само золото» [5]).

«Освободив банк от платежа монетой, парламент дал директорам банка возможность произвольно увеличивать или уменьшать количество и сумму банкнот, и так как существовавший прежде тормоз против лишних выпусков был вследствие этого устранен, то директоры банка приобрели власть увеличивать. и уменьшать ценность бумажных денег» [6]). «Так как в настоящее время парламентским актом уничтожены все препятствия к новым эмиссиям со стороны банка, который освобожден от размена своих банкнот на монету, то опасения за благополучие своего учреждения не заставляют больше банк ограничивать количество своих банкнот той суммой, при которой они сохраняли бы ценность представляемой ими монеты» [7]).

---

1) Памфлеты, стр. 249—251.
2) Памфлеты, стр. 212.
3) Памфлеты, стр. 105.
4) Памфлеты, стр. 107.
5) Памфлеты, стр. 159.
6) Памфлеты, стр. 119.
7) Памфлеты, стр. 121.

Рикардо отдает себе отчет в том, что не всякое увеличение количества неразменных банкнот в обращении влечет за собою увеличение денежной массы, так как часть банкнот идет на замещение уходящей из обращения металлической монеты. «Увеличение количества мелких банкнот, таким образом, в конце концов оказывается заменой одних средств обращения другими (металлических—бумажными), и оно не будет вызывать тех же последствий, как действительное и постоянное увеличение средств обращения» [1]). На ценность банкноты влияет только излишек банкнот, выпущенных сверх того количества, которое выпущено в замену одноименной металлической монеты, потребной при данных условиях для обращения. «Если бы банк был освобожден от размена банкнот и вся монета оказалась вывезенною, то всякий излишек банкнот уменьшал бы ценность средств обращения пропорционально этому излишку» [2]).

Рикардо понимает разницу между выпуском неразменных банкнот в порядке обычных учетно-ссудных операций банка и в порядке ссуды их правительству, превращающему банкноты в бумажные деньги.

«Если бы ссуды правительству были более ограничены, если бы то же самое количество банкнот было выпущено в публику посредством учета, то по всей вероятности, директоры банка могли бы продолжать свои платежи, пока не улеглась бы тревога. Так как должники банка были бы обязаны уплатить свои долги по истечении шестидесяти дней, то директоры имели бы в это время возможность, если бы это оказалось необходимым, извлечь свои банкноты из обращения» [3]).

Какой же критерий должен быть принят банком за основу его эмиссионной политики при выпуске в обращение неразменных банкнот? Рикардо великолепно выясняет недостаточность проверки качества торговых векселей, учитываемых банком, и рекомендует иной критерий—наблюдение за состоянием ценности золота и интервалютного курса. «Отказ учитывать какие-либо векселя, кроме тех, которые основаны на сделках bona fide имел бы весьма мало значения для ограничения обращения, так как если бы даже директоры банка имели возможность распознавать такие векселя, которые никоим образом нельзя допустить к учету, в обращение все же могло бы поступить количество бумажных денег (неразменных банкнот Б. Б.), превышающее если не потребность торговли, то то количество, которое могло бы остаться в обращении, не подвергаясь обесценению. Хорошо известно, что одна и та же 1 тыс. фунтов может урегулировать 20, bona fide, сделок за один день..., для ликвидации расчетов по каждой из них мог бы быть выписан соответствующий

[1]) Памфлеты, стр. 149.
[2]) Памфлеты, стр. 141.
[3]) Памфлеты, стр. 137.

вексель, так что вместо 1 тыс. ф., достаточных для урегулирования всех этих сделок, в обращение поступило бы 20 тыс. ф.»[1]).

Отметим, наконец, что Рикардо сознавал полную независимость ценности неразменных банкнот от размеров металлического фонда, которым обладает эмиссионный институт. «Обесценение денег может быть вызвано одним только обилием бумажных знаков, как бы ни велики были фонды тех, кто выпускает их»[2]).

После того, как мы изложили систему взглядов Рикардо на ценность разменной и неразменной банкноты, мы постараемся об'яснить одну фразу Рикардо, обычно неправильно толкуемую.

«Если бы вместо открытия рудника, читаем мы в памфлете «Высокая цена слитков», в какой-либо стране был организован банк, подобный Английскому Банку, с правом выпуска своих банкнот в качестве средств обращения, то после большого выпуска их путем ли ссуды торговцам или авансов правительству, что значительно увеличило бы сумму средств обращения,—наступили бы те же самые последствия, как и в случаях открытия рудника. Средства обращения понизились бы в ценности, а ценность товаров пропорционально повысилась бы»[3]).

Мы уже раньше показали, что под открытием рудника Рикардо всегда понимал открытие более богатого рудника, т.-е. такого, который ведет к уменьшению количества труда, необходимого для добычи единицы металла. Увеличению количества обращения золотых монет и понижению их относительной ценности предшествует понижение абсолютной ценности металла. Когда может упасть ценность банкнот в обращении при стабильной ценности металла, на который банкнота выписана? Из всего предыдущего изложения взглядов Рикардо следует, что это может иметь место только при выпуске их в чрезмерном количестве в период прекращения их размена на металл. Так и следует понимать данную анализируемую фразу. Речь идет у Рикардо о банке, подобном Английскому Банку, а памфлет «Высокая цена слитков» был написан в 1809 году, т.-е., когда банкноты Английского банка были неразменными. Мы знаем, что, по мнению Рикардо, при разменности банкнот не может иметь место «большой выпуск» и «значительное увеличение суммы средств обращения».

Мы можем этим закончить изложение взглядов Рикардо, что же касается его теории интервалютных курсов, то мы вернемся к ней в специальном очерке, посвященном этой проблеме.

---

[1]) Памфлеты, стр. 210.
[2]) Памфлеты, стр. 206.
[3]) Памфлеты, стр. 105.

К. Маркс, уделивший в своих работах Рикардо большое внимание, не мог обойти его теорию денег. Анализу и критике теории денег Рикардо Маркс посвятил много блестящих страниц: «К критике политической экономии», «Капитала», и «Теории прибавочной ценности». Особенно беспощадной критике подверг Маркс взгляды Рикардо на сущность и природу денег.

«Рикардо нигде, говорит Маркс, не исследовал сущности денег самих по себе, как он сделал относительно вопросов о меновой ценности, прибыли, ренте и т. д.» [1]).

«Продукты, говорит Рикардо вслед за Сэем, всегда покупаются на продукты или приобретаются за услуги; деньги являются только средством, с помощью которого совершается обмен». «Здесь, читаем мы у Маркса, следовательно, во-первых, товар, в котором имеется противоположность меновой и потребительной ценности, превращается просто в продукт (потребительную ценность), а потому и обмен товаров превращается просто в меновую торговлю продуктами, только потребительными ценностями... Деньги тогда вполне последовательно рассматриваются так же, как простое орудие обмена продуктов, а не как существенная и необходимая форма существования товара, который должен быть представлен в виде меновой ценности—среднего общественного труда. Так как превращением товара только в потребительную ценность (продукт) устраняется сущность меновой ценности, то легко также или, вернее, необходимо также отрицать деньги, как существенную форму товара, которая в процессе метаморфозы является самостоятельной по отношению к первоначальной форме товара»... «Но это ошибочное понимание денег основано у Рикардо на том, что он вообще имеет в виду лишь количественное определение меновой ценности, именно, что она равна определенному количеству рабочего времени, но он забывает качественное определение, что индивидуальный труд должен путем своего отчуждения быть представлен в виде абстрактного, всеобщего общественного труда... К тому, что Рикардо видит в деньгах только средство обращения, мы должны относиться так же, как к тому, что в меновой ценности он видит лишь простую форму, вообще лишь формальное в буржуазном или капиталистическом производстве, поэтому это последнее представляет также для него не специфически определенный способ производства, а способ производства вообще» [2]).

Корни непонимания Рикардо сущности и природы денег по мнению Маркса находятся в его недостаточной теории ценности. «Чего Рикардо

---

[1]) К. Маркс. „К критике политической экономии", стр. 157.

[2]) К. Маркс. „Теории прибавочной ценности", том II, стр. 173—175.

не исследует, говорит Маркс в третьем томе «Теории прибавочной ценности»,—это особая форма, в которой представлен труд, как единство товаров... Поэтому он не понимает денег. Поэтому у него превращение товаров в деньги является чем-то формальным только, не проникающим далеко вглубь капиталистического производства... Он не понял специфической формы, в которой труд есть элемент ценности, именно, не понял, что отдельный труд должен быть представлен, как абстрактно всеобщий, и в этом виде, как общественный труд. Связи возникновения денег с сущностью ценности и с определением этой ценности рабочим временем он не понял» [1]. «Ошибка Рикардо заключается в том, что он исследует только величину ценности, поэтому он интересуется только относительным количеством труда, которое представляют различные товары, которое они содержат в себе, как ценности в воплощенном виде. Но заключенный в них труд должен быть представлен как общественный труд, как отчужденный, индивидуальный труд. В цене это представлено идеально. Реализуется это лишь в продаже. Это превращение всех видов заключенного в товаре труда отдельных индивидуумов в одинаковый общественный труд, который поэтому может быть предоставлен во всех потребительных ценностях, может быть обменен на любую из них: эта качественная сторона дела, которая содержится в выражении меновой ценности, в деньгах, у Рикардо не развита. Это обстоятельство—необходимость представить заключенный в них труд одинаковым общественным трудом, то-есть в деньгах—Рикардо упускает из виду» [2].

Приведенные указания Маркса характеризуют не только ошибки Рикардо в вопросе о сущности денег, но одновременно облегчают понимание взглядов самого Маркса. К ошибкам Рикардо в этой проблеме Маркс многократно возвращается в различной связи, однако, мы не будем больше приводить выписок, интересующимся же этим вопросом рекомендуем обратить внимание на стр. 9, 16 и 44 второго тома, части I «Теории прибавочной ценности», на стр. 15, 49 и 50 первого тома «Капитала» и на письмо Маркса Энгельсу от 22 июня 1867 г.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в вопросе о сущности денег, их генезисе, Маркс не имеет предшественника. Заслуга выведения необходимости денег из внутренних противоречий товара целиком принадлежит Марксу и только ему. Поэтому совершенно прав И. Розенберг, когда говорит, что «для Рикардо деньги—первые среди равных, такое же благо, как все другие. Они суть и остаются товаром... Роль посредника, которую деньги играют в меновом процессе товаров, имеет лишь практическое значение, при посредстве денег упрощается процесс обмена

---

[1]) К. Маркс. „Теории прибавочной ценности", стр. том III, 117—118.
[2]) К. Маркс. „Теории прибавочной ценности", том III, стр. 111.

товара... Между Рикардо и Марксом в относящемся к этому вопросу анализе дистанция огромного размера» [1]).

Это различное понимание сущности денег Рикардо и Марксом и является основным отличием их теорий денег. Все же прочие расхождения, хотя и имеют существенное значение, но не столь важное, как различное понимание ими сущности денег. Тем не менее мы проанализируем и эти расхождения.

Обычно считают, что в вопросе ценности денег Рикардо придерживался механической количественной теории. Так, напр., проф. Мануйлов говорит: «Рикардо в свое время выдвинул учение, которое носит название количественной теории. Сущность ее заключается в том, что ценность денег, их покупательная сила определяется их количеством и его отношением к той сумме товаров, которые при помощи денег передвигаются в меновом обороте» [2]). Нам представляется, что такое толкование взглядов Рикардо ошибочно. Мы привели достаточное количество выдержек из работ Рикардо, из которых было видно, что, во-первых, он признает, что ценность металлических денег при свободной чеканке определяется ценностью металла, из которого они изготовлены, а ценность последнего определяется количеством труда, необходимого для его производства, и, во-вторых, что количество денег, находящихся в обращении, определяется потребностью оборота и зависит от ценности денег.

Для доказательства приверженности Рикардо к наивно-механической количественой теории обычно приводят следующую его фразу: «Если бы в какой-либо из этих стран был открыт золотой рудник, то ценность средств обращения этой страны понизилась бы вследствие увеличения количества поступивших в обращение драгоценных металлов» [3]).

Но в этой фразе, повидимому, случайно опущены слова «более богатый» после слова «открыт», во всяком случае во всех других местах, когда речь идет об изменении ценности денег, вследствие изменения добычи золота, Рикардо всегда указывает, что расширение добычи золота является следствием падения его трудовой ценности, а не наоборот. Нельзя брать случайную фразу, неудачно сформулированную, и на ее основе приписывать автору взгляды, противоречащие всей системе его взглядов.

Неверны также утверждения экономистов о том, что теория ценности денег Рикардо противоречит его общей теории ценности. Так И. Патлаевский пишет: «Легко заметить, что учение Рикардо о ценности драго-

---

[1]) И. Розенберг. „Теория стоимости у Рикардо и Маркса". Изд. „Московский Рабочий", 1924 г., стр. 180—182.

[2]) А. А. Мануйлов. „Учение о деньгах", изд. 1918 г.. стр. 151.

[3]) Памфлеты, стр. 104.

ценных металлов является отступлением не только от учения Смитовой школы, но даже от учения самого Рикардо об общих законах ценности. Рикардо говорит сначала, что драгоценные металлы, как и всякий другой товар, имеют самостоятельную естественную ценность, сообразно количеству труда, употребленному на их производство... С другой стороны, по теории Рикардо, драгоценные металлы только и ценны потому, что существует потребность рынка в орудиях обращения, а потому, следовательно, независимо от труда, употребленного на производство металлов, а также независимо от спроса на металлы для подделок и сбережения, ценность их равняется потребностям рынка в данный момент в орудиях обращения» и дальше: «Ее (теорию денег Рикардо Б. Б.) нельзя ввести в общую систему науки политической экономии и приходится иметь две теории ценности—одну для всех товаров, а другую исключительно для денег» [1]).

Поскольку мы показали, что ценность металлических денег, как и всех других товаров, определяется Рикардо количеством труда, необходимого для их производства, а количество денег в обращении им трактуется, как производный фактор, не приходится говорить о противоречии, в которое якобы впадает Рикардо, конструируя ценность денег, со своей собственной теорией ценности. Ошибок Рикардо надо искать в другой области. Во-первых, он привлекает количественный момент на сторону денег, когда об'ясняет механизм изменения уровня товарных цен, в связи с изменением в условиях добычи золота. Во-вторых, когда он об'ясняет практическую невозможность длительного отклонения ценности монеты при свободе чеканки от ценности металла в ней заключенного, он строит самое доказательство на признании теоретической возможности такого отклонения.

Первая ошибка аналогична ошибке Каутского и Бауэра, разобранной нами в очерке «Ценность денег», вторая совпадает с ошибкой проф. Трахтенберга, разобранной нами в очерке «Теория ценности денег проф. Трахтенберга». Поэтому мы не будем повторяться, а отошлем читателя к этим очеркам.

В литературе имеется ряд работ, где признается, что Рикардо не придерживался наивно-механической количественной теории денег в отношении металлических денег, тем не менее в отношении бумажных денег Рикардо якобы придерживался этой теории. Так, напр., проф. Л. Любимов говорит: «Имеется в сущности только один случай об'яснения ценности денег, где Рикардо, действительно держится количественной теории. Это случай неразменных бумажных денег» [2]).

---

[1]) И. Патлаевский. „Теория денежного обращения Д. Рикардо и его последователей", стр. 94.

[2]) Любимов. „Курс полит. экономии", стр. 174.

Мы думаем, что и это утверждение противоречит действительному положению вещей. Можно было бы говорить, что Рикардо стоит на точке зрения количественной теории в вопросе о ценности бумажных денег, если бы он, подобно Гильфердингу, определял ценность бумажных денег, не как символа металлических денег, которых они замещают в обороте, а непосредственно из сопоставления с товарной массой. Мы же видели, что Рикардо стоит на той правильной точке зрения, согласно которой: 1) мерилом ценности при бумажно-денежном обращении остается золото и 2) ценность всей бумажно-денежной массы определяется ценностью массы металлических денег того же наименования, замещаемых ими в обороте.

В этом вопросе Рикардо ближе к Марксу, чем «марксист» Гильфердинг.

Так как наше толкование теории ценности денег Рикардо отличается от общепринятого, мы попытаемся опереться и в этом вопросе на Маркса. Мы постараемся показать, что Маркс видел ошибки Рикардо именно в этой области, которая выше была отграничена ними, и отнюдь не считал его наивным количественником.

«Рикардо, говорит Маркс, определяет ценность золота и серебра так же, как и ценность всех других товаров, количеством рабочего времени овеществленного в них. При помощи их, как товаров с определенной ценностью, измеряется ценность всех других товаров. Следовательно количество орудий обращения определяется ценностью единицы денежной меры, с одной стороны, и суммой меновых ценностей товаров— с другой. Это количество изменяется экономией в способах расплат. Следовательно, так как количество, в котором могут обращаться деньги известной ценности, составляет определенную величину, так как их ценность в сфере обращения проявляется в их количестве, то поэтому простые знаки ценности, будучи выпущены в пропорции, определенной по ценности денег, могут заступить их в обращении, и действительно, обращающиеся деньги находятся в самых совершенных условиях, состоя исключительно из бумаг, которые имеют ту же самую ценность, что и золото, которое они должны представить» [1]). Эти основные положения теории ценности денег Рикардо, сформулированные Марксом, свидетельствуют о том, что Маркс совершенно справедливо считал: 1) что и в отношении ценности золота и серебра — денежных товаров — Рикардо стоял на точке зрения развитой им общей теории трудовой ценности, 2) что количество орудий обращения Рикардо определял их ценностью, а не наоборот, 3) что бумажные деньги по Рикардо являются знаками

---

[1]) „К критике...“, стр. 158—159.

золота и их ценность определяется отношением количества выпущенных бумажных денег к количеству потребных золотых монет того же наименования. Во всех этих вопросах Рикардо является прямым предшественником Маркса, а Маркс последователем Рикардо.

Однако, из этого отнюдь не следует, что Маркс некритически полностью воспринял концепцию Рикардо. Маркс взял у Рикардо здоровое ядро его теории ценности денег и полностью отбросил то, что в различных произведениях Рикардо противоречило его собственной исходной точке зрения. В «К критике политической экономии», Маркс блестяще вскрыл эти последующие ошибки Рикардо.

Взгляды, привнесенные извне и чуждые основным положениям теории Рикардо, Маркс излагает следующим образом: «В данный момент масса обращающегося в стране золота определяется простой меновой ценностью обращающихся товаров. Предположим теперь, что сумма этих меновых ценностей уменьшается... или же обратно: допустим, что сумма меновых ценностей увеличивается... Что же сделается в таком случае с данным количеством обращающегося металла? *Если золото—деньги только потому, что оно обращается, как орудие обращения, если оно принуждено оставаться в обращении...* тогда количество обращающихся денег, в первом случае, будет выше по отношению к меновой ценности металла, во втором—ниже ее нормального уровня. Следовательно, хотя золото одарено собственной ценностью, но в первом случае оно стало бы знаком металла с более низкой ценностью, чем его собственная, во втором—металла с более высокой ценностью... Поэтому в первом случае цены товаров возросли бы, во втором упали. В обоих случаях движение цен товаров, их возвышение или падение, было бы следствием увеличения или уменьшения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной ценности, т.-е. нормального количества, которое определяется отношением между его собственной ценностью и ценностью находящихся в обращении товаров» [1])

В этом Марксовом изложении взглядов Рикардо уже кроется и зародыш выяснения ошибок последнего. Мы подчеркнули слова Маркса «если золото—деньги только потому, что оно обращается, как орудие обращения, если оно принуждено оставаться в обращении». Вся концепция Рикардо о возможности отклонения ценности монет от ценности металла построена на молчаливом признании им этого «если», т.-е., что золото принуждено оставаться в обращении. Он не понимает роли сокровища как механизма, автоматически приводящего количество денег в обращении в соответствие с потребностью оборота без какого-либо

---

[1]) Там же, стр. 159—160.

колебательного движения рыночной ценности золота при стабильной трудовой его ценности. Ошибка Рикардо состоит, как выясняет Маркс, в том, что он распространил на золото действие механизма товарных цен.

Рикардо считает, что когда в результате повышения потребности товарооборота в деньгах возрастает ценность монеты над ценностью металла в нейзаключенного, то при свободе чеканки это будет стимулировать направление золота в слитках на монетный двор для перечеканки. Тем самым предложение денег будет увеличено и ценность их начнет падать. Если все же и после перечеканки наличных золотых запасов ценность монеты будет превышать ценность золота, тогда произойдет перераспределение производительных сил в пользу золотопромышленности. В результате увеличения добычи золота равновесие будет восстановлено и в дальнейшем ценность денег будет соответствовать ценности металла. Ошибочность построения Рикардо сформулирована Марксом следующим образом: «следовало доказать, что цена товаров или ценность золота зависит от количества находящегося в обращении золота. *Доказательство основывается на допущении того, что должно быть еще доказано, именно, что всякое количество благородного металла, который служит деньгами, в каком бы отношении к своей внутренней ценности он ни находился, должен служить орудием обращения, монетой и, таким образом, знаком ценности для находящихся в обращении товаров, знаком, который должен представлять общую сумму их ценностей.* Иначе говоря, доказательство основывается на абстракции всех других формальных предназначений, которые имеют деньги, кроме формы орудия обращения» [1]).

Теорию Рикардо о колебании ценности монет при стабильной ценности золота Маркс называет ничтожной и от нее решительно отказывается. Тем не менее целая группа «марксистов» восприняла эту ошибочную концепцию Рикардо, ни словом не оговариваясь о своем отступлении от Маркса и о возврате к Рикардо.

---

[1]) Там же, стр. 161.

Чековое обращение и безденежные расчеты.

Деньги в своей функции орудия обращения и отчасти платежного средства могут быть заменены знаком ценности. Типичным знаком ценности являются государственные бумажные деньги с принудительным курсом. На ряду с бумажными деньгами оборот создал и другие денежные знаки, не обладающие материальной субстанцией—банкноты и чеки.

Наша задача состоит в том, чтобы выяснить природу чека и его значение.

Участники товарооборота в капиталистическом обществе должны всегда иметь часть своего капитала в денежной форме. Например, на товар переносится часть ценности постоянного капитала. После продажи товара амортизированная часть капитала принимает денежную форму. Однако, капиталист, не может немедленно использовать эти деньги в производственном процессе, он должен их сберегать до того момента, пока они ему не понадобятся для покупки новой машины взамен вышедшей из строя. Другой пример—развитие коммерческого кредита вынуждает участников товарооборота иметь постоянно наготове некую сумму денег для оплаты векселей *). С точки зрения капиталиста деньги в его кассе являются праздным капиталом, непроизводительными издержками. Если в предприятие привлечен ссудный капитал, то за его пользование уплачены проценты. Если даже предприятие работает с собственным капиталом, то, поскольку кредитные отношения являются господствующими, капиталист все равно начисляет на капитал проценты. Поэтому капиталисты, занятые в производстве и торговле, стремятся к тому, чтобы свести капитал в денежной форме в их предприятии к минимуму. На помощь им приходит кредитная система. Банки, заинтересованные в увеличении ресурсов для активных операций, стремятся привлечь к себе как можно больше вкладов. По вкладам они платят проценты. Само собой разумеется, что этот процент ниже ставки, взимаемой банками по активным операциям, так как прибыль кредитного учреждения слагается из разницы процентов по активным и пассивным операциям.

---

*) О других случаях образования свободного денежного капитала см. „Капитал" т. III, ч. 2, стр. 44—45, а также у Р. Гильфердинга—„Финансовый Капитал", стр. 58—68, изд. Гиз 1922 г.

Помещение временно свободного капитала в банк в форме депозита дает капиталисту доход, который уменьшает непроизводительные издержки предприятия. Вместе с тем для класса капиталистов в целом размеры праздно лежащего денежного капитала сокращаются, так как банки, благодаря притоку вкладов, увеличивают кредитование торговли и промышленности. Когда хранение денежных средств в банках становится обычным явлением, денежные резервы класса капиталистов сводятся к суммам, составляющим кассу банков.

Однако, функционирующие капиталисты могут вносить на текущие счета в кредитные учреждения временно свободные денежные средства лишь в том случае, если банк в любой момент выдаст им или их приказу необходимые суммы денег. Банки принимают не только срочные вклады, но и бессрочные. По последним банк берет на себя обязательство немедленно по требованию вкладчика выдавать ему или третьему лицу, пред'явителю его приказа, деньги в пределах суммы текущего счета. Приказы, которые выписывает владелец текущего счета банку, и называются чеками.

Депозит является результатом кредитного отношения между вкладчиком и банком. Владелец текущего счета ссудил банку известную сумму денег. Но в то же время депозит является потенциальными деньгами, кассой вкладчика. Он может им распоряжаться при помощи чеков как наличными деньгами, как своей кассой. В тот момент, когда чек пред'является банку и в той или другой форме им оплачивается, кредитное отношение между вкладчиком и банком ликвидируется, а потенциальные деньги превращаются для вкладчика в действительные.

Владелец текущего счета может, выписав чек, сам пред'явить его банку к платежу, но он может также передать его продавцу, у которого он покупает товар, или своему кредитору (само собою разумеется, что получатель чека волен отказаться в приеме чека, но в кругу лиц, связанных постоянными отношениями, чеки обычно принимаются). Последние могут, в свою очередь, пред'явить чек банку для оплаты наличными деньгами, но они могут также распорядиться банку перечислить указанную в чеке сумму на их текущий счет. В этом последнем случае чек окончательно выполняет функцию орудия обращения или платежного средства и исключает необходимость участия денег. Платеж одного вкладчика банка другому производится путем бухгалтерской записи (зачета) в банке. Деньги не принимают участия в платеже. Касса банка остается без изменения, точно так же не изменяется общая сумма вкладов, лишь обязательство банка по отношению к одному клиенту ликвидируется, но взамен его возникает новое обязательство банка в той же сумме пред другим клиентом. Право выписывать чеки основано на кредитном отно-

шении между банком и вкладчиком, поэтому по своему возникновению чек является кредитным документом, функционирует же чек не как кредитный документ, например, вексель, а как наличные деньги. Между лицом, выписывающим чек и лицом, принимающим чек, не возникает никакого особого кредитного отношения. Коль скоро банк принимает чек к платежу или зачету, платеж окончательно совершен. Поэтому можно сказать, что природа чека двойственна—по возникновению он является кредитным документом, по функционированию—наличными деньгами.

Не всегда получатель чека пред'являет его сразу банку, он может в свою очередь использовать его непосредственно в качестве орудия обращения или платежного средства. Чек, прежде чем быть пред'явленным банку, может пройти через руки нескольких участников товарооборота. В этом случае чек обращается и ощутимо, осязательно замещает деньги в обороте.

Кредитная система капиталистического общества состоит из многих банков. Чтобы облегчить владельцам вкладов пользование ими при посредстве чеков в тех случаях, когда платеж должен быть совершен между клиентами различных банков, банки принимают в причитающиеся им платежи от своих клиентов чеки, выписанные на другие банки и затем через расчетные палаты производят взаимные расчеты. Тем самым расширяется сфера обращения чеков и замещение ими денег, имеющих материальную ценность, в функциях орудия обращения и платежного средства.

Выше мы уже указали на ту экономию в бездействующем денежном капитале, которую получают благодаря вкладной операции единичные капиталисты и класс капиталистов в целом. Сейчас мы обращаем внимание на экономию, которую получает народное хозяйство благодаря чековой системе на сокращении количества орудий обращения и платежных средств, имеющих материальную ценность. Известно, что количество денег, потребное для товарооборота, равняется сумме товарных цен, деленной на скорость обращения денег. Если часть товаров продается в кредит, то количество потребных денег уменьшается на сумму цен этой части товаров (за вычетом суммы сальдо платежей по прежним кредитным сделкам, которое должно быть в данное время произведено). Если платеж по части товаров, продающейся за наличный расчет, и часть платежей по кредитным сделкам производятся при посредстве чеков, которые или эффективно многократно обращаются или пред'являются к зачету в банк, количество потребных обороту денег соответственно сокращается. Капиталы и рабочая сила, которая при отсутствии такой экономии должны были быть затрачены на добычу драгоценных металлов

и чеканку монет, теперь в известной части могут быть использованы для других целей.

Мы уже установили происхождение чека из кредитного отношения между банком и функционирующим капиталистом, кредитором в этом отношении был функционирующий капиталист-вкладчик, дебитором был банк. Однако, форма чека стала современем овеществлять и прямо противоположное кредитное отношение—отношение, в котором функционирующий капиталист является должником, а банк—кредитором.

Когда функционирующий капиталист продает товар без одновременного получения денежного эквивалента между ним и покупателем возникает особое отношение должника и кредитора, которое находит свое вещное внешнее выражение в появлении векселя. Такого рода кредит Маркс называет коммерческим кредитом. «Коммерческий кредит—кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства» [1]).

«То, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но посредством купли и продажи переходящий из одних рук в другие, при чем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее определенный срок» [2]). Это кредитное отношение противоречиво. С одной стороны, вексель может переходить из рук в руки, путем передаточной надписи и в конечном счете, совершив известный круг, вернуться к векселедателю в уплату за товар, или в погашение задолженности без того, чтобы деньги приняли участие в ряде сделок. С другой стороны, в том пункте, где владелец векселя соприкасается с той сферой товарооборота, в которой коммерческий кредит не развит, он нуждается в досрочном превращении векселя в деньги. Это противоречие разрешает кредитная система. Банк, являющийся кассиром функционирующих капиталистов, принимает одновременно встречные поручения своих клиентов как на уплату векселей, так и на их инкассо. Благодаря этому сокращается сумма денег, которая нужна для ликвидации расчетов по обязательствам. С другой стороны, когда функционирующие капиталисты нуждаются в наличных деньгах, банк предоставляет им кредит, учитывая покупательские векселя. В этом случае коммерческий кредит осложняется банкирским.

Кредитуя клиентов, банк может им выдать деньги своими билетами, если он пользуется эмиссионным правом, или банкнотами эмиссионного банка и законными платежными средствами, если он является толь-

---

[1]) „Капитал“, т. III, 12, стр. 17.
[2]) Там же, стр. 19.

ко коммерческим банком. Ничто не мешает, однако, банку кредитуемую клиенту сумму поставить на текущий счет последнего и разрешить ему выписывать чеки в пределах открытого кредита. В этом случае чек возникает в результате банкирского кредита, т.-е. кредита, оказанного банком клиенту. У банка имеется потенциальный свободный денежный капитал (в данном случае фиктивный), который и предоставляется им нуждающемуся в нем функционирующему капиталисту. В нашу задачу не входит анализ пределов капиталотворчества банков. Для нас важно установить, что происхождение чека может быть результатом двоякого рода кредитных отношений—в первом случае, функционирующий капиталист ссужает банку временно освобожденный из производственного процесса денежный капитал, во втором случае—банкир предоставляет функционирующему капиталисту право выписать на себя (банкира) чеки, которые он обязуется оплачивать, без действительного внесения капиталистом вклада. Увеличение текущего счета функционирующего капиталиста является следствием получения им банкирского кредита *).

Что же касается функционирования чеков, то независимо от того, каково их происхождение, они функционируют совершенно одинаково, т.-е. замещают наличные деньги. Функционирующий капиталист, получивший право выписывать чеки в результате получения им банкирского кредита, действует точно так же, как и капиталист, действительно внесший сумму на текущий счет. Его чек обращается тоже как наличные деньги и экономизирует деньги, имеющие материальную ценность в функциях орудия обращения и платежного средства.

Отсюда следует, что точка зрения, согласно которой чек во втором случае является орудием коммерческого кредита, неправильна. Неверно, что якобы «то новое, что вносит чек в движение коммерческого кредита, заключается в том, что коммерческий кредит, который раньше совершался между промышленниками непосредственно, сейчас проходит через банк». Неправильно также утверждение, что «чек... служит таким же орудием авансирования капиталов промышленниками и купцами друг друга, как и вексель» [1].

Когда банк предоставляет право своему клиенту выписывать на себя чеки, без действительного взноса последним сумм на текущий счет,

---

*) См. об этом у Маркса. „Капитал", т. III, ч. I, стр. 443—„Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу „А" кредит по своим счетам, при чем „А"—должник банка—становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков в свою очередь платит ими своему банкиру, который обменивает их в Расчетной Палате (Clearing House). В этом случае дело обходится без всякого участия банкнот.

[1]) С. Выгодский—Очерки по теории кредита Маркса, стр. 19—23.

банк предоставляет ему кредит. Этот кредит, отнюдь, не является коммерческим, так как отсутствует характерная черта последнего,—отчуждение в ссуду части реального капитала, находящегося в определенной стадии воспроизводственного процесса—посредством купли-продажи. Этот кредит является банкирским, так как здесь в кредит предоставляется свободный денежный капитал, ищущий приложения. Когда продавец отчуждает товар в кредит, он получает вексель,—обязательство уплатить через определенный срок цену товара. Когда владелец текущего счета (безотносительно к тому, действительно ли он внес банку деньги или запись является фиктивной) расплачивается чеком, чек выступает как наличные деньги. Никакого кредитного отношения между чекодателем и чекопринимателем не возникает. Поэтому никакой аналогии между векселем и чеком нет.

Можно провести аналогию чека второго порядка (возникающего в результате фиктивного вклада) с банкнотой. Банкнота также возникает в результате учетно-ссудной операции. Она является тоже превращенной формой торгового векселя. Она, как и чек, по возникновению является кредитным документом, а по функционированию—наличными деньгами. Характерно, что чековое обращение достигло особого развития в Англии, в стране, где эмиссионное законодательство было чрезмерно жестким, где эмиссия банкнот была поставлена в прямую зависимость от наличия запасов драгоценных металлов. Благодаря развитому чековому обращению английский денежный рынок и коммерческие банки в значительной степени эмансипировались от Английского банка *).

Перейдем к описанию организации безденежных расчетов:

Чек есть приказ банку владельца текущего счета уплатить указанную в чеке сумму. Так как чек является денежным документом, то обычай, а в некоторых случаях и законодательство, пред'являет к чеку ряд требований. Прежде всего, чек выписывается обычно на бланке, выдаваемом вкладчику банком. Когда текущий счет открывается, клиент получает от банка книжку таких бланков. На чеке прежде всего должна быть обозначена прописью и цифрами сумма, которую вкладчик приказывает банку выдать, затем должно быть указано, кому должна быть уплачена сумма, пред'явителю или определенному (обозначенному в чеке) лицу, наконец, чек должен быть от руки подписан вкладчиком и иметь обозначение числа и месяца выдачи. От этого числа и исчисляется срок действия чека. Срок действия чека устанавливается законодательством или банковыми правилами. Он колеблется от 3 до 14 дней.

*) См. об этом у Р. Гильфердинга—„Финансовый Капитал“, стр. 310.

Допускается ограничение чекодателем обращаемости чеков. Владелец текущего счета может выписать именной чек и особой отметкой воспретить его переход к другому лицу. Такие чеки носят название ректо-чеков. Если такого воспрещения нет, именной (так называемый ордерный) чек может переходить из рук в руки по индоссаменту и может превратиться в пред'явительский. Далее, на чеке может быть сделана надпись «только для зачета». Это дает банку право только перечислить сумму на другой текущий счет, но не выдавать деньги на руки. Наконец, чек может быть снабжен двумя поперечными чертами или надписью, благодаря чему получатель чека не может непосредственно сам пред'явить чек банку, на который он выписан, а должен сделать это через какой-нибудь другой банк. Все эти ограничения имеют преимущественно своим назначением обезопасить чековое обращение от подделок чеков, краж и т. п.

Мы уже указывали, что круг лиц, могущих пользоваться чеками при развитой кредитной системе, расширился благодаря соглашению между банками о взаимном приеме чеков, выписанных на всех участников соглашения. Между банками в связи с этим возникают взаимные расчеты, которые должны быть каким-то образом урегулированы. Этой цели служат Расчетные палаты.

Расчетная палата (в Англии—Clearing House, в Германии—Abrechnungsstelle, во Франции—Chambre de Compensation) функционирует следующим образом:

Уполномоченные участников Расчетной палаты ежедневно в установленное время сходятся в определенном месте. Все участники составляют описи документов, по которым им причитаются суммы по каждому банку в отдельности, и пред'являют их вместе с документами по принадлежности под расписку. Обменявшись описями уполномоченные возвращаются в свой банк, где производится проверка пред'явленных платежных документов и затем к определенному времени снова собираются. Непринятые документы возвращаются со специальной описью, к которой приложена справка, об'ясняющая причину их непринятия.

Каждый уполномоченный заполняет расчетный лист или компенсационный формуляр, примерно, такого вида:

Дебет	Наименование банков, участвующих в расчете	Кредит

В дебет заносятся суммы, пред'явленные банку к платежу общим итогом по каждому банку, в кредит—сумма пред'явленных банком требований, также общим итогом по каждому банку, и, наконец, сумма непринятых им требований с особой пометкой. Затем подытоживается дебет и кредит и выводится сальдо. Расчетный лист передается представителю администрации палаты одновременно с распоряжением эмиссионному банку соответственно зачислить или списать с текущего счета сумму сальдо. Представитель администрации палаты ведет балансовый счет, в который вносит результаты расчетных листов. В этом балансе сумма дебитовых и кредитовых сальдо должна совпасть. Затем он проверяет наличие на текущих счетах банков, у которых получились дебитовые сальдо, суммы для покрытия причитающихся с них платежей и, если сумма достаточна, он возвращает участникам палаты визированные листы и об'являет расчетную операцию законченной. Затем он передает визированные им распоряжения о перечислении сумм с текущего счета эмиссионному банку, который и производит необходимые перечисления со счета на счет. Благодаря такой технике общего сальдирования исключается необходимость попарного расчета, и перечисления со счета на счет в Эмиссионном банке сводятся к минимуму. Чтобы упростить самые записи, все перечисления производятся через транзитный счет Расчетной палаты.

Наличные деньги вовсе не принимают участия в расчетной операции и все дело сводится к бухгалтерским записям в Эмиссионном банке. Вклады одного коммерческого банка увеличиваются, другого соответственно сокращаются *).

Первая Расчетная палата была организована в Лондоне в 1775 году. В 1854 году в палату вошли членами банки Joint Stock, а в 1864 году вступил в палату Английский банк, который одновременно принял на себя и регулирование расчетов по сальдо расчетной операции. С 1865 г. к операциям в лондонской Расчетной палате были допущены провинциальные банки через своих лондонских корреспондентов. Помимо Лондона Расчетные палаты существуют в Ливерпуле, Манчестере и др. городах.

В Германии первая Расчетная палата возникла в Берлине по инициативе Рейхсбанка в 1883 году. Вслед за тем в том же году были образованы палаты в различных городах: Франкфурте-на-Майне, Штутгарте и Кельне, Лейпциге, Дрездене и Гамбурге. Затем палаты были открыты и в других городах, как то: Бремене, Мюнхене и пр.

---

*) „Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House (Расчетной палате)“—„Капитал“, т. III ч. 2, стр. 59.

Во Франции первая Расчетная палата была организована в Париже в 1872 году. В Северо-Американских Соединенных Штатах первая палата была открыта в 1853 году, затем вся страна покрылась густой сетью палат. Их общее количество еще до империалистической войны превышало 100.

В России при учреждениях Государственного банка существовали Расчетные отделы. До империалистической войны их число достигло в 1912 году 40.

Обороты Расчетных палат достигли огромных размеров:

За 1912 год обороты Расчетных палат составили:

В С.-А. Соединенных Штатах	. 347	млрд. руб.
„ Англии .	. 151	„ „
„ России .	40	„ „
„ Германии	32	„ „

После империалистической войны обороты Расчетных палат капиталистических стран показывают дальнейший рост. Так, например, обороты Лондонской палаты в 1926 году составили уже 379 млрд. руб., в то время как в 1913 году они равнялись лишь 156 млрд. Обороты Расчетных палат С.-А. Соединенных Штатов возросли в 1926 году до 953 млрд. рублей.

О чековом обороте внутри одного банка картину могут дать сведения о движении жиро-счетов Германского Рейхсбанка.

В 1912 году сумма поступлений на жиро-счета составила 186,1 млрд. марок, в том числе только 10,4% поступило наличными, а остальные в порядке перечисления со счета на счет. Сумма выдач с жиро-счетов составила за тот же год 185,6 млрд. марок, наличными же выдано было только 12,3%. Поступления на жиро-счета в 1926 году составили 270,2 млрд. марок.

Несмотря на такое значительное развитие безденежных расчетов, они не могут целиком вытеснить из оборота законные платежные средства и банкноты. Обращение чеков по самой своей природе ограничено преимущественно сферой оптовой торговли. Чек, правда, проник в Англии отчасти и в розничный оборот, однако, весьма незначительно. Только постоянные поставщики предметов потребления представителям буржуазии, к тому же кредитующие последних, принимают в уплату по счетам чеки. Рабочий чеком в своих платежах не пользуется, заработную плату он также получает законными платежными средствами. Капиталистическое общество с его анархией производства встречает на своем пути известные преграды, которые ставят предел развитию безденежных расчетов. В периоды кризисов это проявляется особенно ярко, все требуют банкнот и законных платежных средств и в то же время стараются их припрятать.

Интервалютные курсы.

До сих пор мы преимущественно обсуждали вопросы внутригосударственного денежного обращения. Но поскольку хозяйственная жизнь страны не замыкается обычно в рамках государственных границ, нам предстоит рассмотреть ряд специальных проблем межгосударственного денежного обращения.

Как только суб'екты внешней торговли производят какую-либо товарную сделку, перед ними встает вопрос, сколько же в туземных денежных единицах составит сумма, выручаемая или уплачиваемая в иностранной валюте. Если аргентинский экспортер продает во Францию кожу с расчетом в долларах, то ему необходимо знать, сколько он может получить пезо за причитающуюся ему сумму в долларах. В то же время французскому покупателю нужно знать, сколько ему придется уплатить франков за подлежащие приобретению доллары. Первому такие сведения нужны потому, что все расходы, связанные с воспроизводством кожи, почти целиком производятся им в пезо, второму—потому, что он будет продавать кожу на французском внутреннем рынке на франки; для обоих этот вопрос связан с расчетом, с калькуляцией.

Сумма иностранной валюты, которую можно получить за денежную единицу данной страны, и называется интервалютным курсом.

Прежде чем перейти к выяснению природы интервалютного курса, мы считаем необходимым дать краткую характеристику системы международных расчетов и расчетного баланса.

Предположим, что индийская фирма «А» вывозит в Англию и продает фирме «В» чай, в то же время индийская фирма «С» закупает у английской фирмы «Д» текстильные машины. Для расчета по этим двум сделкам вовсе нет надобности в том, чтобы сначала «А» получила у «В» золото в монете или слитках, ввезла его в Индию, передала его непосредственно или через банк «С», которая его снова вывезла бы в Англию и затем передала его «Д».

Международная техника расчетов восприняла форму, исключающую непроизводительные издержки обращения золота. Эта техника состоит в следующем: «А» выставляет, т.-е. выписывает тратту (переводный век-

сель) на «В», последняя ее акцептирует, т.-е. принимает на себя обязательство оплатить ее в любой момент или по истечении известного срока. «А» эту тратту продает непосредственно или через банк «С», при чем продажа совершается при посредстве индоссо, т.-е. передаточной надписи. «С» этой траттой расчитывается с «Д», а последняя пред'являет ее к платежу «В». Таким образом, расчет учиняется без участия эффективного золота и без двойной его пересылки через океан. Пересылка золота ограничивается суммой сальдо расчетов в чью-либо пользу. (Кстати заметим, что расчет по двум сделкам учиняется при помощи выписки только одного переводного векселя). Благодаря тому, что валютные расчеты производятся при помощи векселей, курс валюты и называется некоторыми экономистами «вексельным».

Не всегда выписка и акцепт векселей производятся самими экспортерами и импортерами. С целью придания векселям более широкого обращения, которое в значительной мере базируется на доверии к лицам и организациям, выставляющим и акцептирующим тратту или девизу (девиза—переводный вексель с платежом в иностранной валюте), международный оборот привлекает к расчетам кредитные учреждения. Когда торговая сделка совершена, обе фирмы указывают друг другу своих банкиров и поручают последним учинить расчет. Тратту или девизу выставляет теперь индийский банк на лондонский. Акцептированную лондонским банком тратту индийский банк покупает (или учитывает) у «А» и затем продает ее за наличные или в кредит «С». По поручению последней он индоссирует ее в пользу «Д» или ее банкира *).

Вместо выписки тратт банки могут рассчитаться путем телеграфных приказов и переводов. Поэтому по мере развития такой системы расчетов курс валюты следовало бы назвать не вексельным, а «переводным».

Так как на международном рынке обращается валюта в различных видах: в золотых монетах, банкнотах, чеках, девизах, переводах и возможность использования валюты во времени зависит от ее формы (например, валюту по телеграфному переводу можно использовать в месте назначения в тот же день, в крайнем случае, на следующий день, а чек нужно предварительно переслать почтой на инкассо, что требует значительного времени), мы в бюллетенях встречаем несколько курсов. Курсы эти учитывают различные расходы, связанные с использованием данного документа, и проценты за кредит, за время от покупки до действительного получения эквивалента. Мы остановились на понятии «интервалютный курс», потому что оно является общим, не зависящим от формы расчета.

*) Сплошь и рядом тратту выписывает на банк продавец или покупатель.

Выше мы указали на то, что пересылка золота ограничивается сальдо расчетов между двумя странами. Однако, международная техника расчетов нашла способ дальнейшего сокращения пересылки золота.

Мировые торговые центры, как Лондон и Нью-Йорк, взяли на себя функции расчетных палат в международной торговле. Значительная часть девиз, независимо от того, между какими странами происходит внешнеторговая сделка, выписываются на Лондон и Нью-Йорк. Сальдо, причитающееся стране в золоте, последняя обычно не перевозит к себе, золото остается на текущем счете в каком-либо крупном банке Лондона и Нью-Йорка. Таким образом, дело сводится к обычной в банковом деле форме расчета—переноса со счета на счет.

Расчетным или платежным балансом страны называется совокупность срочных требований и обязательств данной страны по отношению к другим странам. Когда этот баланс складывается в пользу страны, т.-е. когда ее срочные требования в данный момент превышают ее срочные обязательства, то говорят, что ее баланс активный или благоприятный, а в противном случае—пассивный или неблагоприятный.

Расчетный баланс страны состоит из различных статей. Для большинства стран следует на первое место поставить торговый баланс, как составную часть расчетного баланса. Под торговым балансом страны понимается соотношение ввоза и вывоза за границу за данный отрезок времени. Он, как и расчетный баланс, может быть активным и пассивным. Следует отметить, что в зависимости от строения остальной части расчетного баланса, расчетный баланс может быть пассивен, в то время как торговый баланс—активен и, наоборот *).

Далее нужно иметь в виду, что когда говорят о расчетном или торговом балансе страны, то имеют в виду совокупность взаимоотношений данной страны со всеми странами, с которыми она находится в сношениях. В то время, когда сводный расчетный и торговый балансы страны могут быть активными, баланс с одними странами может быть резко пассивным, а с другими активным. Точно так же годовой расчетный и торговый балансы могут быть активными, а отдельные квартальные, например, балансы пассивными. Последнее явление свойственно, главным образом, сельскохозяйственным странам, поскольку их экспорт, связанный с реализацией урожая, носит сезонный характер.

---

*) „...Баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть ликвидированы для нее (Англии. Б. Б.) неблагоприятен, хотя общий торговый баланс благоприятен".—„Капитал", т. III ч. 2, стр. 30.

Таким образом, понятие расчетного баланса шире понятия торгового баланса. Кроме торгового баланса в расчетный баланс входят и другие статьи.

Во-первых, краткосрочные кредиты по внешней торговле. Эти кредиты могут предоставляться друг другу экспортерами и импортерами, а также кредитными учреждениями. С точки зрения расчетного баланса важна не ценность ввоза или вывоза товаров за данный промежуток времени, а сумма денег, полученная и уплаченная за все эти товары. Выручка по экспорту может в одном случае предшествовать самому вывозу товаров, в другом она может быть получена и несколько позже вывоза. В первом случае экспортер получает за границей аванс или ссуду до вывоза, во втором—он кредитует покупателя. Такие же взаимоотношения могут быть у импортера с продавцами товара за границей.

Вслед за краткосрочными кредитами по внешней торговле следует учесть движение долгосрочных ссудных капиталов и процентов по ним.

Если государство заключает за границей заем или если банки размещают за границей государственные и частные ценные бумаги, или, наконец, иностранцы ввозят денежные капиталы с целью инвестиции их в народное хозяйство—все это создает приток в страну золота или иностранной валюты и улучшает ее расчетный баланс за данный промежуток времени. Наоборот, когда наступает срок вывоза прибылей за границу по инвестированным капиталам или сроки оплаты купонов по займам, расчетный баланс ухудшается. Для страны, вывозящей капиталы, самый вывоз ухудшает баланс, а получение прибылей и процентов улучшает баланс.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в данном случае речь идет о денежных капиталах, в то время как инвестиции возможны и вещным капиталом. Например, оборудование для вновь образующегося предприятия, строящегося на средства от размещенного за границей займа, может быть заказано за границей. Такой заем и инвестиция непосредственно на расчетном балансе не отразятся, они лишь нейтрализуют влияние на него добавочного импорта.

На ряду с кредитами и капиталами в расчетный баланс входят различные «услуги», оказываемые и принимаемые по иностранным операциям. Главнейшими из этих операций следует считать торговые, страховые, фрахтовые и т. п.

Такие торговые центры, как, напр., Лондон, Нью-Йорк, сконцентрировали у себя мировую торговлю различными биржевыми товарами, преимущественно сырьем. Это сырье производится в различных полуколониальных странах, перерабатывается же оно не только в Англии и С.-А.

Соединенных Штатах, а, между тем, торговля ими почти монопольно захвачена лондонскими и нью-йоркскими капиталистами. Прибыли от этой торговли создают право на получение золота или иностранной валюты и поэтому улучшают расчетный баланс Англии и Соединенных Штатов.

Международные страховые компании производят страховые операции в различных государствах и получают обычно прибыли, улучшающие баланс страны, в которых находятся владельцы компаний, и ухудшающие в целом баланс стран, пользующихся услугами этих компаний. Это, конечно, не исключает возможности получения какой-либо страной, пользующейся услугами страховых компаний, положительного сальдо за определенный промежуток времени, благодаря выплате компанией страховой премии.

Обладание страной морским торговым флотом, обслуживающим внешнюю торговлю других стран, увеличивает приходные статьи расчетного баланса этой страны. Отсутствие флота, наоборот, увеличивает расходную часть баланса.

В заключение укажем, что на расчетный баланс влияют получение и платеж репараций, контрибуций, расходы иностранных путешественников, денежные переводы родственников за границу и из-за границы, содержание дипломатических представителей и т. п.

Вернемся к вопросу об интервалютном курсе. Для выяснения природы интервалютного курса рассмотрим три случая: 1) в обеих странах золотой или серебряный монометаллизм, 2) в одной стране золотой, а в другой серебряный монометаллизм и 3) в одной или обеих странах бумажно-денежное обращение или обращение неразменных банкнот.

В первом случае, т.-е. когда в обеих странах монометаллизм, основанный на одном и том же металле, интервалютный курс колеблется весьма незначительно вокруг паритета. Паритетом называется весовое соотношение чистого металла в двух каких-нибудь денежных единицах. Если известно, что в золотом долларе в 3,73 раза больше чистого золота, чем в золотой шведской кроне, то паритет доллара равняется 3,73 кроны.

При наличии в обеих странах свободы чеканки и свободы ввоза и вывоза металла иностранная монета может быть путем ввоза ее в страну и пред'явления ее монетному двору для перечеканки превращена в местную монету и, наоборот, местная монета может быть таким же путем превращена в иностранную. Так как для участников внешней торговли важна не внешняя оболочка иностранной монеты, а весовое содержание

металла, интервалютный курс не может сколько-нибудь значительно отклоняться от паритета.

Представим себе, что на нью-йоркской бирже спрос шведских крон в данный момент превышает предложение. Это вызовет повышение курса кроны на несколько пунктов. Покупатели шведской валюты вынуждены будут с этим согласиться, так как, если бы они пожелали сами выписать из Швеции кроны,—им пришлось бы отправить в Швецию золото и перечеканить его в рубли. Отправка и перечеканка золота связана с расходами (фрахт, страховка, пошлина, %% за время провоза и чеканки и т. п.). Если расходы составят 1%, то покупателю шведской валюты выгодно будет уплатить за крону не из расчета 1 крона=26,80 цента, а из расчета близкого к 1 крона=27,08 цента. При обратном положении рынка, т.-е. при превышении спроса на долл., покупатели долларов вынуждены будут во избежание тех же расходов согласиться на расчет близкий к 1 крона=26,54 цента или 1 доллар=3,77 кроны. Таким образом, при наличии одинаковой системы денежного обращения в двух странах и при свободе чеканки и ввоза и вывоза золота, интервалютный курс между ними может отклоняться в обе стороны не свыше стоимости перевозки и перечеканки золота. Эти пределы отклонения получили названия золотых точек.

Состояние интервалютного курса в каждый данный момент колеблется в пределах золотых точек в зависимости от спроса и предложения, определяемого расчетным балансом страны.

Когда расчетный баланс страны активен, интервалютный курс ее денежной единицы приближается к высшей золотой точке, когда ее баланс пассивен, интервалютный курс приближается к низшей золотой точке.

Таким образом, в странах с одинаковой монетной системой при свободе чеканки, ввоза и вывоза золота, «заграничный вексельный курс может изменяться под влиянием платежного баланса данного момента, какими бы причинами ни определялся этот баланс» [1]).

Перейдем к выяснению вопроса о строении интервалютного курса между двумя странами, из коих в одной золотой монометаллизм, а в другой—серебряный. Мы видели, что паритет между двумя валютами, основанными на одном и том же металле, определяется весовым содержанием металла в каждой денежной единице. Установление этого паритета только потому и возможно, что сравниваются различные весовые содержания одного и того же металла. Но когда хотят сравнить между собою золотую и серебряную валюты, то сравнению по весу должна

[1]) „Капитал“, том III, ч. 2 стр. 132.

предшествовать взаимная оценка равных весовых величин золота и серебра, как товаров; нужно раньше установить их относительную ценность и лишь затем перейти к сравнению весовых долей каждой денежной единицы. Поэтому паритет между золотой и серебряной валютой может быть исчислен в каждый данный момент только теоретически. Он будет изменяться каждый раз, как только изменится относительная ценность золота и серебра. Предположим, что относительная ценность золота и серебра равна 1 : 16, в золотой денежной единице заключен 1 золотник золота, а в серебряной единице заключено 4 золотника серебра. Теоретический паритет между данными валютами будет равняться $\frac{16 \times 1}{1 \times 4} = 4$ (если бы в обеих валютах было одинаковое весовое содержание металла, то, учитывая, что ценность золота в 16 раз выше ценности серебра, паритет золотой валюты, выраженный в серебряной, равнялся бы 16. Но так как в нашем примере вес серебряной монетной единицы в 4 раза выше веса золотой, паритет равняется частному от деления 16 на 4, т.-е. 4). Предположим далее, что через некоторое время относительная ценность металлов изменилась в пользу золота и теперь она выражается 1 : 20. При сохранении прежнего весового содержания золота и серебра в каждой денежной единице теоретический паритет будет теперь уже равняться 5. Интервалютный курс между странами, из коих в одной золотой монометаллизм, а в другой серебряный, будет изменяться вслед за изменением теоретического паритета, основанного на исчислении в каждый данный момент относительной ценности металлов.

Во всем остальном сохраняют свое значение и влияние расчетный баланс и золотые точки, в случае, если чеканка монет в обеих странах свободна и свободен ввоз и вывоз металлов. «Если дело идет о вексельном курсе между двумя странами», говорит Маркс, «из которых одна употребляет в качестве «денег» серебро, другая золото, то в этом случае вексельный курс зависит от колебаний относительной ценности благородных металлов, так как такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами» [1]).

Третий случай, подлежащий нашему рассмотрению, это интервалютный курс при бумажно-денежном обращении. Для упрощения предположим, что только в одной стране—бумажно-денежное обращение, а в другой—золотое обращение.

Известно, что ценность бумажных денег определяется ценностью металла, который они замещают в обороте. Изменение ценности бумажных денег внутри страны действует на интервалютный курс, так же, как порча

[1]) Там же, та же стр.

монеты при металлическом обращении. Если до реформы Витте паритет доллара по отношению к золотому рублю равнялся 1,30, то после того как металлическое содержание золотого рубля было понижено в $1\frac{1}{2}$ раза, паритет доллара должен был повыситься в $1\frac{1}{2}$ раза и достичь 1,95.

Бумажная германская марка оставалась маркой при непрерывных выпусках только номинально, фактически же ее ценность составляла лишь некоторую долю золотой марки, поэтому и интервалютный курс бумажной марки должен был изменяться в том же направлении, что и ее ценность. «В этом случае, говорит Маркс, изменение курса чисто номинальное. Если один фунт стерлингов представляет в данный момент повину тех денег, которые он представлял раньше, то само собой разумеется, за него будут выдавать лишь $12\frac{1}{2}$ франков вместо 25 франков» [1]).

Однако, отклонение интервалютного курса бумажных денег от их ценности может быть весьма значительным, благодаря влиянию расчетного баланса.

И при золотом обращении расчетный баланс влияет на интервалютный курс. Это влияние ограничено золотыми точками только при свободе чеканки монет в обеих странах и при свободе ввоза и вывоза золота. Если этих условий налицо нет, то и при золотом обращении отклонение интервалютного курса от паритета может быть весьма значительным. Запрещение вывоза золота из страны при неблагоприятном платежном балансе может понизить интервалютный курс за пределы золотой точки. При бумажно-денежном обращении, связанном с прекращением размена, закрытием чеканки и запрещением вывоза золота, ликвидируются всякие границы колебания курсов вследствие того или иного сальдо расчетного баланса.

Понижение ценности бумажных денег внутри страны, вызванное ростом денежной массы по номиналу сверх суммы, потребной для оборота, должно только в динамике привести к соответствующему падению интервалютного курса бумажных денег.

Этим мы заканчиваем положительное изложение марксистской теории интервалютных курсов. Мы позволим себе теперь дать критическое изложение теории Д. Рикардо и Г. Кассель.

Давид Рикардо выставляет следующие положения: «Пока обращение различных стран состоит из драгоценных металлов или бумажных денег, которые во всякое время размениваются на металл, и пока металлическое обращение не испорчено обрезыванием и стиранием, до тех пор сравне-

---

[1]) Там же, та же стр. Маркс имеет в виду период 1797—1819 годов, когда банкноты Английского банка были неразменны.

ние веса и пробы может дать нам возможность определить паритет между ними»[1]).

«Пока средства обращения состоят из неиспорченной монеты или из бумажных денег, разменных по пред'явлении на неиспорченную монету, вексельный курс никогда не может быть выше паритета на большую сумму, чем расходы по пересылке драгоценных металлов»[2]).

Переходя к выяснению интервалютного курса между странами, в коих за основу денежной системы приняты разные металлы, Рикардо говорит, что в этом случае «паритет не является абсолютно-устойчивым и таковым быть не может»[3]).

«Чтобы найти действительный паритет, мы должны установить, какова относительная ценность золота и серебра»[4]). Что же касается интервалютного курса стран с бумажно-денежным обращением, то Рикардо по этому вопросу говорит следующее: «Когда обращение состоит из одних только бумажных денег, то всякое увеличение их количества повысит денежную цену слитков, не понижая их ценности, таким же образом и в такой же пропорции, в какой это повысит цены других товаров и по той же причине это понизит вексельный курс на другие страны, но это было бы номинальным, а не реальным понижением» [5]).

«Когда обращение состоит из обесцененных бумажных денег, вексельный курс неизбежно понизится соответственно степени их обесценения» [6]).

После того как Рикардо установил понятие паритета и вексельного курса для различных систем денежного обращения и предел отклонения вексельного курса от паритета, ему нужно было ответить на вопрос о причине отклонения вексельного курса от паритета. Взгляд Рикардо по данному вопросу виден из следующей выдержки: «М-р Тортон говорит нам, что неблагоприятная торговля является причиной неблагоприятного вексельного курса; но мы уже видели, что влияние неблагоприятной торговли—если это выражение точно—на вексельный курс ограничено. Его граница (связанная с расходами по пересылке и перечеканке драгоценных металлов) определяется в 4 или 5%» [7]). Таким образом, Рикардо признает, что причиной отклонения может быть неблагоприятный баланс. До сих пор взгляды Рикардо по вопросам теории интервалютных

---

[1]) Памфлеты, стр. 117.
[2]) Памфлеты, стр. 118.
[3]) Памфлеты, стр. 168.
[4]) Там же, стр. 169.
[5]) Там же, стр. 112.
[6]) Памфлеты, стр. 118.
[7]) Памфлеты, стр. 125.

курсов не отличались от взглядов Маркса. Но дальше начинаются расхождения. В то время как Маркс считает, что неблагоприятный баланс является фактором первичного порядка, Рикардо полагал, что он является следствием состояния внутреннего денежного обращения. «Соблазн вывозить деньги в обмен на товары или то, что называют неблагоприятным торговым балансом, возникает, говорит Рикардо, исключительно благодаря излишку средств обращения» [1]).

«Если мы соглашаемся давать монету в обмен за товар, то это делается по нашему выбору, а не по необходимости. Мы не стали бы ввозить больше товаров, чем вывозили, если бы не имели излишка средств обращения, который поэтому становится частью нашего вывоза. Вывоз монеты обусловливается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса» [2]). «Металл посылался бы за границу для уплаты долга только тогда, когда он был бы в излишнем количестве и когда он являлся бы самым дешевым экспортным товаром» [3]).

Тем, которые утверждали, что неблагоприятный торговый баланс обусловлен плохим урожаем, Рикардо отвечал: «Итак, повидимому, вполне доказано, что плохой урожай действует на вексельный курс только путем влияния на количество средств обращения, находившееся ранее на естественном уровне и оказавшееся затем избыточным» [4]).

Эта неправильная точка зрения Рикардо имеет свои корни в тех ошибках, которые были нами отмечены в очерке «Теория денег Рикардо». Рикардо считал, что изменение абсолютной ценности денег проявляется в изменении их относительной ценности (уровне товарных цен) через увеличение добычи золота. Кроме того, Рикардо утверждал, что и при свободе чеканки в отдельные моменты ценность монеты может отклоняться от ценности металла, заключенного в ней, и что приспособление количества денег к потребности товарооборота может происходить только через колебание их ценности. Теперь эти ошибки, в применении к интервалютным курсам, находят свое выражение в заявлении, что не плохой урожай является непосредственной причиной неблагоприятного вексельного курса, а вызванное им избыточное состояние денежного обращения. Эта ошибочная точка зрения основана на том предположении, что все наличное золото функционирует в качестве орудия обращения. Когда же изменяется потребность в орудиях обращения в связи с сокращением товарооборота, то монета не просто застывает в сокровище, а сначала она падает в своей ценности ниже ценности металла,

[1]) Памфлеты, стр. 109.
[2]) Памфлеты, стр. 110.
[3]) Памфлеты, стр. 111.
[4]) Памфлеты, стр. 143.

в ней заключенного, и лишь затем выходит из оборота. Так как предполагается, что изменение потребности в деньгах коснулось только одной страны, а во всех прочих странах ценность денег осталась без изменения, участникам товарооборота становится выгодным не сберегать золото в качестве сокровища, а вывозить его для покупки товаров за границей и ввоза их в данную страну для реализации. Отсюда и неблагоприятный баланс. Во избежание повторений мы и в данном очерке не будем приводить доказательств ошибок Рикардо, а отошлем читателя к предыдущим очеркам.

Для нас важно сейчас установить, что в основных вопросах—сущность паритета и интервалютного курса, интервалютный курс между двумя странами со связанной валютой, различными металлическими валютами и бумажно-денежным обращением—Рикардо стоял на правильной точке зрения. Ошибка Рикардо состоит только в том, что он непосредственную причину отклонения интервалютного курса от паритета видел в несоответствии между количеством денег и потребностью оборота. Представители же новейшей количественной теории, считающие себя прямыми продолжателями Рикардо, как, мы это видим на примере, Г. Кассель, стоят на отличной от Рикардо точке зрения.

Мы не собираемся дать исчерпывающее изложение и критику теории интервалютных курсов проф. Касселя. Это могло бы составить материал для самостоятельного очерка. Наша цель заключается лишь в том, чтобы показать, насколько современная буржуазная количественная теория денег отошла от теории Рикардо, которого все количественники считают своим духовным отцом. Мы вынуждены начать с выяснения взглядов Касселя на ценность золота и ценность денег.

Во всех своих работах проф. Кассель оперирует лишь с понятием относительной ценности. У него вовсе отсутствует, в отличие от Рикардо, ценность золота, определяемая количеством труда, общественно-необходимого для производства весовой единицы металла. Относительная ценность золота, по Касселю, колеблется в зависимости от его спроса и предложения, но, так как проф. Кассель не признает трудовой ценности, это колебание является безхребетным.

Когда с начала империалистической войны все европейские воевавшие государства перешли к бумажно-денежному обращению, спрос на золото, как на денежный товар, понизился, поэтому и ценность золота, по Касселю, понизилась. Когда же после войны эти же государства начали восстанавливать нормальную денежную систему, и для этих целей, а равно для платежей Америке, усилили накопление золотых запасов, спрос на золото резко возрос и ценность его начала повышаться. Эта

концепция является лейтмотивом всех работ проф. Касселя, посвященных денежной проблеме *).

«Общее из'ятие золота из обращения, естественно, создало значительное изобилие его для монетных целей... Избыточное золото должно было найти себе какой-либо выход... Но до сих пор способность поглотить все это золото оказалось слишком малой и желтый металл потерпел жестокий урон в своей ценности» [1]).

«Война, обратившая столь многие страны-кредиторы в крупных должников, создала нового большого кредитора—Соединенные Штаты... Единственным открытым путем для платежей остается отправка золота и, действительно, в течение прошлого года Америка получила огромные количества золота от внешнего мира. Конечно, такой огромный спрос на золото для Америки должен был создать скудость в этом металле... При таких обстоятельствах спрос на золото для расчетов с Америкой, без сомнения был значительным фактором резкого под'ема ценности золота» [2])...

В то время как у Рикардо отклонение рыночной ценности золота от его трудовой ценности, временно возможное вследствие несовпадения количества наличного золота и потребности в нем, само создает обратную тенденцию выравнивания его рыночной и трудовой ценности путем изменения размеров добычи золота, по Касселю, возможен длительный избыток или недостаток золота и поэтому-то в каждый данный момент рыночная ценность золота является у него величиной самостоятельной, зависящей только от рыночных отношений.

У Рикардо, размеры добычи являются лишь механизмом, через который рыночная ценность золота приводится в соответствие с его трудовой ценностью, как в том случае, когда изменяется сама трудовая ценность, так и в том случае, когда рыночная ценность отклонилась от трудовой вследствие временного несовпадения наличного количества золота с потребностью в нем. У Касселя же, размеры добычи золота являются фактором, определяющим его ценность.

«В настоящее время, говорит проф. Г. Кассель, добыча золота, следовательно, не является достаточной для нормального увеличения мировых запасов... В результате такого недостатка появится скудость золота и вследствие этого возрастет его ценность» [3]).

---

*) На русском языке см.: Г. Кассель „Мировые проблемы денежного обращения". Изд. „Право", 1922 г.; его-же — „Международные платежи", в сборнике № „Новые идеи в экономике", изд. „Образование", 1924 г. и его же — „Недостаток золота", в сборнике „Проблемы мирового денежного обращения", под редакцией Г. Я. Сокольникова. Финанс. Издат. 1927 г.

[1]) „Мировые проблемы денежного обращения", стр. 18.

[2]) Там же, стр. 73—74.

[3]) Там же, стр. 50.

Взгляды проф. Касселя на ценность металлических денег также прямо противоположны взглядам Рикардо. В то время как последний определял ценность монеты ценностью металла, в ней заключенного проф. Кассель, наоборот, выводит ценность золота из ценности денег. «Специфическое положение рынка своим последствием имело то, что ценность золота практически определялась ценностью доллара» [1]). Проф. Кассель считает, что классическая теория денег была неправильна. «Эта теория была бы по существу правильна, если бы металл-золото, действительно образовывал валюту. В действительности дело обстоит не так, и золотая валюта имеет свое самостоятельное существование, она только связана с металлом-золотом» [2]).

Природа этих ошибочных положений становится ясной, если иметь в виду, что проф. Кассель все время плавает на поверхности, что он по существу оперирует только понятием относительной ценности денег, которую он затем заменяет понятием покупательной силы.

Так как покупательная сила денег зависит, по его концепции, от их количества, а эмиссионные институты, по его мнению, и при наличии свободной чеканки и размена банкнот на золото могут регулировать количество денег в обращении, то, следовательно, правительство или эмиссионный банк оказываются в состоянии повышать или понижать соответствующей политикой ценность денег. Отсюда и получается превратный вывод о зависимости ценности золота от ценности денег.

Рикардо считал бумажные деньги знаками золота и их ценность определял соотношением количества бумажных денег в обращении и количества потребных золотых монет того же наименования. Методом определения ценности бумажных денег у Рикардо служило сравнение их с ценностью золота. Кассель же, напротив, считает бумажные деньги настоящими деньгами, т.-е. не только орудием обращения, но и мерилом ценности. Если бумажных денег выпущено слишком много, то их покупательная сила должна понизиться и это найдет свое отражение в изменении уровня товарных цен. Так как бумажные деньги не являются знаками золота, то золото не может служить для определения степени инфляции. «Инфляция всякой денежной валюты, разумеется, не может быть измеряема при помощи ажио на металл, если этот металл в свою очередь обесценен; она может измеряться при помощи ажио на товары. И ни одна страна не может думать, что она свободна от процесса инфляции, если она может возобновить платежи золотом» [3]).

Как последовательный вульгарный количественник-номиналист, Кассель считает, что рост товарных цен, как и их падение, «всегда является

---

[1]) „Мировые проблемы денежного обращения", стр. 74.
[2]) „Международные платежи", стр. 13.
[3]) „Мировые проблемы денежного обращения".

по существу денежным феноменом» [1]). Для Касселя не существует возможность изменения товарных цен вследствие изменения ценности товаров или изменения кон'юнктуры рынка, как явлений самостоятельных, могущих иметь место и в тех случаях, когда на стороне денег никаких пертурбаций нет. Поэтому единственным критерием для суждения об изменении ценности денег у него оказывается уровень товарных цен, несмотря на то, что последний является величиной не первичной, а производной, отражающей как изменения на стороне денег, так и товаров.

Теория интервалютных курсов проф. Касселя является перенесением им на мировую арену этих неправильных взглядов на ценность денег.

Основные положения теории интервалютных курсов проф. Касселя сводятся к следующему:

«Стабилизация вексельных курсов вполне зависит в конечном счете от стабилизации относительной ценности денег, следовательно, от факторов, которые определяют ценность денег в обеих странах» [2]). «Вексельный курс между двумя странами с бумажными валютами определяется отношением между ценностью денег в одной и другой стране. Так как эта ценность измеряется покупательной силой денег внутри данных стран, то можно также сказать, что главный фактор, определяющий вексельный курс, находится в отношении между внутренней покупательной силой денег в той и другой стране. Это отношение представляет состояние равновесия вексельного курса и может быть подходяще обозначено, как паритет покупательной силы между обеими странами. *Следовательно, вексельный курс, в первую очередь, определяется паритетом покупательной силы. Этот вывод сохраняет силу и для случая с золотой валютой»* [3]).

«Наша готовность заплатить известную цену за иностранные деньги, говорит проф. Кассель в своем меморандуме Лиге Наций, в конце концов и по существу зависит от того факта, что эти деньги в иностранном государстве имеют покупательную силу в отношении товаров и услуг... Наша оценка иностранных денег, следовательно, по существу зависит от относительной покупательной силы валют обеих стран» [4]).

Проф. Кассель рассматривает золотую валюту с точки зрения международных платежей, как свободную валюту, т.-е. как бумажную валюту [5]). В этой же связи стоит заявление проф. Касселя, что вексельный курс страны с бумажно-денежным обращением представляет собою простейший случай, а вексельный курс страны с золотыми валютами—сложный [6]).

Теория интервалютных курсов проф. Г. Касселя в корне отличается от изложенной нами теории Рикардо. В то время как Рикардо правильно

---

[1]) „Мировые проблемы денежного обращения" стр. 64.
[2]) Там же, стр. 13. [3]) Там же, стр. 14, 15. [4]) Там же, стр. 20.
[5]) Там же, стр. 11. [6]) Там же, стр. 14.

считал простейшим случаем интервалютный курс стран с золотыми валютами, следующим по сложности—интервалютный курс между странами с различными металлическими валютами, и, наконец, наиболее сложным интервалютный курс между странами с бумажно-денежным обращением, у Касселя все поставлено с ног на голову.

Далее, в то время как у Рикардо интервалютный курс между странами с золотой валютой определяется в первую очередь их весовым паритетом, у Касселя—паритетом покупательной силы. Рикардо, как мы видели, привлекал момент изменения покупательной силы для об'яснения отклонения интервалютного курса от весового паритета, Кассель же покупательной силой об'ясняет не отклонение курса от весового паритета, а самый паритет.

Если ценность денег как металлических, так и бумажных, по Касселю, измеряется их покупательной силой внутри страны, то интервалютный курс между двумя денежными единицами, который не может быть ничем иным, как соотношением ценности денег обеих стран, должен определяться в первую очередь паритетом покупательной силы, а так как покупательная сила денег, в том числе и металлических, зависит от их количества в обращении, а не от трудовой ценности металла в монете, даже напротив ценность золота определяется ценностью денег, то отсюда следует, что интервалютные курсы не связаны с трудовой ценностью золота.

Построение логически стройное, но тем не менее в корне ошибочное, ибо исходное положение его неверно. Оно игнорирует трудовую ценность и подменяет ее относительной ценностью, т.-е. формой выражения ценности.

Корни расхождений теории Касселя и Рикардо заключаются в том, что последний определяет ценность денег, как и всякого другого товара, количеством труда, затрачиваемого на их производство, в то время как Кассель по существу является номиналистом.

Теория Касселя национально ограничена. Он не учитывает того, что «выходя за пределы внутреннего обращения, деньги стирают с себя приобретенные ими в этой сфере локальные формы масштаба цен—формы монеты, разменной монеты, знаков стоимости и опять выступают в своей первоначальной форме слитков благородных металлов» [1]).

Пример с Касселем показывает, что в то время как Маркс взял из теории ценности денег и интервалютных курсов Рикардо здоровую середину, буржуазные вульгарные экономисты позаимствовали у Рикардо оболочку и безуспешно пытаются под нее подвести теоретический фундамент.

---

[1]) Капитал, т. I, стр. 116.

О некоторых положениях общей теории денег А. Кона.

В первой части своего курса Александр Кон целый раздел посвятил общей теории денег. По выходе первого издания курса теория денег Кона встретила коллективную критику со стороны т.т. Абезгауза, Дукора и Ноткина [1]). При выпуске второго издания своего курса тов. Кон внес значительные исправления в раздел о деньгах, тем не менее им снова допущен ряд неправильностей, нечеткостей в формулировках, а в некоторых местах и прямых извращений теории денег Маркса.

Мы попытаемся вскрыть ошибки общей теории денег тов. Кона, как она изложена им во втором издании курса [2]).

Тов. Кон выводит деньги из двух различных моментов: 1) из внутренней противоречивости товара и 2) из внешних препятствий, которые встречает на своем пути безденежный обмен.

«Внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью *), заложенное в природе товара, получает внешнее выражение и находит свое разрешение путем возникновения денег—чистого воплощения абстрактного общественного труда» (стр. 135).

«Безденежный обмен, читаем мы дальше, встречает на пути своего распространения ряд серьезных препятствий. Если бы товары обменивались непосредственно друг на друга без помощи денег, то обмен по необходимости был бы взаимным обменом. Если товаропроизводитель «А» обменивает 4 килограмма чаю на 2 пары обуви, принадлежащие производителю «Б», то товары просто меняются своими местами. Чай переходит из рук производителя «А» в руки «Б», а обувь—из рук «Б» в руки «А». Такая сделка может состояться лишь при том условии, если не только «А», обладающий чаем, нуждается в обуви, но если вместе с тем «Б», владеющий обувью, нуждается именно в чае, а не в каком-

---

[1]) См. их статьи в XXV и XXVII книгах „Вестника Коммакадемии".

[2]) Александр Кон. Курс политической экономии, часть I, издание второе. ГИЗ. 1928.

*) Так как тов. Кон придает особое значение применению термина „стоимость", мы не сочли себя в праве заменять его термином „ценность", как это сделано в предыдущих очерках.

нибудь другом продукте. Понятно, что это обстоятельство чрезвычайно ограничивает рамки распространения обмена. Допустим, что мы имеем не двух товаропроизводителей, а, скажем, пять... В этом случае для того, чтобы первый товаровладелец мог сбыть свой товар и получить нужную ему обувь, он должен заключить четыре сделки... Не трудно видеть, что комбинация значительно усложнится, если товаровладельцев будет не пять, а несколько сотен или тысяч. В этом случае будет уходить масса времени и труда не только на никому не нужные меновые сделки, но и просто на розыски тех лиц, которые располагают нужным товаром, взамен которого можно получить нужный товар... Наличие денег освобождает обмен от этих стесняющих рамок...» (137, 138, 139).

Тов. Кон ограничивается формулировкой только одного препятствия, которое стесняет обмен при отсутствии денег, а именно невозможность обмена при качественном несовпадении потребностей. Между тем еще классики указали на ряд других трудностей, например, обмен не может быть осуществлен, если товары не обладают произвольной делимостью и в то же время в данном количестве они не эквивалентны. В этом случае хотя оба товаропроизводителя нуждаются в обмене и их потребности в продуктах взаимно качественно совпадают, но обмен все же состояться не может. Восполнение картины внешних затруднений меновой торговли, однако, не является нашей целью. Наоборот, мы думаем, что, если даже сам тов. Кон дал бы исчерпывающее описание этих внешних трудностей, он ни на шаг не подвинулся бы вперед в действительном выведении денег, как социальной и исторической категории.

Его основная ошибка состоит именно в том, что он вместо теоретического обоснования социальной роли денег дает в главе под многообещающим названием («социальная роль денег») простое поверхностное описание явления, как оно представляется невооруженному глазу обывателя. Мы же думаем, что задача теоретика состоит в том, чтобы за видимостью явления проникнуть в его сущность.

Если классики выводили деньги из внешних трудностей меновой торговли, то Маркс, которому их взгляды были не безызвестны, должен был в случае, если такая трактовка проблемы представлялась ему неправильной, отмежеваться от их взглядов.

И, действительно, Маркс считает такую постановку безусловно ошибочной, как это видно из следующей выдержки: «Экономисты выводят обыкновенно деньги из внешних затруднений, на которые наталкивается расширившаяся меновая торговля, но при этом они забывают, что эти затруднения происходят из развития меновой стоимости и поэтому из развития общественного труда, как труда всеобщего. Например, товары, как потребительные стоимости, не обладают произвольной делимостью—

свойство, которое они должны иметь, как меновые стоимости. Или товар владельца «А» может быть потребительной стоимостью для «В», между тем как товар «В» не является потребительной стоимостью для «А». Или, наконец, владельцы могут иметь товары, предназначенные для их взаимного обмена, неделимые и не в равных пропорциях по меновой стоимости. Другими словами, под видом рассмотрения простой меновой торговли экономисты только наблюдают некоторые стороны противоречия, которое заключается в товаре, как непосредственном единстве потребительной и меновой стоимости [1]). Тов. Кон недалеко ушел от экономистов, с взглядами которых Маркс не солидаризировался. Сн тоже только наблюдает явление на поверхности и описывает внешние трудности, и то время как сами эти трудности являются лишь внешним проявлением противоречий товара.

У тов. Кона противоречие существует само по себе, а внешние трудности сами по себе, и необходимость денег выводится им параллельно из внутреннего противоречия товара и из внешних трудностей натурального обмена.

Первое положение тов. Кона заключается в том, что деньги возникают вследствие внутреннего противоречия товара, противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью. В подтверждение этого положения тов. Кон приводит цитату из Маркса. Само по себе это положение верно, однако, оно недостаточно полно, а поэтому без его дополнения может привести к неправильным выводам.

В «Теориях прибавочной ценности» Маркс счел необходимым подчеркнуть, что необходимость денег следует выводить из двоякого противоречия—не только из противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, но также из противоречия между частным индивидуальным трудом и всеобщим общественно-необходимым.

«Товары должны, говорит он, давать своей меновой стоимости самостоятельное выражение в деньгах, сначала в цене, где все они представлены, как выражения одного и того же труда, только количественно различные выражения одной и той же сущности. То, что меновая стоимость товара в деньгах получает самостоятельное существование является продуктом процесса обмена, результатом развития содержащихся в товаре противоречий меновой и потребительной стоимости и не менее содержащегося в нем противоречия, что определенный особый труд отдельного индивидума должен быть представлен, как его противоположность, одинаковый, необходимый, общий и в этом виде общественный труд» [2]).

---

[1]) К критике политической экономии, стр. 50, изд. ГИЗ Украины.

[2]) Указанное сочинение, т. III, стр. 110, изд. Прибой, 1924 г.

Это второе противоречие товара, вызывающее к жизни деньги, тов. Кон, повидимому, имел в виду в следующей фразе той же главы—«Социальная роль денег»: «Стоимостные отношения основаны на приравнении конкретного вида труда, вложенного в данный товар, абстрактному труду и индивидуального труда—труду общественному. Однако, это приравнение оказывается мыслимым в меновом обществе лишь путем приравнения товара деньгам, которые являются, как мы видим, представителем абстрактного общественного труда» (136—137). Эта формулировка должна быть признана совершенно неудачной. Прежде всего, как можно вообще приравнивать конкретный вид труда, овеществленный в данном товаре, абстрактному. Приравнивать, т.-е. количественно соизмерять, можно лишь вещи, предметы, явления одного качества одной субстанции. Конкретный труд нельзя приравнивать абстрактному даже в том случае, если стоять в понимании последнего на точке зрения тов. Кона. Точно так же приравнивать индивидуальный труд общественному можно было бы лишь в том случае, если бы они отличались друг от друга только количественно. А между тем, внутреннее противоречие категории стоимости заключается в том, что труд частный, индивидуальный должен быть в обмене представлен, как своя противоположность—труд всеобщий, общественно-необходимый. Это противоречие включает в себе два момента—качественный и количественный. В денежной форме оно находит свое выражение и разрешение. У Кона *проявление* заменено *приравнением*.

Тов. Кон увлечен количественной стороной стоимости и поэтому необходимость денег и их социальную роль он выводит из необходимости *точного количественного измерения стоимости товара*.

«*Точное приравнение труда,* овеществленного в различных товарах, мыслимо только путем приравнивания всех товаров единому и единственному всеобщему эквиваленту, который выступает в качестве представителя и абсолютного овеществления абстрактного общественного труда» (136).

«Поскольку денежная форма стоимости обеспечивает наиболее полное выявление стоимости и *наиболее точное ее измерение,* она является не только способом выявления стоимостных отношений, но и условием их господства» (136).

«К сказанному необходимо добавить, что и *точное измерение стоимости* является одним из существенных условий ее господства. Мы видели, что простое товарное хозяйство оказывается в состоянии поддерживать равновесие производства лишь при том условии, если каждая отрасль производства покрывает свои трудовые затраты в равной мере. Отсюда ясна полная необходимость строгой пропорциональности и между

средними меновыми отношениями товаров, с одной стороны, и количеством вложенного в них общественно-необходимого абстрактного простого труда. *Такая пропорциональность может быть обеспечена лишь при том условии, если в обмене существует определенная мера стоимости—всеобщий эквивалент, к разным количествам которого приравниваются все товары»* (137).

Поскольку в категории стоимости тов. Коном выпячивается количественная сторона и деньги—как мера стоимости—приобретают особую социальную роль—точно измерять стоимости товара. Между тем, это назначение денег ни в коей мере не вытекает из Марксовой теории. Здесь у Кона, повидимому, имеет место смешение между внешним мерилом стоимости — каким являются деньги — и имманетным мерилом—рабочим временем.

Маркс, критикуя экономистов, подчеркивает, что в деньгах товар приобретает лишь *форму* для проявления стоимости и что деньги не делают товары соизмеримыми и, следовательно, не измеряют в действительности ценности товара (тем более «точно»). «Вообще мерило стоимостей (в смысле денег), говорит Маркс, никогда не делает товары соизмеримыми... Как стоимости, товары являются единством, простыми выражениями одного и того же единства, общественного труда. Мерило стоимости (деньги) предполагает их, как стоимости, *и требуется лишь для выражения определенной величины этой стоимости...* Мерило стоимости товаров требуется для превращения стоимостей в цены, оно уже предполагает стоимость» [1]).

Следовательно, деньги, как мерило стоимости, нужны не для наиболее точного измерения стоимостей товаров, а лишь для выражения стоимости.

Двойственная база возникновения денег — внутреннее противоречие товара и независимые от этого внешние трудности безденежного обмена приводят тов. Кона к различному пониманию природы отдельных функций денег. Если функция мерила стоимостей выводится им из внутреннего противоречия товара, то функция орудия обращения выступает у Кона лишь как техническое средство для преодоления внешних трудностей.

«Производитель в обмене сбывает свой товар (Т), который не представляет для него потребительной стоимости, а представляет только стоимость, и взамен получает другой товар ($Т^2$), в котором его интересует не стоимость, а только потребительная стоимость. Нагляднее всего выступает это содержание меновой сделки в том случае, если мы представляем себе безденежный обмен... Это содержание обмена ни-

---

[1]) „Теории прибавочной ценности“, т. III, стр. 26.

сколько не изменяется от того, что практически обмен товаров происходит при посредстве денег. Можно даже сказать, что только благодаря участию денег в обмене обмен может осуществлять свою функцию с исчерпывающей полнотой... Обмен встречает на пути своего распространения значительные препятствия... Обмен приобретает свое настоящее содержание лишь в его денежной форме. Меновая сделка приобретает несколько осложненную форму» (162—163).

Неправильное понимание социальной роли денег приводит тов. Кона к неверной, вульгарной, упрощенной трактовке функции орудия обращения. По Марксу, как это мы показали выше, деньги выводятся из двуединого противоречия товара: из противоречия частного, индивидуального труда и всеобщего, общественно-необходимого труда и из противоречия потребительной стоимости и стоимости. В функции мерила стоимостей первое противоречие денег находит себе лишь внешнее выражение, но противоречие товара еще не разрешается. Товар, хотя и имеет уже форму цены, но он все же остается носителем особой потребительной стоимости, притом он все еще находится в руках у своего производителя, для которого он не является потребительной стоимостью. Для разрешения двуединого противоречия товара необходимо, чтобы он не идеально, а в действительности превратился в свою противоположность. *Поэтому из самой сущности денег и их действительной социальной роли вытекает необходимость появления второй функции денег—функции орудия обращения.* В этой функции находит свое выражение второе противоречие товара и одновременно оба противоречия находят свое действительное разрешение. Товар в акте Т—Д принимает денежную форму. Деньги в противоположность товару являются воплощением всеобщего, общественного труда и всеобщей потребительной стоимостью, в то время как товар непосредственно лишь является продуктом индивидуального частного труда и как продукт особого конкретного труда—особой потребительной стоимостью. Когда производитель продает товар, т.-е. превращает его в деньги, он скрытый в товаре потенциальный всеобщий общественный труд превращает в действительное воплощение общественно-необходимого труда, а продукт, который не является для него потребительной стоимостью, превращает во всеобщую потребительную стоимость, в то же время товар, перейдя к покупателю, проявляет скрытую в нем потребительную стоимость. Для покупателя он действительно является потребительной стоимостью.

Переходя к функции денег—средства сохранения стоимости—тов. Кон говорит: «Рассмотренные две функции денег (мерило стоимости и орудие обращения Б. Б.), взятые совместно, выявляют целиком природу их.

Однако, каждая из них, взятая в отдельности, выявляет лишь одну сторону их сущности. В функции денег, как средства сохранения стоимости, природа денег выявляется целиком, как чистое овеществление стоимости, как деньги в собственном смысле слова» (182). Это положение страдает отсутствием обоснования необходимости третьей функции. Между тем, если, как заявляет сам тов. Кон, функции мерила стоимостей и орудия обращения совместно целиком выявляют природу денег, то казалось бы не остается места для новых функций денег. Если противоречие товара этими двумя функциями разрешается, то, повидимому, никакой надобности в новых функциях денег нет. На практике, однако, оказывается, что существуют еще две функции и, в частности, функция—средство сохранения стоимости. Как же можно об'яснить ее возникновение? Этого вопроса, к сожалению, перед собой тов. Кон и не ставит. Он и здесь ограничивается только описанием поверхностного явления. Об'яснение возникновения функции денег, как сокровища, следует искать, как нам кажется, в противоречии денег, как единства мерила стоимостей и орудия обращения. Как мерило стоимостей деньги должны быть стоимостью, т.-е. продуктом труда, некой реальностью, но в то же время эту функцию деньги выполняют идеально. Следовательно, мерило стоимости—противоречивая категория. В противоположность функции мерила стоимости функция орудия обращения может не быть непосредственно результатом труда, а лишь его символом, но эту функцию деньги выполняют не идеально, а вещественно, налицо должен быть какой-нибудь знак стоимости, следовательно, функция орудия обращения не менее противоречивая категория. Деньги — единство мерила стоимости и орудия обращения, единство противоположностей. Это противоречие денег не может быть разрешено иначе, как появлением третьей функции, которая была бы синтезом первых двух. Такой функцией и является средство сбережения сокровища. Деньги, как сокровище, отличаются и от мерила стоимостей и от орудия обращения и вместе с тем имеют черты сходства с ними. С мерилом стоимости сближает сокровище то, что последнее должно быть тоже вещественным воплощением всеобщего общественно-необходимого труда, но деньги, как средство сбережения сокровища, в отличие от мерила стоимости, выступают не идеально, а вещественно. С орудием обращения сокровище сближает как-раз то, что они оба выступают вещественно, но отличает то, что деньги, как сокровище, вывыступают как воплощение труда, в то время как в качестве орудия обращения деньги могут выступать в виде знака стоимости. Вместе с тем, деньги, как сокровище, лишены тех противоречий, которые мы отметили в каждой из первых двух функций. Сокровище является воплощением труда и выступает вещественно.

Выше мы привели выдержку из курса тов. Кона, из которой было видно, что он считает, что в функции средства сбережения сокровища *природа денег выявляется целиком*. Мы думаем, что это утверждение тов. Кона правильно. Но для нас непонятно, как может ужиться с ним следующее положение, выдвигаемое тов. Коном на той же странице: «Собственно в качестве средства сохранения стоимости может выступать любой товар, если он обладает достаточной прочностью для того, чтобы сохранять стоимость в течение продолжительного времени. Поэтому нередко в роли средства сохранения стоимости выступают всякого рода драгоценные камни. Однако, денежный товар имеет в этом отношении то преимущество, что, являясь непосредственным представителем абстрактного общественного труда, он обладает свойством непосредственной обмениваемости на другие товары» (182). Здесь проглядывает вторая сторона сущности денег в интерпретации Кона—техническое средство для ликвидации всяких затруднений безденежного обмена. Только с этой точки зрения можно говорить, что сокровищем может быть любой товар, но что денежный товар имеет только преимущество. Мы думаем, что в товарном хозяйстве функцию сокровища может выполнять только денежный товар и что эта функция с неизбежностью вытекает из сущности денег, как единства мерила стоимости и орудия обращения. «Товар, говорит Маркс, становится деньгами, как соединение мерила стоимостей и орудия обращения, или соединение мерила стоимостей и орудия обращения—есть деньги. Как такое соединение, золото имеет, однако, самостоятельное существование, отдельное от его существования в обеих функциях. Как мерило стоимостей, оно является только в идее деньгами и золотом, как орудие обращения, оно только—символические деньги и символическое золото, но в своей обыкновенной металлической телесности золото—деньги или—действительное золото» [1]).

Взгляды тов. Кона на проблему стоимости денег и количества денег отличаются крайней неустойчивостью и противоречивостью.

«Остановим свое внимание на тех революциях цен, которые происходят вследствие *облегчения и увеличения* добычи благородных металлов», предлагает тов. Кон (стр. 156). Дальше он приводит статистику добычи золота и заявляет: «*Параллельно* увеличению добычи денежных металлов мы наблюдаем всеобщее увеличение товарных цен»... «Отмечаемое нами повышение цен нередко об'яснялось фактом увеличения количества денег. Такое об'яснение глубоко неверно» (157).

---

[1]) „К критике“ стр. 117, ГИЗ Украины. 1923.

Какое же об'яснение этого явления предлагает сам тов. Кон? Его об'яснение сводится к следующему:

«Здесь мы имеем дело с понижением стоимости благородных металлов, и именно это обстоятельство, а не простое увеличение количества денег, привело к понижению товарных цен. Мы видим, что рост товарных цен, связанный с понижением стоимости денег, происходит не мгновенно, а растягивается на довольно значительный период. При этом важно отметить последовательность втягивания отдельных стран и отдельных товаров в этот процесс. Прежде всего, происшедшее понижение стоимости благородных металлов дало себя чувствовать в странах, непосредственно производивших разработки золота и серебра в Америке, т.-е. в первую голову в Испании, которой принадлежало большинство вновь открытых россыпей, и в Португалии. *Именно сюда устремились потоки дешевого американского золота и серебра*» (157—158).

Приведенные выдержки показывают, что в данном случае мы имеем своеобразное смешение трудовой и количественной теории стоимости денег. Стоимость денег, как и всякого товара, определяется количеством всеобщего труда общественно-необходимого для его производства при данном уровне развития производительных сил. Если стоимость золота относительно падает, это должно найти свое отражение в уровне товарных цен. И вот оказывается, что изменение количества золота является звеном, механизмом, через посредство которого новая стоимость золота влияет на уровень товарных цен. Иначе говоря, количественный момент на стороне денег привлекается тов. Коном для об'яснения уровня цен. Это, однако, не мешает тов. Кону несколькими страницами дальше стать на прямо противоположную точку зрения. «Чем выше сумма цен товаров, говорит он, тем при прочих равных условиях большее количество средств обращения требуется рынком и наоборот. Отсюда понятно, почему в периоды революций цен рынок переполняется деньгами. Нередко думают, что именно переполнение рынка деньгами вызывает повышение товарных цен в эпоху «революции цен». Теперь мы наглядно убеждаемся, что дело обстоит как-раз наоборот, падение стоимости денег и связанное с ним повышение товарных цены вызывают переполнение рынка деньгами» (169). Эта вторая точка зрения является в отличие от первой правильной (если при этом только выправить ее формулировку, а именно, вместо переполнения рынка деньгами в конце фразы говорить об увеличении количества орудий обращения. Эту поправку необходимо сделать, так как переполнения полноценными деньгами рынка вообще не может быть).

По Марксу количество денег не может быть привлечено в качестве фактора уровня цен при свободном металлическом обращении как в том

случае, когда стоимость денежного металла остается стабильной, так и в том случае, если стоимость его изменяется. «При неизменной стоимости товаров цены их изменяются с изменением стоимости самого золота (денежного материала), пропорционально повышаются, если последняя падает и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким *повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег*. Правда, причиной изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции меры стоимости. *Сначала* цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению стоимости денег, а *затем* масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров» [1]).

Прав тов. Кон второй редакции, т.-е. Кон, отрицающий влияние количества денег на уровень товарных цен, но тот же Кон позже опять скатывается к количественной теории. «*Покупатели товаров могли бы, говорит он теперь, обладать количеством денег, недостаточным для покупки всех товаров,* лишь в том случае, если бы было нарушено равновесие общественного производства. *Однако, этот факт сказывается уже в процессе измерения стоимости*. Мы уже отмечали выше, что цена далеко не всегда количественно совпадает со стоимостью. Нарушение равновесия общественного производства сказывается уже в процессе измерения стоимости, приводя к отклонению цен вниз от стоимости, приводя к отклонению цен от стоимости в отраслях чрезмерно расширившихся и вверх от стоимости в отраслях сравнительно отстающих» (170). Здесь, как мы видим, количество денег оказывает свое влияние при выполнении деньгами функции мерила стоимости. Если денег недостаточно, то держатели денег начнут оценивать деньги выше, а товары ниже и товарные цены упадут. В Коне - количественнике неизбежно пробуждается суб'ективист.

При такой трактовке вопроса чрезвычайно «глубокое» содержание получает фраза, написанная Коном вслед за последним приведенным нами положением. «Таким образом, количество средств обращения всегда оказывается равным сумме товарных цен, деленной на количество оборотов». Если количество денег определяет уровень товарных цен, то количество денег в обращении будет тем самым соответствовать уровню товарных цен.

Марксистское содержание закона количества денег выхолащивается и закон принимает вид безобидной тавтологии.

---

[1]) „Капитал", т. I, стр. 88, изд. ГИЗ, 1920 г.

Тов. Кон затем переходит к анализу монеты. Указав, что монеты в обращении стираются, при чем стираются неравномерно, тов. Кон констатирует, что «несмотря на это, все остающиеся в обращении одноименные монеты могут сохранить одинаковую *покупательную силу*» (171). Известно, что Маркс не применял термина «покупательная сила». Поэтому интересно, какое же содержание вкладывает в это понятие тов. Кон. «Мы уже установили, говорит он, что количество средств обращения равняется сумме товарных цен, деленной на количество оборотов средней монеты $К = \frac{Сц}{0}$. Эта формула позволяет установить, что каждая монета покупает при каждом своем обороте различные товары на сумму, равную сумме товарных цен, деленной на скорость оборота средней монеты, деленной на количество средств обращения $\frac{Сц}{О \times К}$. Вот эту-то величину $\frac{Сц}{О \times К}$ мы и называем покупательной способностью» (172).

Каково познавательное значение этого понятия «покупательная способность»? Тов. Кон сам совершенно резонно дальше говорит, что «выражение покупательной способности полноценных монет представляет собою простую тавтологию» (172).

Да оно и не может быть иначе. Примем стоимость денег за единицу. Предположим, что сумма товарных цен, выраженных в той же единице, равняется 1.000 и скорость обращения денег равняется 2. В таком случае потребность в деньгах равняется—X единиц $= \frac{1.000 \text{ единиц}}{2} = 500$. Можно ли из этой формулы определить «покупательную способность» денег? Закономерно ли для этого проделать ту операцию, которую предлагает нам тов. Кон, т.-е. $\frac{1.000 \text{ единиц}}{2 \times 500 \text{ единиц}}$? Отнюдь нет. «Покупательная способность» денег в том смысле, как ее понимает тов. Кон, является величиной данной. Стоимость денег уже известна, когда определяют товарные цены (в данном случае она равна единице), и для ее исчисления никаких арифметических операций не нужно производить. За безобидной арифметикой и тавтологией кроется в действительности опасность извращения марксизма. Из этой формулы можно сделать тот вывод, что «покупательная способность» денег является функцией суммы товарных цен и количества денег в обращении, вывод в духе количественной теории денег.

Зачем же понадобилась тов. Кону эта вторая формула? Оказывается, что она необходима для выведения стоимости монеты при закрытой че-

канке. В своем ответе критикам первого издания Курса тов. Кон писал *), что только это понятие способствует об'яснению явления неполноценной монеты при закрытой чеканке. И действительно, тов. Кон пользуется этой формулой для об'яснения «покупательной способности» монеты при закрытой чеканке.

«Допустим, говорит он, что обращению требуется 2 млрд. рублей средств обращения. Правительство (которому при системе закрытой чеканки принадлежит монополия чеканки) выпускает на рынок не 2 млрд. рублей, а 2 млрд. монет, из которых каждая содержит в себе золота всего на 80 реальных копеек, так что общая масса средств обращения составит 1,6 млрд. рублей. Понятно, что покупательная способность денег повысится по сравнению с их стоимостью. Монета с реальным содержанием золота в 80 копеек будет ходить за 1 рубль.

$$\text{Пс} = \frac{\text{20 млрд. полновесных руб.}}{10 \times 2 \text{ млрд.}} = \text{полновесному руб. (стр. 174).}$$

Прежде всего, откуда взялись в формуле «20 млрд. рублей» в числителе и «10» в знаменателе? В тексте об этом ни слова не сказано. По аналогии с формулой на странице 172 мы можем догадаться, что первая величина есть сумма товарных цен, а вторая—скорость обращения денег. По аналогии с той же формулой мы можем догадаться, что 2 млрд. есть сумма выпущенных монет.

Переходя к анализу положений, выставленных тов. Коном, мы должны заметить ряд неточностей в его формулировке.

1. Правительство выпускает не просто 2 млрд. монет, а снабжает их тем же наименованием, которое имеют и полноценные монеты, а именно—«рубль».

2. Из того факта, что каждая неполноценная монета содержит золота всего на 80 реальных копеек, нельзя делать вывода, что общая масса средств обращения составит 1,6 млрд. рублей. Здесь тов. Кон смешивает два момента: стоимость затраченного правительством на чеканку монет металла, которая действительно равняется 1,6 млрд. рублей и массу средств обращения, которая равняется 2 млрд. рублей. Тов. Кон, повидимому, и сам не придает какого-либо серьезного значения этой величине «1,6 млрд. рублей», *и поэтому она в формуле у него вовсе не фигурирует*.

3. Наконец, нельзя говорить, что покупательная сила денег повысится по сравнению с их стоимостью. Нужно сказать, что стоимость денег будет при данных условиях выше стоимости металла, заключенно-

*) См. „Вестник Коммунистической Академии“, кн. XXV, стр. 276.

го в монете. При формулировке тов. Кона получается, что стоимость денег при закрытой чеканке определяется стоимостью металла, заключенного в монете. Уровень товарных цен зависит от стоимости денег. Следовательно, чем меньше стоимость металла в монете, тем выше уровень товарных цен. А чем выше уровень товарных цен, тем ниже покупательная сила денег. Получается, что между покупательной силой монеты при закрытой чеканке и стоимостью металла, в ней заключенного, имеется прямая зависимость, а это противоречит действительности.

4. Формула Кона в применении к неполноценной монете при закрытой чеканке является механическим соединением двух формул марксистской теории денег, при чем это соединение отнюдь не способствует уяснению предмета, а, наоборот, его затемнению.

По марксистской теории следует вначале определить количество полноценных денег, потребных для оборота (при этом всегда предполагается, что ценность денег известна). Если взять числовые примеры тов. Кона, то мы получим, что количество потребных денег для оборота будет равняться по формуле

$$К\ д = \frac{Сц}{0} = \frac{20\ млрд.}{10} = 2\ млрд.\ рублей.$$

Теперь для того, чтобы определить стоимость монеты в обращении при закрытой чеканке достаточно разделить количество потребных денег на количество выпущенных денег; в данном случае мы получим $\frac{2\ млрд.}{2\ млрд.} = 1$, т.-е. стоимость неполноценной монеты при закрытой чеканке равняется стоимости полноценной монеты. Если бы правительство выпустило не 2, а 2,5 млрд. рублей, то стоимость 1 монеты, наименованной 1 рубль, равнялась бы $\frac{2\ млрд.}{2{,}5\ млрд.} = 0{,}8$ рубля полноценного.

Таким образом, понятие покупательная сила денег является излишним для уяснения стоимости монеты при закрытой чеканке и ничего, кроме путаницы, оно внести не может.

На ряду с этой основной ошибкой тов. Кона в вопросе о стоимости монеты у него имеются отдельные более мелкие ошибки и неудачные формулировки в этой же области.

Тов. Кон, например, считает, что «при закрытой чеканке государство имеет возможность строго регулировать количество средств обращения, поступающих на рынок. Оно может искусственно создавать «денежный голод» и тем повышать покупательную способность денег» (173). Нам кажется, что тов. Кон в данном случае переоценивает возможности государства. Потребность в деньгах не является чем-то неизменным, на-

оборот, она весьма эластична. Недостаток в деньгах может быть восполнен расширением сферы безденежных расчетов, усилением обращения торговых денег—векселей,—ускорением обращения наличных денег, наконец, в отдельных случаях могут начать функционировать иностранные деньги и т. д. Словом «денежный голод» не всегда ведет к росту «покупательной силы» денег.

Дальше тов. Кон говорит, что «если государство в целях поддержания повышенной покупательной способности отказывается от дальнейшего выпуска денег на рынок, покупательная способность монеты, раз поднявшись, остается на этом повышенном уровне» (174). Тов. Кон упустил здесь указать, что «покупательная способность» монеты останется на том же уровне, при условии, если потребность в деньгах не изменится. Эту оговорку необходимо сделать, так как потребность в деньгах чрезвычайно динамична.

Переходя к биллонной (разменной) монете, т. Кон выводит формулу, которой определяются пределы выпуска этих монет, и говорит: «Эта формула представляет собою норму, превышение которой ведет к падению покупательной способности разменной монеты против номинала» (180). Тов. Кон, повидимому, забыл, что биллонные монеты, излишне выпущенные, пред'являются к платежу или к размену в государственные кассы и, коль скоро разменная операция производится беспрепятственно, стоимость биллонной монеты не опускается ниже соответствующей части стоимости полноценной монеты (например, 10 коп. серебром в довоенной России всегда равнялись $^1/_{50}$ стоимости 5-рублевой золотой монеты).

Совершенно неверна следующая формулировка тов. Кона:

«Держателей средств обращения интересует не их стоимость, а их специфическая потребительная стоимость. Для них не важно, обладают ли те или другие средства обращения стоимостью и в каком размере, важно на какое количество других предметов эти средства обращения способны обменяться» (181). Это положение тов. Кона противоречиво. С одной стороны, держателей денег интересует только их специфическая потребительная стоимость и вовсе не интересует их стоимость, но, с другой стороны, им важно знать, на какое количество товаров эти средства способны обеменяться.

Чем же в таком случае определяется это количество других товаров, неужели специфической потребительной стоимостью денег? До сих пор мы думали, как и все марксисты, что это зависит от стоимости товаров и от стоимости денег. По формулировке же тов. Кона оказывается, что от стоимости денег это не зависит. Вероятно, тов. Кон имел в виду сказать, что держателя орудия обращения вовсе не интересует,

является ли последнее стоимостью, т.-е. действительным воплощением всеобщего труда или только знаком стоимости. Если это так, то следовало дать именно такую простую и ясную формулировку.

В заключение мы остановимся еще на одном чрезвычайно важном вопросе. Знак стоимости—неполноценная монета и бумажные деньги—являются символом, представителем золота. Возникает вопрос: какое же золото представляют и символизируют в обращении знаки ценности? Тов. Кон отвечает на этот вопрос по разному, при чем умудряется даже дать два различных ответа в одной фразе.

«Каждая неполновесная монета приобретает теперь покупательную способность, равную тому количеству полновесного золота, которое эта монета замещает в обращении. Выражение покупательной способности неполновесных монет говорит о том, что неполновесные деньги, неравные полновесным по стоимости, вполне равны им в качестве средств обращения, что в этой функции неполновесная монета является заместителем и представителем полновесного золота, представленного в цене товара» (172—173).

Первый ответ—неполноценная монета является символом полноценной монеты, которая должна была бы выступать в качестве орудия обращения. Второй ответ—неполноценная монета является символом золота, выполнявшего функцию мерила стоимости.

Эти ответы взаимно исключают друг друга. Между тем, у тов. Кона они преспокойно уживаются.

Правильным является только первый ответ, ибо в этом случае—

1) неполноценные деньги являются символом реальной вещи и

2) ясна связь между стоимостью знака стоимости и стоимостью полноценной монеты через соотношение количества выпущенных знаков стоимости и количеством потребных полноценных монет.

При втором ответе: 1) неполноценная монета является символом денег, как мерила стоимости, которое само выступает идеально, т.-е. полный отрыв от материи и 2) не ясна связь с количеством денег.

Тов. Кон уже при выпуске второго издания своего курса переработал раздел о деньгах. Если ему удастся выпустить курс третьим изданием, не лишне будет этот раздел еще раз переработать.

Антикритика

(По поводу книги „H. Block—Die Marxsche Geldtheorie").

Несколько лет тому назад в немецкой литературе появилась обстоятельная работа ученика проф. К. Диль—Герберта Блока, посвященная Марксовой теории денег. Эта книга не переведена на русский язык и не достаточно у нас известна, между тем, на ее ошибках можно научиться тому, как не следует понимать и толковать теорию денег Маркса. Поэтому, мы считаем полезным включить в нашу работу краткий очерк о книге Г. Блока.

Книга Г. Блока делится на две части: первая излагает теорию денег Маркса, вторая дает оценку этой теории.

Вторая часть начинается с совершенно правильного предостережения критикам Маркса от разложения экономической системы Маркса на отдельные составные части и их обособленного обсуждения. «Легко, говорит Блок, Марксову теорию денег разбить на кусочки меркантелизма, учения издержек производства, количественной теории, banking principle и т. д. и при этом усматривать достижение Маркса в том, что он эти различные элементы своеобразным способом об'единил и вовлек в свою общую систему» [1]).

Для себя Блок считает нужным избрать другой метод—анализ всей системы теории денег Маркса в связи с его общей теорией политической экономии. Насколько Блок следует этому методу, мы увидим из дальнейшего.

Так как Маркс выводит сущность денег из учения о ценности, Блок уделяет последнему значительное место. Ценность товара по Марксу, как известно, определяется, количеством абстрактного труда общественно-необходимого для его воспроизводства. Блок ставит вопрос,—что же понимал Маркс под общественно-необходимым трудом и тут же отвечает: «Несомненно, Маркс время от времени понимал под общественно-необходимым трудом средний технический труд... Но также несомненно, что Маркс... придавал время от времени понятию «общественно-необходимое»

---

[1]) Herbert Block.—Die Marxsche Geldtheorie. Jena 1926, стр. 33.

другое значение, в том смысле, что под общественно-необходимым теперь понимается время, необходимое для удовлетворения общества» [1]).

Блок правильно считает, что понимание общественно-необходимого труда в этом последнем смысле имеет своим следствием то, что предпосылкой технических средних условий производства продукта является потребность общества, определяемая платежеспособным спросом.

Он отдает себе отчет также и в том, что понимание общественно-необходимого труда не в «технологическом» смысле слова, а в смысле «общественно-потребительном» приводит к тому, что ценность товара становится зависимой от спроса, и, таким образом, в об'ективное учение о ценности вкрадываются суб'ективные элементы.

В заключение Блок сам заявляет, что «только формулировка общественно-необходимого времени в смысле технологической средней согласуется с Марксовой теорией денег» [2]).

Весь этот раздел книги Блока, посвященный анализу общественно-необходимого труда, бьет мимо цели. Отыскание несуществующих противоречий между первым и третьим томом Капитала является довольно затасканным методом буржуазной критики Марксовой политической экономии. Ничего нового, оригинального Блок в эту «критику» не внес. В частности у Маркса безусловно только одно понимание общественно-необходимого труда, а именно в «технологическом» смысле слова или точнее общественно-необходимый труд определяется состоянием производительных сил—совокупности материальных и личных факторов производства. За недостатком места мы не останавливаемся на доказательстве этого положения и отсылаем читателя к работам И. И. Рубина, Т. Григоровичи(обращаем внимание на предисловие Ш. М. Дволайцкого к книге Т. Григоровичи) и к дискуссии в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922/23 год.

Ограничимся тем, что обратим внимание читателя на одно замечание Блока, относящееся к данному вопросу и характеризующее степень понимания им Марксовой политической экономии. «Интерпретация общественно-необходимого труда из труда, который на определенной ступени культуры может быть достигнут средним рабочим со средним техническим оборудованием, не представляет, говорит Блок, еще, однако, значительного успеха по сравнению с пониманием теоретиков трудовой ценности и трудовых денег. Еще Labour Exchange Оуэна давал своим поставщикам свидетельства, не исходя из их индивидуального рабочего времени, а платил на основе такс, в которых установлено было среднее необходимое время производства для каждого рода товаров. Маркс дол-

[1]) Указанное сочинение, стр. 49.

[2]) Там же, стр. 55.

жен был совершить ту же ошибку, которую он порицал в утопии трудовых денег» [1]).

Маркс порицал у авторов трудовых денег, с одной стороны, незнание действительных законов товарно-капиталистического общества и, с другой стороны, желание применить действительные законы в практической жизни, без учета среды, противодействующей их осуществлению.

По мнению Маркса, авторы различных теорий трудовых денег не учли, во-первых, что в конкретной действительности товары обмениваются не по их ценности, т.-е. не в соответствии с количеством абстрактного труда, общественно-необходимого для их производства, а по рыночным ценам, которые могут отклоняться от ценности в зависимости от спроса и предложения. Закон ценности есть закон равновесия товарного хозяйства. Отклонение цен от ценности является единственным механизмом, который за спиною агентов товарного хозяйства производит распределение производительных сил между отдельными отраслями производства. Создание же в рамках товарного производства банков, которые регулировали бы цены товаров без одновременного регламентирования масштаба производства, привело бы к банкротству такого банка, обязанного по проекту авторов принимать (покупать) все производимые товары. Мы уже не говорим о том, что банк не обладает никакими возможностями установления общественно-необходимого труда, необходимого для производства каждого товара.

Что могло дать Блоку повод бросить Марксу упрек в том, что он должен был якобы совершить ту же ошибку, которую он сам порицал в утопии трудовых денег.

Поводов нет никаких, а причина кроется в желании Блока найти у Маркса во что бы то ни стало ошибки и противоречия. Такова целевая установка его книжки.

Можно ли упрекать физика, видящего как невежественный изобретатель при конструкции прибора исходит из непосредственного применения в воздушном пространстве закона тяжести, сформулированного, как известно, для безвоздушного пространства, в том, что он сам впадает в ту же ошибку, так как вообще признает этот закон. Всякий, даже мало смыслящий в физике, человек поймет, что такое обвинение абсурдно, по меньшей мере, нелогично. А вот доктор Блок, критикуя Маркса, позволяет себе такие нелепые выпады.

Дальше Блок переходит к анализу противоречий товара, выявленных Марксом и положенных им в обоснование возникновения денег.

---

[1]) Там же, стр. 48—49.

Первое противоречие товара, установленное Марксом, заключается в противоречии потребительной ценности и ценности. По мнению Блока: «Если деньги выводятся из внутреннего противоречия ценности и потребительной ценности, то получается следующее. Противоречие, на которое Маркс наталкивается, состоит в том, что обмен двух товаров предполагает, что они являются потребительными ценностями, но в то же время потребительными ценностями они становятся только при посредстве обмена. Одно и то же свойство должно быть одновременно предпосылкой и следствием процесса» [1].

Блок считает, что в действительности здесь никакого противоречия нет, так как до вступления в обмен товар является об'ективной потребительной ценностью, после же обмена он становится суб'ективной потребительной ценностью, т.-е. в обоих случаях речь идет о различных потребительных ценностях. Поскольку нет противоречия, нет и его разрешения.

Что же касается второго противоречия, открытого Марксом в товаре, противоречия между индивидуальным и общественно-необходимым трудом, то Блок признает наличие здесь проблемы, однако, он считает, что появление всеобщего эквивалента не может разрешить это противоречие, так как «товар является вначале только результатом индивидуального рабочего времени, а сравнивать можно только равное с равным. Должно быть сделано фантастическое предположение, что деньги, или еще больше, владелец денег обладают шестым чувством, дающим им возможность познавать, сколько общественного труда содержится в предмете спроса. Однако, человек не обладает этим мистическим инстинктом» [2].

Приведенные критические замечания Блока обнаруживают по-просту непонимание им взглядов Маркса на сущность денег. Поэтому и критика его бесплодна.

Прежде всего первое противоречие товара, как мы уже указали, заключаются в противоречии между потребительной ценностью и ценностью. Это известно и Блоку. Он подробно повествует о нем в первой части работы и упоминает во второй части, и, несмотря на это, вся критика ограничивается указанием на отсутствие противоречия в самом понятии потребительной ценности. Раньше кастрируется положение, выставленное автором, а затем оно «критикуется». Метод достойный вульгарной буржуазной экономической науки.

Тем не менее, вопреки утверждению Блока, само понятие потребительной ценности противоречиво.

---

[1]) Там же, стр. 57.
[2]) Там же, стр. 60.

В «К критике политической экономии» Маркс говорит: «Товар есть потребительная ценность, напр., пшеница, полотно, алмаз, машина и т. д., но как товар он вместе с тем и не есть потребительная ценность. Если бы он был потребительной ценностью для своего владельца, т.-е. простым средством для удовлетворения его собственных потребностей, то он не был бы товаром. Для владельца он скорее не потребительная ценность... Следовательно, он еще должен сделаться потребительной ценностью именно для других... Потребительными ценностями товары делаются лишь тогда, когда переменяются местами, когда переходят из рук, в которых они были средствами обмена, в руки, в которых они являются предметами потребления... В процессе этих отношений товаров друг к другу, как потребительных ценностей, они не получают никакой новой экономической формы. Скорее исчезает и та форма, которая характеризовала их как товары» [1]).

Это не единственное противоречие, которое обнаруживает Маркс в категориях товарного хозяйства. Аналогичное противоречие он устанавливает в понятии всеобщего общественно-необходимого времени. «Товары, с одной стороны, говорит Маркс, должны вступить в меновой процесс как овеществление всеобщего рабочего времени, а с другой,—само это овеществление индивидуального рабочего времени, как всеобщего и общественного, может быть лишь результатом менового процесса» [2]).

Даже, если бы, как это полагает Блок, понятие потребительной ценности и не было бы противоречиво, это не освобождает его от анализа противоречия между потребительной ценностью и ценностью. Блок же вовсе умалчивает об этом противоречии, которое он, повидимому, не в состоянии опровергнуть.

Что же касается заявления Блока, что для разрешения второго противоречия товара деньги и их владельцы должны обладать шестым чувством, то Блок, вероятно, упустил из виду, что он пишет о товарно-капиталистическом обществе, законы которого осуществляются с железной необходимостью за спиной его участников. Апеллировать к чувству или познаниям агентов товарно-капиталистического общества, когда обсуждаются серьезные теоретические проблемы политической экономии, значит привносить в науку обывательщину и демонстрировать свою беспомощность. Агенты этого общества, напр., не знают, что бумажные деньги являются только знаком ценности, орудием обращения и не могут выполнять функции мерила ценности, им кажется, что эту функцию выполняют бумажные деньги, и тем не менее Блок признает, что мерилом

---

[1]) Указанное сочинение, стр. 42—43.

[2]) Там же, стр. 46.

ценности и при бумажно-денежном обращении остается золото. В вопросе же о сущности денег Блоку понадобилось привносить в теоретическую экономику чуждые ей элементы.

Продолжая свой анализ взглядов Маркса на сущность денег, Блок замечает, что Маркс, собственно говоря, рассматривает деньги с двух точек зрения: социал-философской и экономической. «С философской точки зрения Маркс понимает под деньгами овеществленное общественное отношение» [1]).

«Под деньгами в экономическом смысле Маркс понимает товар, который вследствие своих естественных свойств приспособлен к перенятию функции всеобщего эквивалента у всех других товаров» [2]).

Однако, по мнению Блока, «философское содержание не может быть внедрено в экономические категории».

Здесь все от начала до конца неверно. У Маркса нет двух точек зрения—философской и экономической, его точка зрения на экономические категории едина. Все экономические категории Маркса насквозь социальны, ибо об'ектом марксистской политической экономии являются производственные отношения людей в товарно-капиталистическом обществе, принимающие форму вещей, а не вещи сами по себе. Анализ овеществленных производственных отношений производится не философией, а экономической наукой, в этом ее назначение. Поэтому из'ятие из политической экономии «философского содержания» означало бы ликвидацию самой науки. Поклепом на Маркса является заявление Блока о том, что в экономическом смысле (!) Маркс понимает под деньгами товар (читай—вещь, Б. Б.), который вследствие своих естественных свойств приспособлен к перенятию функций всеобщего эквивалента. Именно в экономическом смысле деньги являются овеществлением производственных отношений, возникающих в товарном хозяйстве.

Переходя к вопросу о ценности денег, Блок заявляет следующее: «Другая группа металлистов определяет, что производство является не целью, а основанием ценности денег. Не возможность служить целям производства, а тот факт, что они появились в результате производства, создает ценность денег. Не потребительная ценность золота в обработке, а ценность производства измеряет высоту ценности золота. К металлистам этой группы принадлежит Маркс. Он усматривает особенность денежного товара в том, что его индивидуальная трудовая ценность представляет всеобщий человеческий труд» [3]). Здесь, как и в других местах

---

[1]) Там же, стр. 61—52.
[2]) Там же, стр. 62.
[3]) Там же, стр. 65.

своей работы, Блок от щедрот своих наделяет Маркса несвойственными ему взглядами, для того, чтобы иметь возможность констатировать наличие парадокса. Откуда Блок взял, что по Марксу ценность золота определяется не общественно-необходимым трудом, а индивидуальным? Работы Маркса не дают поводов для подобного рода утверждений. Ценность золота, как и всякого другого товара, определяется количеством труда, общественно-необходимого для его производства. Индивидуальные трудовые затраты отдельных золотоискателей могут отклоняться от ценности золота.

Мы не можем не отметить того факта, что приписывание Марксу несвойственных ему взглядов является не случайностью, а системой «критики» Блока. Так, напр., в одном месте он излагает взгляды Маркса следующим образом: «Если в товаре потребительная ценность и ценность непримиримо друг другу противостоят, то в деньгах это противоречие преодолено, так как потребительная ценность денег состоит в том что они являются ценностью, а их ценность в том, что «они являются потребительной ценностью для всех, всеобщей потребительной ценностью» [1]). Это изложение взглядов Маркса претендует, повидимому, на точность, так как часть фразы даже взята в кавычки и, как указывает Блок, является выдержкой из «К критике политической экономии» (нем. изд., стр. 27, русск. перев., стр. 48). Посмотрим, что же в действительности говорил Маркс. У него эта фраза выглядит следующим образом: «Таким образом, в одном товаре разрешается противоречие, которое заключает в себе товар как таковой, именно: быть особой потребительной ценностью и вместе с тем всеобщим эквивалентом, а поэтому и потребительной ценностью для всех, всеобщей потребительной ценностью». Разница, как видит читатель, заключается в том, что Блок между прочим подсовывает Марксу взгляд противоречащий всей его системе, а именно, что ценность денег состоит в том, что они являются всеобщей потребительной ценностью.

Еще в первой части книги, излагая теорию денег Маркса, Блок делает следующий вывод относительно теории бумажных денег Маркса. «Для настоящих бумажных денег, таким образом, имеет силу количественная теория, которую Маркс для металлических денег и кредитных денег резко отвергал» [2]). Во второй части Блок продолжает в том же духе свои рассуждения по поводу теории бумажных денег Маркса. Он говорит: «Марксову учению присуща наклонность к заключениям количе-

---

[1]) Там же, стр. 55.
[2]) Там же, стр. 13.

ственной теории. Что в основе марксова закона количества денег лежит количественное уравнение, я уже изложил; и в действительности теория, которая для бумажно-денежного хозяйства воспринимает количественную теорию не должна вызывать никаких основательных сомнений против количественного уравнения» [1]). На ряду с обвинениями Маркса в приверженности к количественной теории в отношении бумажных денег мы находим у Блока утверждение, что Маркс является функционалистом. «Функциональной ценности теоретик трудовой ценности естественно не знает, но в понятии символа лежит незаметно для Маркса представление о функциональной ценности, когда Маркс говорит, что разменные монеты «являются символом золотой монеты не потому, что они имеют ценность, но потому, что они ее не имеют» [2]).

Обвинение Маркса в том, что он для металлических денег придерживается трудовой теории ценности, а для бумажных денег и для монет с закрытой чеканкой признает количественную или функциональную теорию, не ново. В русской литературе эта точка зрения была высказана, напр., проф. З. С. Каценеленбаумом [3]). Нас поражает только, как у Блока слова расходятся с делом. В начале очерка мы отметили, что Блок подчеркивает необходимость при анализе теории денег Маркса, всестороннего, последовательного изучения всей системы его взглядов и бесцельность выдергивания отдельных цитат и преподнесения их в извращенном толковании. Когда же сам Блок приступает к критике Маркса, он фатально становится на этот же скользкий путь и находит у Маркса кусочки количественной и функциональной теорий.

Так как подобная точка зрения на теорию Маркса, несмотря на ее явную ошибочность, распространена, мы вкратце восстановим систему рассуждений Маркса, приведшую его к известным выводам относительно ценности бумажных денег. Тезис, который выставляем мы, заключается в том, что вопреки Блоку теория денег Маркса монистична, его взгляды на ценность бумажных денег диалектически вытекают из его взглядов на ценность металлических денег.

Положения Маркса, относящиеся к данному вопросу, кратко могут быть сформулированы следующим образом:

1. Ценность металлических денег при свободе чеканки определяется ценностью металла, в котором деньги овеществлены.

2. При данной ценности металлических денег количество денег, находящихся в обращении, определяется суммой товарных цен и т. д.

---

[1]) Там же, стр. 111—112.
[2]) Там же, стр. 115.
[3]) См. его книгу „Учение о деньгах и кредите", ч. I, изд. 1923 г., стр. 46.

3. Деньги, потребные товарообороту, могут быть при закрытой чеканке заменены неполноценными знаками того же наименования и в том же количестве. Ценность знака ценности определяется ценностью той полноценной монеты, которую он замещает, символизирует в обращении.

4. Полноценная монета может быть заменена не только неполноценной монетой, но и знаком, вовсе не имеющим ценности,—бумажными деньгами. И в этом случае вся масса бумажных денег замещает сумму металлических денег того же наименования потребных товарообороту. Если номинально количество обращающихся бумажных денег совпадает с количеством потребных обороту одноименных золотых монет, ценность бумажно-денежной единицы будет совпадать с ценностью золотой единицы. Если же их будет больше, то бумажно-денежная единица будет представлять лишь соответствующую часть золотой единицы. В этом случае как бы происходит изменение масштаба цен, с сохранением прежнего наименования за единицей.

Приведенная нами цепь рассуждений марксистской теории денег показывает: 1) что положение 3 и 4 с неибежностью вытекают из положений 1 и 2 и 2) что ценность бумажных денег иначе, как на основе марксистских взглядов относительно ценности металлических денег и марксистского понимания количества денег при металлическом обращении, не может быть выведена.

В самом деле, какое познавательное значение имеет для определения ценности бумажных денег их фактическое количество в обращении, если не сопоставлять его с количеством денег потребных для обращения. А последнее не может быть иначе определено, как через сумму товарных цен. Товарные же цены предполагают сами по себе ценность денег данной. Получился бы заколдованный круг, если не принять во внимание, что данной является ценность денег металлических.

Подобно тому, как цена производства в капиталистическом обществе отлична от ценности товара, может быть научно познана только на основе закона ценности, и ценность бумажных денег может быть об'яснена, только исходя из марксистского определения ценности металлических денег *).

---

*) Сюда целиком применимы методологические указания, сделанные Марксом по другому поводу: „Вместо соответствия она (в данном случае ценность бумажных денег, Б. Б.) ему (закону ценности) prima facie противоречит, следовательно ее существование следовало развить при посредстве массы промежуточных звеньев, развитие, весьма отличное от простого подведения под закон ценности".—„Теории прибавочной ценности", т. II ч. I стр. 18, см. также стр. 137 и 208.

В каком случае можно было бы причислить Маркса к количественникам или функционалистам? К количественникам—если бы он выводил, подобно Гильфердингу, ценность бумажных денег не из сопоставления количества бумажных денег с количеством потребных золотых, а из непосредствнного противопоставления массы товаров и массы бумажных денег. У Маркса решающим фактором и при бумажно-денежном обращении является потребность в металлических деньгах. Несоответствие количества выпущенных бумажных денег с этой потребностью приводит лишь к изменению масштаба цен. Маркса можно было бы назвать функционалистом, если бы он непосредственно выводил ценность знака ценности из той функции, которую он выполняет. Маркс же базируется и в данном случае на своих взглядах относительно ценности металлических денег при свободной чеканке. Хотя Блок и понимает, что «строгий количественник абстрагируется от собственной ценности денежного материала и воскрешает товарную цену и соответственно с этим покупательную силу, ценность денежной единицы только на рынке из количественного отношения массы товаров и массы денег» [1]), он считает возможным причислить Маркса с некоторыми оговорками к количественникам. Мы надеемся, что нам удалось показать всю несправедливость и несерьезность такого обвинения.

---

[1]) Block, „Die Marxsche Geldtheorie, S. 102.

О замечаниях Петри по теории денег К. Маркса.

Заключительную главу своей работы [1]) Франц Петри посвятил теории денег Маркса. При этом Петри не имел в виду дать основательный анализ теории денег Маркса, а лишь хотел на примере теории денег показать, каким образом Маркс развивает свою общую методологическую точку зрения в трактовке отдельных проблем. Несмотря на такое ограничение, замечания Петри представляют интерес и заслуживают внимания.

Прежде всего Петри совершенно правильно указывает, что «Маркс стремится понять также и деньги, как общественное отношение производства, и выявить получающее в них свое выражение общественное трудовое отношение людей. Также и здесь его теорией владеет противопоставление тому еще очень часто господствующему именно в теории денег «фетишизму», который рассматривает деньги, как полезную, в силу ее материальных свойств, вещь, а их функции пытается понять чисто механически по аналогии с прочими техническими действиями» (стр. 91).

Петри вскрыл основную проблему сущности денег в марксовой теории. Надо прямо сказать, что ему это удалось сделать лучше, чем квази-марксистам Каутскому и Реннеру [2]), которые действительно понимают деньги фетишистки, а функции денег механически. Тем не менее социальную природу денег по марксовой теории Петри не понял. Он рассматривает деньги не как овеществленное производственное отношение, а как идеальное социальное отношение, и тем самым лишает теорию денег Маркса материалистического понимания, заодно Петри отбрасывает из теории денег Маркса и диалектику. На этих ошибках Петри мы и считаем необходимым остановиться.

«*Если отвлечься от того диалектического способа, посредством которого Маркс из «противоречий», заключающихся в процессе обмена товаров, пытается вывести деньги, как развитие и разрешение этих противоречий,* то для понимания теории денег Маркса существенно важны

---

[1]) „Социальное содержание теории ценности Маркса“, русский, перевод в издании „Московский рабочий“.

[2]) См. его работу „Теория капиталистического хозяйства“ русский перевод в изд. ГИЗ 1926 г.

два момента: 1) характер самой денежной формы и 2) тот образ и способ, посредством которого форма находит свое выражение в «товарном производстве» (стр. 92).

Сущность денег по Марксу не может быть понята вне диалектики. Диалектическое развитие противоречий товара и их разрешение деньгами является наиболее характерной чертой марксистской теории денег. Отвлекаться от диалектики в данном вопросе, как это предлагает Петри, значит отвлекаться от марксизма. В скобках заметим, что как только Петри начинает по существу излагать теорию денег Маркса, ему в действительности не удается отвлечься от диалектического разрешения деньгами внутренних противоречий товара, хотя, повидимому, он сам этого и не замечает. Это может быть показано, например, на следующей фразе: «Денежная форма продукта труда есть его равнозначимость со всяким любым иным продуктом труда. В этом свойстве непосредственной обмениваемости на все другие продукты (в отношении содержащегося в них труда) в этом его характере, как «всеобщего эквивалента, частный труд отдельного индивидума только и получает общественную форму, которая характеризует его как товаропроизводителя» (стр. 92). Петри этим замечанием подтверждает, что в деньгах находит свое разрешение противоречие товара, заключающееся в том, что труд индивидуальный, частный должен быть представлен в обращении, как собственная противоположность—труд абстрактно-всеобщий, общественно-необходимый.

«Деньги, продолжает Петри, не вещь, но специфическая форма, которую частный труд принимает в отношении к продуктам труда остальных товаропроизводителей, т.-е. общественное отношение, в которое вступают при известных условиях хозяйствующие личности посредством отношений обмена своих продуктов» (стр. 92). В этом положении обращают на себя внимание начальные слова: «Деньги не вещь, но специфическая форма». По Марксу—деньги—общественное отношение товарно-капиталистического общества, но это отношение неизбежно принимает *вещную форму*. Противопоставляя вещь форме, Петри впадает в ошибку. Никакой др. формы, кроме вещной, первичные производственные отношения агентов товарно-капиталистическтого общества не принимают. С другой стороны, и вещь является ничем иным, как формой, в которой находят свое внешнее выражение эти отношения [1]).

Каким же образом, каким путем товар, как продукт частного труда, получает денежную форму? «Этот путь, отвечает Петри, идет через фактическое *совпадение воль* членов общества, *их «соглашение»* о том, чтобы *придать* труду, содержащемуся в каком-либо особом определенном товаре,

[1]) См. „К критике", стр. 49. То обстоятельство, что общественные отношения в производстве представляются в форме вещи, находящейся вне лиц и т. д.

характер непосредственной обмениваемости и тем самым общественной значимости или, как выражает это Маркс, придать ему характер «всеобщего эквивалента» (стр. 93). Исторический процесс образования денег представлен Петри в идеалистическом виде и тем самым марксистская теория денег извращена. Маркс в категорической форме заявляет, что «деньги не являются продуктом мышления или результатом договора, но созданы инстиктивно в меновом процессе» [1]). У Маркса ни о каком договоре или соглашении нет речи, точно так же он говорит не о совпадении воль членов общества, а лишь об инстиктивном создании денег.

Идеалистические воззрения Петри нашли себе наиболее яркое выражение в его взглядах на ценность денег.

«Маркс требует, говорит он, чтобы основой денег был «товар», для него деньги лишь всеобщий товар. Но товарный характер денег не служит у Маркса обоснованием их ценности, напротив то, что только и превращает товар в деньги, придает им, как всеобщему эквиваленту, универсальную значимость. Таким образом, специфическая ценность денег покоится не на вещественных свойствах, а на протекающем совершенно независимо от них общественном действии товаровладельцев» (стр. 98). «Для него (Маркса), продолжает Петри, обоснование ценности денег зиждется не на их вещественно-причинной, а на их общественной функции» (стр. 99). Петри не только не понял Маркса, но навязывает ему свои собственные идеалистические взгляды.

Прежде всего Петри смешивает ценность и «универсальную значимость». Деньги действительно имеют «универсальную значимость», но не в смысле ценности, а в смысле всеобщей *потребительной* ценности. Только в таком понимании становится правильным утверждение Петри, что «специфическая ценность (всеобщая потребительная Б. Б.) денег покоится не на их вещественных свойствах, а на протекающем совершенно независимо от них общественном действии товаровладельцев». Смешение ценности денег с их всеобщей потребительной ценностью привело Петри к неправильному утверждению, что ценность денег зиждется на общественной их функции. В интерпретации Петри Маркс превратился в завзятого вульгарного функционалиста. Свое утверждение Петри снабжает примечанием, в котором оговаривается, что выдвигаемое им положение «не находится в противоречии с тем взглядом Маркса, что величина ценности денег обусловливается их свойством, как товара» (стр. 99). Однако, эта оговорка не спасает Петри, а, наоборот, выдает его с головой. В самом деле, как можно примирить два взаимно исключающие положения:

---

[1]) „К критике" стр. 49.

1. Товарный характер денег якобы не служит у Маркса обоснованием их ценности.

2. Величина ценности денег обусловливается по Марксу их свойством, как товара.

Субстанция ценности определяется одними факторами, независящими от товарной природы денег, а величина ценности денег обусловливается их товарными свойствами. Налицо безусловно непримиримое внутреннее противоречие во взглядах Петри и противоречие его интерпретации взглядам комментируемого им Маркса.

Корни внутреннего противоречия взглядов Петри находятся в его своеобразном понимании качественной и количественной стороны ценности. Он конструирует «идею ценности» и «закон ценности», которые у него совершенно оторваны друг от друга. К сожалению, мы не имеем возможности останавливаться на этом вопросе.

Что же касается взглядов Маркса, то никаких сомнений не может возникнуть относительно того, что и субстанция ценности и денег и величина их ценности целиком определяются им их товарной природой *).

Петри затем пытается установить место теории денег Маркса в ряде различных школ. «Этот разбор денег Маркса дает нам возможность выявить свою точку зрения по вопросу о том, был ли Маркс номиналистом или металлистом. Ответ зависит от того, как понимать самое эту противоположность. Если мы под металлистами разумеем те воззрения, которые считают, что ценность денег в конечном счете покоится на потребительной ценности металла, т.-е. является «субстанциональной ценностью», то Маркс не был металлистом» (стр. 98). «Если Маркс, таким образом, отличается от металлистов, то он, однако, настолько же далек и от радикального номинализма, для которого деньги суть только идеальная, вполне произвольная единица ценности» (стр. 99). «Мы видели, что в своей теории денег Маркс занял среднюю позицию между номинализмом и металлизмом» (стр. 101).

Петри сводит Маркса на роль эклектика, занимающего промежуточное оппортунистическое положение, он не видит всего своеобразия марксистской теории денег.

Если взгляды номиналистов изложены Петри в общем верно, то точка зрения металлистов-классиков им не уловлена.

Предшественником Маркса в политической экономии и, в частности, в теории денег был Рикардо. Как мы показали, в очерке о теории денег

---

*) См., напр., „Общественный акт может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент“ (Капитал, т. I, стр. 57). „Его (золота) собственная ценность определяется рабочим временем, необходимым для его производства“ (Капитал, т. I, стр. 61).

Рикардо, субстанцию ценности и величину ценности денег Рикардо, как и Маркс, уматривал в труде, а не в потребительной ценности металла, как думает Петри. И тем не менее по кардинальным вопросам теории денег взгляды Маркса отличны от взглядов Рикардо. И от взглядов номиналистов концепция Маркса резко разнится. Только поверхностное понимание теорий денег может привести к выводу, что Маркс занимает какое-то промежуточное место между названными школами.

Металлистическая теория денег—1) установила товарную природу денег и их ценности и 2) считала, что деньгами во всех функциях могут быть только металлы. Номиналистическая теория денег, наоборот—1) игнорировала товарную природу денег и 2) считала, что в своих функциях деньги могут быть не только металлическими, а и номинальными—бумажными. Маркс солидаризировался с первым пунктом товарно-металлистической теории и со вторым (приняв его ограничительно только для некоторых функций) пунктом номиналистической теории. Вот, примерно, те поверхностные рассуждения, которые позволяют сделать нелепый вывод о «среднем месте». Особенность теории денег Маркса здесь совершенно исчезла. Теория денег Маркса в действительности не совпадает ни с одной, ни с другой. Что ее отличает от обеих—это применение Марксом метода диалектического материализма. Ни металлисты, ни номиналисты не усматривают в деньгах овеществленного производственного отношения. Металлисты-классики хотя и признают товарную природу денег, но они считают деньги вещью, техническим средством для облегчения обмена, в то время, как Маркс диалектически выводит необходимость денег из внутренних противоречий товара, как овеществленного производственного отношения. Номиналисты принимают видимость явления (внешнюю номинальность бумажных денег) за их сущность и отрицают товарную природу денег вообще. Маркс занимал не среднее место между металлистами и номиналистами, а совершенно независимое от них, самостоятельное место.

Совершенно непонятным является замечание Петри, по поводу того, что у Маркса якобы, «грубо количественное понимание ценности бумажных денег» (стр. 97), тем более, что несколькими страницами дальше сам Петри признает, что «бумажные деньги оставались бы всегда знаками золота, изменение их ценности зависело бы, с одной стороны, от изменения ценности золота, а с другой, от количества обращающихся бумажных денег по сравнению с представляемой ими денежной суммой» (стр. 101). Петри просто не свел концы с концами.

Идеалистическая концепция Петри проявляется в следующем его недоумении. «Остается непонятным, говорит он, почему также и бумага не может представлять деньги в их «покоящемся бытии», по меньшей мере в качестве средства платежа и сокровища, в смысле банковских резервов.

Невозможность для бумаги выступить также в виде мировых денег, зависит от причин практического и организационного порядка, *но она не вытекает из понятия денег у Маркса*» (стр. 101).

Прежде всего неверным является утверждение Петри, будто Маркс считал, что в форме платежного средства всегда выступает золото. И банкнота и бумажные деньги по Марксу могут выполнять функцию платежного средства. «До сих пор мы рассматривали благородный металл в его двойном свойстве: как меру стоимости и как средство обращения. Первую функцию он выполняет—как идеальные деньги, как деньги, существующие в представлении; во второй функции он может быть замещен денежным знаком... Существует функция, которую он может выполнять *или в своем собственном лице или посредством заместителя,* где он всем остальным товарам, как просто потребительным ценностям, противостоит только как адекватное бытие их меновой ценности или единственный образ их ценности» [1]). Никаких сомнений не может быть в том, что Маркс имеет в виду в данном случае именно функцию платежного средства.

Точно так же неправильно отождествление Петри сокровища и банковских резервов. Маркс предостерегал от такого смешения. «В странах с чисто металлическим обращением, или находящихся на ступени неразвитого производства, сокровища чрезвычайно раздроблены и рассеяны по всей стране, тогда как в развитых буржуазных обществах они концентрируются в банковских резервуарах. Не нужно смешивать сокровища с монетным резервом, который сам составляет слагаемую часть общей суммы денег, находящихся постоянно в обращении, тогда как активное отношение сокровищ и орудий обращения предполагает упадок и возрастание этой общей суммы» [2]).

В качестве мировых денег сокровища и банковых резервов деньги должны действительно выступать как золото. «Существуют функции, говорит Маркс, в которых он (благородный металл, Б. Б.) должен выступить в своей золотой (или серебряной) плоти, следовательно, как денежный товар, значит, не просто идеально, как в случае с мерилом ценности и не может быть замещен своим представителем, как в случае с средством обращения» [3]).

Почему же Маркс считает, что в этих функциях деньги должны выступать в своей золотой плоти?

---

[1]) „Капитал“, т. I, стр. 101.

[2]) „К критике“, стр. 128, см. также стр. 125. Накопление богатств, как таковое, и притом в форме собирания сокровищ, имеет место только в сфере простого обращения.

[3]) „Капитал“, т. I. стр. 101.

Начнем с функции сокровища. В этой функции деньги являются воплощением всеобщего богатства. Она требует особого товара, обладающего специфическими свойствами. Сокровищем не может служить любой товар, потому, что «все другие товары (кроме золота Б. Б.) накопляются в виде потребительных ценностей, и поэтому способ собирания их зависит от свойств их потребительных ценностей. Собирание хлеба, например, требует особенных приготовлений. Собирание овец делает меня пастухом и т. д.» [1]). Но в то же время в качестве сокровища не может служить и знак ценности. К сокровищу, являющемуся воплощением всеобщего богатства, оборот пред'являет особое требование—устойчивость ценности. Всякое колебание ценности об'екта, служащего воплощением всеобщего богатства, влечет за собой падение ценности самого богатства. Золото является товаром, продуктом труда и поэтому ценность его подвержена колебаниям, но ценность золота колеблется относительно меньше, чем ценность других товаров. Колебание ценности золота дало право Марксу заметить, что «функция специального товара, напр., золота или серебра, как денег, или обособленной меновой ценности, приходит здесь в столкновение с природой специального товара, величина ценности которого зависит от изменений в издержках его производства [2]).

И если это столкновение не приводит к постоянным серьезным последствиям, то только потому, что ценность золота относительно устойчива *). Резкие изменения ценности денежного товара приводят к революциям цен и замещению его другим товаром (пример: переход от серебряной валюты к золотой в XIX веке).

Отсюда понятно, почему при тех требованиях, которые оборот пред'являет к об'екту для сокровища, им не могут быть бумажные деньги. Ценность бумажных денег зависит от их собственного количества или, точнее, от соотношения количества выпущенных бумажных денег определенного наименования и замещаемого ими количества золотых денег того же наименования, потребных для обращения.

Ценность неразменных бумажных денег величина сугубо колеблющаяся, неустойчивая. Поэтому то они и не могут выполнять функцию сокровища.

Петри усматривает невозможность для бумажных денег выступать в виде *мировых денег, не исходя из сущности денег по Марксу,* а вследствие организационного и технического порядка.

---

[1]) „К критике“, стр. 125.

[2]) „К критике“, стр. 138.

*) См. К критике, стр. 145. „Они (золото и серебро Б. Б.) имеют, как уже заметил Аристотель, более постоянную величину ценности, чем в среднем другие товары“.

Маркс же в категорической форме заявляет, что «для последней роли (мировых денег) всегда требуется действительный денежный товар, плоть золота и серебра» [1]). Однако, ни в коей мере нельзя понимать это утверждение Маркса в том смысле, что требование эффективного золота вытекает из причин организационного и технического порядка. У Петри все поставлено с ног на голову. «Деньги—по природе золото и серебро» [1]). Вследствие причин организационного и технического порядка в функциях орудия обращения и платежного средства металлические деньги могут быть замещены внутри государства бумажными знаками. На мировом рынке такой замены не может быть. Здесь, «деньги вполне развивают свою функцию товара, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма реализации человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию» [2]).

Наконец, Петри непонятно, почему бумажные деньги не могут быть резервом эмиссионного банка. Ответ на этот вопрос уже заключается в обосновании того, что мировыми деньгами может быть только золото в его реальной плоти. Говоря о трояком назначении металлического запаса эмиссионного банка, Маркс на первое место ставит «запасный фонд для международных платежей или, короче, запасный фонд мировых денег» [3]). Поскольку мировыми деньгами является только действительное золото и резервы эмиссионного банка не могут состоять из бумажных денег—знаков ценности, имеющих ограниченное местное обращение — а должны быть золотыми.

Все недоумения Петри об'ясняются его идеалистической интерпретацией Марксовой теории. Образцом такого извращения действительных взглядов Маркса может служить следующее замечание Петри: «для Маркса специфическая форма ценности денег, их всеобщая значимость основывается не на их вещественных свойствах, но только на «общественном соглашении» (стр. 101).

Как и в других областях теоретической экономии и в теории денег марксизму приходится бороться на два фронта, с одной стороны, с механистическими извращениями, и, с другой стороны, с идеалистическими. Оба фронта являются одинаково важным.

---

1) „Капитал", т. I, стр. 144.
2) Там же, стр. 116.
3) „Капитал", т. III, стр. 107.

Цена 1 р. 25 к.
[Н $8^3/_4$ п. л.]

Главная контора: Москва, Ильинка, № 9
Книжный магазин: Кузнецкий мост, № 13

Бернард Израилевич Берковский
1901–09.09.1937